

А.С. Лаппо-Данилевский

**ОЧЕРК
РУССКОЙ ДИПЛОМАТИКИ
ЧАСТНЫХ АКТОВ**

**С-Петербург
2007**

Санкт-Петербургский общественный
«Фонд культуры и образования»

А. С. Лаппо-Данилевский

ОЧЕРК РУССКОЙ ДИПЛОМАТИКИ
ЧАСТНЫХ АКТОВ

Подготовка текста А. И. Андреева,
с исправлениями и дополнениями Е. А. Ростовцева

Санкт-Петербург
2007

УДК 930 (0758)

ББК 63.2

Л 47

А. С. Лаппо-Данилевский

Очерк русской дипломатики частных актов. СПб.: Издательство «Северная звезда», 2007. — 285 с.

ISBN 5-901954-26-2

«Очерк русской дипломатики частных актов» академика А.С. Лаппо-Данилевского (1863—1919) является классической работой в области источниковедения отечественной истории. «Очерк...» заложил теоретические основы русской школы дипломатики частного акта. Изданная (под редакцией А.И. Андреева) в 1920 г. книга уже давно стала библиографической редкостью. В настоящем издании впервые восстановлена полная авторская редакция «Очерка...». Для решения этой задачи проведено комплексное исследование материалов, связанных как с работой А.С. Лаппо-Данилевского над рукописью в 1918—1919 гг., так и в период подготовки ее к печати А.И. Андреевым в 1919 г. Исследовательские статьи, сопровождающие публикацию, представляют «Очерк...» как в контексте творчества самого А.С. Лаппо-Данилевского, так и в контексте истории науки начала XX века.

Адресовано специалистам в области отечественной истории, источниковедения, специальных исторических дисциплин, истории науки.

ISBN 5-901954-26-2

© Е.А. Ростовцев,

подготовка текста, статья, 2007

© С.Н. Погодин, А.В. Малинов, статья, 2007

© Издательство «Северная звезда», 2007

ОТ ПУБЛИКАТОРА

Настоящее издание «Очерка русской дипломатики частных актов» (далее – *Очерк*) включает в себя кроме текста труда А. С. Лаппо-Данилевского биографический очерк ученого, а также статью, посвященную Лаппо-Данилевскому как основателю русской школы дипломатики частного акта. Необходимость настоящего издания, прежде всего, обусловлена тем, что *Очерк* Лаппо-Данилевского, ставший давно библиографической редкостью, в то же время является, пожалуй, самой востребованной исследовательской работой по русской дипломатике частного акта.

Кратко остановимся на характеристике рукописи *Очерка*, а также принципах предшествующего и настоящего издания *Очерка*. В 1920 г. «Очерк русской дипломатики частных актов»¹ был подготовлен к печати и издан учеником Лаппо-Данилевского, выдающимся отечественным археографом и архивистом А. И. Андреевым. Несмотря на то, что работу А. И. Андреева, с нашей точки зрения, можно считать безукоризненной, представляется уместным сделать некоторые замечания относительно рукописи *Очерка*.

В ходе подготовки настоящей публикации проведено комплексное исследование всех материалов, связанных как с работой Лаппо-Данилевского над рукописью в 1918–1919 гг., так и в период подготовки ее к печати А. И. Андреевым в 1919 г. Беловая рукопись *Очерка* с единой редакцией текста отсутствует. В личном фонде Лаппо-Данилевского (ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 246–250) отложились материалы лекций, «читанных слушателям Архивных курсов при Археологическом институте в 1918 г.» под общим названием «Очерк русской дипломатики частных актов» (далее – *Материалы...*). *Материалы...* распадаются на 4 части:

- 1) подготовительные материалы и черновые заметки - Лаппо-Данилевского к лекциям (Д. 247, 248);
- 2) *черновая рукопись* лекций Лаппо-Данилевского /

Д. 246 (Л. 1–440)–247 (Л. 1–162)/, *первая авторская редакция* – автограф А. С. Лаппо-Данилевского;

3) *беловая рукопись лекций* Лаппо-Данилевского (Д. 249), которая состоит из двух частей: 1) беловая рукопись во *второй авторской редакции* – автограф Лаппо-Данилевского и автограф А. И. Андреева с собственноручной правкой Лаппо-Данилевского (Д. 249, до Л. 113 об.); 2) беловая рукопись в *редакции А. И. Андреева* – автограф А. И. Андреева (Д. 249, с Л. 113 об.) без правки (до Л. 123 – с фрагментарной правкой) А.С. Лаппо-Данилевского;

4) корректура «Очерка русской дипломатики частных актов» с правкой А. И. Андреева (Д. 250).

Текст издан А. И. Андреевым по беловой рукописи с рядом изменений, нашедших отражение в правке первой (Д. 250), а также, по-видимому, и второй (в фонде отсутствует) корректуры. В редакторском предисловии сам А. И. Андреев отмечал, что Лаппо-Данилевский подготовил к печати «в значительной степени лишь ту часть очерка, которая напечатана ниже на страницах 3–66», остальная часть текста, по его словам, издается в том виде, который он имеет в первоначальной редакции². Это замечание требует незначительного уточнения. В тексте беловой рукописи на Д. 249. Л. 112 (соответствует С. 67 [82] *Очерка) рукой А. И. Андреева написано «до сих пор текст окончательно подготовлен А. С. Л-Д.», однако авторская редакция текста, несомненно, продолжается до Д. 249. Л. 1–13 об. (С. 68 [83] *Очерка*) – в виде автографа А. С. Лаппо-Данилевского. Правка отдельных фрагментов беловой рукописи рукой Лаппо-Данилевского продолжается до Д. 249. Л. 123 (С. 77 [92] *Очерка*). Исходя из этого, можно предположить, что *архетип авторской редакции* включает в себя: 1) вторую авторскую редакцию – беловая рукопись (Д. 249 до Л. 113 об.); 2) первую авторскую редакцию – черновая рукопись (Д. 246. Л. 119–440; Д. 247. Л. 1–162).

А. И. Андреев отмечает также, что при издании им пропущены «наброски» Лаппо-Данилевского к статье С. А. Шумакова (к С. 80 [94] *Очерка*) и замечания Лаппо-Данилевско-

---

² В квадратных скобках указаны страницы по настоящему изданию.

го об акте на С. 117 [128] *Очерка*. Причины исключения этих фрагментов текста из издания редактором не указываются. Между тем эти фрагменты присутствуют и в авторской редакции (черновая рукопись – Д. 246. Л. 156 и др.) и в редакции А. И. Андреева (Д. 249. Л. 126–129 об. и др.). А. И. Андреев также указывает ряд отступлений от редакции Лаппо-Данилевского, предпринятых в издании, наиболее существенные из которых оговаривает в тексте (вставка ремарок, исправляющих «несогласованности» авторского текста, примечание на С. 89 [212]), и отмечает, что «оглавление» к рукописи составлено им.

При подготовке к настоящему изданию взято за основу издание *Очерка*, подготовленное А. И. Андреевым (с сверкой текста по рукописи). В то же время мы посчитали необходимым включить в настоящее издание существенные фрагменты авторской редакции, которые не вошли в издание А. И. Андреева. В тексте эти отрывки выделены курсивом и помечены*, в подстрочных примечаниях дается ссылка на архивный источник. Мы также посчитали необходимым сохранить в тексте примечания А. И. Андреева и его предисловие к работе.

Справочный аппарат издания переработан и оформлен в соответствии с современными требованиями. В ряде случаев в ссылке Лаппо-Данилевского на архивный источник, точная сверка с которым для публикатора была затруднительна (прежде всего, это касается документов РГИА), приводится современное название архивохранилища и шифр, приведенный в издании подготовленном А. И. Андреевым с пометкой, данной в квадратных скобках [– по первому изд.].

Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными правилами. Пояснения Лаппо-Данилевского при цитировании источников даются в квадратных скобках, дополнения А.И.Андреева в тексте и примечаниях – в косых скобках.

За помощь в подготовке издания к печати редколлегия выражает признательность кандидату исторических наук И.П. Потехиной.

Е. А. Ростовцев

Примечания

¹ *Лаппо-Данилевский А. С.* Очерк русской дипломатики частных актов. Лекции, читанные слушателям архивных курсов при Археологическом институте в 1918 г. [Пг., 1920] [под ред. А. И. Андреева].

² *Андреев А. И.* [Предисловие] // *Лаппо-Данилевский А. С.* Очерк русской дипломатики частных актов. Настоящее издание. С. 30.

**АКАДЕМИК
АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ
ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ**

Имя Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919) хорошо известно в науке. Он по праву считается одним из основоположников петербургской-ленинградской школы историков. Однако за именем в науке стоят книги, а за книгами – конкретный человек, его жизнь и судьба.

Родившись в имении своего отца в Екатеринославской губернии, Лаппо-Данилевский получил хорошее домашнее образование, в основе которого лежали иностранные языки, музыка, математика, гуманитарные дисциплины, в том числе и история. Вкус к истории развился у юного Лаппо-Данилевского во время учебы в Симферопольской гимназии, в которой он обучался с 1873 г. Поэтому по окончании гимназии у него едва ли вызывал сомнение выбор дальнейшего пути. В 1882 г. он поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, посвятив себя занятиям русской историей. Помимо истории Лаппо-Данилевский изучал в университете юриспруденцию, экономику, физику, химию, астрономию, особенно увлекался математикой, пройдя самостоятельно полный курс математического факультета. Сохранились рукописи Лаппо-Данилевского по теории вероятности и дифференциальному исчислению.

Вместе с этим высокая требовательность к себе и окружающим, «своеобразный аристократизм», по выражению одного из ближайших его учеников, А. Е. Преснякова, приводили к некоторой отчужденности и обособленности Лаппо-Данилевского среди товарищей. Один из его друзей, впоследствии профессор и декан исторического факультета Иван Михайлович Гревс вспоминал о Лаппо-Данилевском: «В его наружном виде было что-то, действующее неприятно, во внешности, холодное, замкнуто-недоступное, можно было думать, высокомерное, горделиво индивидуалистическое. Происходило это от совершавшейся внутри его и незаконченной еще работы,

связанной с борьбой духа. Высокая требовательность к себе вызывала строгое отношение к жизни, обостряла юношеское самолюбие, которое иногда развивалось с болезненной силой. Ощущение собственных недостатков вызывало осторожное отношение к другим, иногда недоверие, боязнь потерять достоинство. Кроме того, он был застенчив, нелюдим и неуклюж, шероховат. Это приводило часто к неловкой манере при обращении с другими (но именно манера, внешность), к отчужденности, это придавало его фигуре «накрахмаленный» вид».¹ А. Е. Пресняков дал ему следующую характеристику: «Его внешний облик, культурно выработанный, сдержанный и замкнутый, таил эту натуру, глубоко искреннюю, впечатлительную, алчущую и жаждущую свободы духа от всякой двойственности, от психологических противоречий, свободы мысли от противоречий логических».²

Научная самостоятельность Лаппо-Данилевского, часто воспринимаемая современниками как одиночество и обособленность, проявились при написании им магистерской диссертации. По свидетельству А. Е. Преснякова, «А. С. Лаппо-Данилевский, одинокий и замкнутый в напряженной личной работе, не примыкал ни к какой «школе», не был чьим-либо учеником, в подлинном смысле этого слова, да, по-видимому, никогда не искал живого общения и личного сближения с кем-либо из университетских преподавателей. В занятиях своих он шел своими путями, подчиняясь внутренней последовательности собственной мысли, и тем, чем стал, был обязан самому себе, упорному самостоятельному кабинетному труду».³ Сам Александр Сергеевич признавал лишь влияние на формирование своих взглядов историко-юридического направления Б. Н. Чичерина и А. Д. Градовского,⁴ что и определило выбор «государственной» темы диссертационного исследования, озаглавленного «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований». Защита состоялась 9 мая 1890 г. Лаппо-Данилевскому оппонировали профессора Н. И. Кареев и С. Ф. Платонов. В том же году диссертация была опубликована отдельной книгой.

После защиты диссертации началась преподавательская деятельность Лаппо-Данилевского. Он читал курсы по русской историографии в Историко-филологическом институте и вел

различные занятия в Санкт-Петербургском университете: по русской истории XVIII в., по истории сословий, дипломатике частных актов, русской историографии, на протяжении ряда лет (с 1899 г.) читал курсы по теории и методологии социальных наук, а с 1906 г. – курс методологии истории. Лекции по методологии истории Лаппо-Данилевского несколько раз издавались, сначала литографским, затем типографским способами. Наиболее полный вариант вышел двумя выпусками (в 1910 и 1913 гг.), перед смертью ученый готовил новое издание своего курса, вышедшее в 1923 г.

Особенностью курсов Лаппо-Данилевского, прежде всего в первые годы его преподавания, была попытка символизировать и формализовать исторический процесс, вызванная увлечением математикой, что несколько затрудняло понимание лекций. Не менее труден для студентов оказался и курс «Методологии истории». «Многие теперь м. б., признаются, что, когда дело дошло до «номотетического построения», мы перестали понимать, в таком плачевном состоянии прошло все первое полугодие, и, надо сказать, что непонимание как-то углублялось, чем дальше, тем больше», – вспоминал позже один из студентов.⁵ Однако в оправдание Лаппо-Данилевского надо сказать, что среди немногочисленных слушателей его лекций были С. Н. Валк, А. Е. Пресняков, А. И. Андреев, Б. Д. Греков, Б. А. Романов, И. И. Лапшин, С. И. Гессен, ставшие впоследствии крупными учеными.

В то же время нарастала отчужденность Лаппо-Данилевского от факультетских коллег. Самостоятельность мышления и подчеркнутая аристократическая независимость Лаппо-Данилевского привели к тому, что он казался среди деятелей русской историографии, по выражению А. Е. Преснякова, человеком иной культуры⁶ и стал вне основных «школьных» направлений в деятельности факультета. «А. С. Лаппо-Данилевский так и остался до конца своих дней вне факультета, на ролях “приват-доцента”. Членом факультета, полноправным и влиятельным в направлении факультетской деятельности он так и не стал».⁷ Чуждым и неприемлемым для большинства коллег-историков было все усиливавшееся по ходу эволюции его научных взглядов стремление к теоретизированию и философствованию. «Не русская история сама по себе, а теория

и методология исторической науки (на русском материале) заняли господствующее положение в преподавании А. С. Лаппо-Данилевского», – отмечал А. Е. Пресняков.⁸ Некоторые историки, как, например, И. М. Гревс, относились к этому с пониманием: «Постепенно, можно сказать, философ в А. С. Л-Д-ском начал преодолевать историка, но от первоначального избранного призвания он не отказался до конца, и его философствование всегда служило целям и интересам истории, как он понимал их, и как это понимание развивалось, вырастая в концепцию широкой полноты и стройности».⁹ Только в 1918 г. Лаппо-Данилевский был избран сверхштатным профессором Петроградского университета.¹⁰

В течении многих лет Лаппо-Данилевский руководил студенческим научным кружком, официально именовавшимся «беседами по предметам факультетского преподавания». С 1909 г. он возглавил руководство «Историческим кружком» и «секцией русской истории» в составе университетского исторического общества. Благодаря ему студенческое общество стало настолько популярным, что его заседания посещали многие приват-доценты и профессора университета, не только историко-филологического, но и других факультетов.

По пятницам на квартире Лаппо-Данилевского в доме №2 по 7-й линии Васильевского острова, проходили неформальные беседы с коллегами и студентами. Б. Д. Греков описывает их следующим образом: «Пятница – это был день, когда Александр Сергеевич сидел после своего обеда дома, и когда всякий желающий мог к нему придти просто ли повидать его или же по какому-либо делу. Тут вы могли встретить и студента, и приехавшего из-за границы иностранного ученого, и начинающего приват-доцента, и просто любителя-ученого; историки, и словесники, и философы все находили в беседе с Александром Сергеевичем решение своих сомнений, отводили здесь душу, потому что все они знали, что почти нет вопроса, над которым бы Александр Сергеевич уже не думал, и где не было бы у него своего мнения».¹¹ Как отмечал Г. В. Вернадский, постоянными участниками этих вечеров были историк русского права М. А. Дьяконов и археограф С. Н. Валк. Среди частых посетителей были также иностранные историки Ф. Гольдер и Р. Г. Лорд.¹²

Другой важной стороной научной деятельности Лаппо-Данилевского была его работа в Академии наук, членом которой в звании адъюнкта он стал в 1899 г. В 1902 г. Лаппо-Данилевский был избран экстраординарным, а в 1905 г. – ординарным академиком. Став членом Академии, Лаппо-Данилевский, прежде всего, подготовил к печати незаконченные труды своего предшественника по историко-филологическому отделению – Ариста Аристовича Куника.¹³ Одновременно он разработал «План издания архивных документов XVI–XVIII веков», непосредственно реализовавшийся после многолетней работы в издании первого тома «Сборника грамот Коллегии экономики», ставшей образцом издания документов подобного рода. Лаппо-Данилевский принимал участие в издании сборников «Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси», «Россия и Италия», «Памятники дипломатических и культурных сношений России и Италии», участвовал в подготовке к изданию сочинений, писем и бумаг М. М. Сперанского, а также «Писем и бумаг Петра Великого». Наряду со «Сборником грамот Коллегии экономики» Лаппо-Данилевский стал инициатором издания «Памятников старины русского законодательства XVII–XVIII вв.». В заявлении, поданном им в отделение исторических наук и филологии, отмечалось: «Одною из самых существенных потребностей русской исторической науки должно, конечно, признать критическое издание важнейших памятников старинного русского законодательства. В самом деле, древнейшие из них, как-то Русская Правда, судебники и проч., уже под руками в научных изданиях Археологической комиссии и частных лиц, но таких же изданий Уложения царя Алексея Михайловича и следующих за ним по времени законодательных актов до сих пор не существует; русским историкам приходится пользоваться совершенно устаревшими и малопригодными для научных целей сборниками XVIII-го века и Полным собранием законов. В последнем, однако, такие памятники изданы без соблюдения самых элементарных правил всякого критического издания; ни истории текста, ни его редакции и разночтений в нем не указано, подлинные тексты в окончательном их виде воспроизведены не без многих опечатков».¹⁴

В мае 1894 г. Лаппо-Данилевский был избран членом Археографической комиссии, в составе которой подготовил к из-

данию Нижегородскую писцовую книгу, а также «Кормленную книгу Костромской чети». Лаппо-Данилевский также входил в состав Императорской Археологической комиссии министерства Народного просвещения и состоял одно время секретарем, а затем председателем секции Русской истории Исторического общества, созданного по инициативе Н. И. Кареева при Санкт-Петербургском университете, и секретарем Отделения Русских и Славянских древностей Императорского Археологического общества.

Кроме этого, Лаппо-Данилевский сотрудничал с Особой комиссией при Императорском Русском историческом обществе, членом которой он являлся с марта 1914 г. Задача, которая была поставлена перед этой комиссией, состояла в приведении в надлежащее состояние местных правительственных архивов и находящихся в них исторических материалов, а также в разработке мер по их сохранению.

Лаппо-Данилевскому приходилось много заниматься организационной работой. Он был членом Международного Социологического института. После образования в 1916 г. Российского Социологического общества им. М. М. Ковалевского он стал его первым председателем. В том же 1916 г. ученый был избран в члены Русского Исторического общества и секретарем состоявшей при обществе особой комиссии по сохранению местных архивных материалов. В 1917 г. он был избран председателем Подкомиссии по предложенному им изданию сборника «Русская наука».

Большую часть своей жизни Лаппо-Данилевский сторонился активного участия в общественно-политической жизни. Однако в 1905 г. обстоятельства изменились. Историк был избран в Государственный Совет в качестве представителя Академии наук. И. М. Гревс писал в этой связи, что не терпевший политики Александр Сергеевич, тем не менее, «считал долгом отдавать дань служению родине и народу, которых он всегда любил и почитал. Скрепя сердце он принял избрание в Государственный Совет во время Первой Думы».¹⁵ Но уже в мае 1906 г. в письме к А. А. Шахматову он пессимистически высказывался относительно своей деятельности в Государственном Совете.¹⁶ Позднее, в июне 1906 г., он писал секретарю Академии наук и своему другу С. Ф. Ольденбургу: «Первая поло-

вина прошла плохо, чему немало содействовало заседание в Гос. Совете». ¹⁷ В Государственном Совете Лаппо-Данилевский выступал лишь один раз – по поводу отмены смертной казни. Не будучи по своему характеру политиком, ученый считал, что работа в этом органе приводит только к потере ценного для него времени, которое он с большей пользой мог бы употребить на науку. Поэтому он вышел из состава Государственного Совета незадолго до закрытия его первой сессии.

Лаппо-Данилевский был членом кадетской партии. После Февральской революции 1917 г. он входил в комиссию Ф. Ф. Кокошкина по выработке избирательного закона в Учредительное собрание. ¹⁸ По свидетельству Гревса, Александру Сергеевичу «хотелось поддержать благородный опыт Временного правительства спасти родину и ее честь, сохранить культуру, организуя свободу». ¹⁹ Однако ученый так и не смог включиться в активную политическую деятельность.

Революция, война поразили Лаппо-Данилевского. Насилие всегда было неприемлемо для его нравственного сознания. То, что последовало после октябрьских событий 1917 г., повергло ученого в тяжелые муки. «Можно с уверенностью сказать, что душевное настроение, созданное октябрьским переворотом, подорвав творческую энергию Александра Сергеевича, заставило его прежде всего задуматься о реализации своего накопленного исследовательского достояния», – констатировал С. Н. Валк. ²⁰

Последние годы жизни Лаппо-Данилевского были полностью посвящены науке. Именно в работе он видел свое спасение. Перестройка государственной системы привела к упразднению множества прежних правительственных учреждений, к созданию новых и спешной реорганизации старых, что осложняло работу архивов. В архивное дело во многом вмешивались политические настроения. В итоге часть ценнейших архивных фондов погибла. В этих условиях Лаппо-Данилевский стал организатором «Союза архивных деятелей», который был образован в марте 1917 г. ²¹ В союз вошли, кроме отдельных представителей, более 30 столичных и провинциальных учреждений представляющих архивы и рукописные хранилища. В июне 1917 г. Временное правительство утвердило устав Союза. Главной целью Союза стало создание авторитетного и

полномочного органа по руководству организацией архивного дела в России, органа, который имел бы общее государственное значение. Союз наметил ряд задач по разработке принципов и методов архивоведения, составил программу издания трудов справочного и научного характера, а также проведения курсов и лекций по теории и практике архивного дела. Лаппо-Данилевский был председателем межведомственного совещания по вопросу о положении губернских ученых архивных комиссий. В этом качестве он руководил охраной материалов и эвакуацией архивов из Петрограда.

Первым шагом союз наметил созыв всероссийского съезда архивных деятелей, разработку положения о местных архивных организациях и создание центральной архивной комиссии – полномочного органа по управлению всем архивным делом. Была разработана программа съезда, ориентировочного его проведение было назначено на декабрь 1917 г.

После октября 1917 г. начинания «Союза архивных деятелей» не получили поддержки у советской власти. Союз превратился в частный кружок без полномочий и средств, в этих условиях он даже не мог справиться с задачей спасения и охраны гибнущих архивных ценностей. Декретом Совета народных комиссаров от 1 июня 1918 г. было создано Главное управление архивным делом. В соответствии с декретом все архивы правительственных учреждений были ликвидированы, а хранящиеся в них дела и документы передавались в состав единого государственного архивного фонда. Лаппо-Данилевский вошел как представитель Академии наук в состав первого совета по делам управления государственным архивным фондом и принял деятельное участие в выработке основ намеченной реформы архивного дела.²² Однако дальнейшее подчинение Главархива новому правительству нивелировало значение совета и Лаппо-Данилевский вышел из него. В этот период главное внимание он сосредоточил на работе «Союза архивных деятелей».

В начале 1919 г. Лаппо-Данилевский заболел, на ноге образовался нарыв, его поместили на лечение в Военно-медицинскую академию. В больнице он продолжал следить за работой руководимых им комиссий и научных учреждений, просматривал корректуру и отчеты, готовил к печати новую ре-

дакцию «Методологии истории». После операции гнойные остатки оказались не полностью удалены, они стали быстро распространяться по организму. П. А. Сорокин так вспоминал о последних днях Лаппо-Данилевского: «На прошлой неделе, когда я посещал его, он выглядел живым скелетом. Слабо улыбаясь, он рассказал, что несколькими днями ранее, по дороге в академию упал и слегка повредил ногу. Три дня спустя я навестил его в больнице, где ему сделали хирургическую операцию. Лежа в больничной койке, этот умирающий человек читал “Феноменологию духа” Гегеля. “Никогда не было времени внимательно протудировать ее, – прошептал он. – Начну сейчас”. На следующий день он скончался».²³ Это произошло 7 февраля 1919 г.

***

В центре внимания специальных научных исследований Лаппо-Данилевского была русская история. Видное место в его работах по русской истории занял XVIII век. Обращение к этому периоду было связано с рождением, по мнению историка, новой общественности, новой духовной культуры, новых форм социально-экономической жизни, правосознания и правовой деятельности.

Первые работы Лаппо-Данилевского по русской истории относятся к студенческим годам.²⁴ Среди них можно упомянуть «Скифские древности».²⁵ В этом исследовании соединились русская история, античность и археология, а также методы изучения вещественных и художественных памятников, анализ письменных источников. Работа показала умение молодого ученого хорошо пользоваться различными источниками, способность анализировать их, стремясь к синтетическому построению. Труд «Скифские древности» явился своеобразной заявкой и показал, что от автора следует ожидать больших результатов в исторических исследованиях. К археологическим изысканиям Лаппо-Данилевский примыкает и опубликованная в 1893 г. монография «Древности кургана Карагодеушх, как материал для бытовой истории Прикубанского края в IV–III вв. до Р. Х.».²⁶

К студенческим годам относится начало архивных исследований Лаппо-Данилевского, на основе которых он опубли-

ковал ряд специальных этюдов: о величине дворовых и огородных мест древне-русского города,²⁷ о «приправочных» книгах XVII в.,²⁸ о «поверстной и указной книгах» Ямского приказа.²⁹ Уже после окончания университета были опубликованы исследования о «мостовых и решеточных деньгах» в Новгороде и Москве в XVII в.,³⁰ а также этюды, представленные изданиями «кормленной книги Костромской четверти»,³¹ «писцовой и переписной книги» по Нижнему Новгороду,³² «записной книги» крепостным актом дьяка Алябьева,³³ «отрывок из дела о сборе земли, дров и денег на емчужное дело с погостов Новгородских пятин XVI века»,³⁴ «веревной книги Николаевского Корельского монастыря 1707 г.»³⁵

На четвертом курсе молодой историк стал заниматься историей Московского государственного строя. Исследования по этой теме продолжались и после окончания в 1886 г. университета. Их итогом стала диссертация «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований», которая вышла отдельной книгой и вызвала большой интерес. Обширную рецензию на нее по поручению Академии наук дал П. Н. Милюков. Работа Лаппо-Данилевского, по признанию рецензента, стала одним из «самых замечательных явлений в русской исторической литературе».³⁶

Проблема, поставленная в исследовании Лаппо-Данилевского, в той или иной степени затрагивалась в работах видных отечественных историков. Однако его труд существенно отличался от предшествующих работ, прежде всего, широтой поставленной темы. Автор не ограничился разбором происхождения и видов прямых налогов, порядка обложения, их раскладки и взимания, а дал обзор общественных условий, на почве которых возникла организация прямого обложения. В работе была рассмотрена история финансовых приказов, а также поставлен вопрос, куда поступали прямые налоги и как они распределялись по центральным учреждениям.

Вторая отличительная особенность работы состояла в обилии документального материала. Ученый не только воспользовался всеми вышедшими к моменту написания работы печатными источниками, но и привлек значительное количество материала, разбросанного по многочисленным малодоступным провинциальным изданиям – губернским ведомостям, памят-

ным книжкам, ежегодникам статистических комитетов. Благодаря этому в научный оборот были введены несколько важных документов – данные о количестве отписанных в посадское тягло дворов и людей. Особое значение имел рукописный материал из московских архивов министерства юстиции и министерства иностранных дел, а также из Публичной библиотеки в Петербурге.

Одним из основных рукописных источников для работы Лаппо-Данилевского явились писцовые книги. В русской исторической и юридической литературе до появления этой работы не было исследования, где бы с такой обстоятельностью были рассмотрены писцовые книги, как историко-юридический источник вообще, и где бы так много было на них основано. В книге детально была показана разновидность писцовых книг. Своим исследованием ученый опроверг точку зрения византиноведов, пытавшихся доказать заимствование из Византии образцов для составления отечественных писцовых книг.³⁷ Подвергая строгой критике способы и приемы составления писцовых книг, а также степень их достоверности, историк пришел к заключению, что «народные переписи, производившиеся в Московском государстве с XV века до второй половины XVII века, едва ли имели равные им правительственные предприятия в Западной Европе за тот же период времени».³⁸

Включив в работу громадное количество материала, Лаппо-Данилевский сумел с ним справиться надлежащим образом. Материал не подавил его, а послушно разместился в строго последовательном порядке по отдельным рубрикам. Системность построения книги представляет одно из ее главных достоинств. Анализ материала позволил ему реконструировать финансовую систему и тем самым показать существенные черты Московского государственного и общественного строя. Главной задачей исследования, по признанию самого Лаппо-Данилевского, было изучение специфических особенностей истории русского народа, как особенного национального типа.³⁹ Он считал, что «развитие великорусской национальности было довольно односторонним. Оно сказывалось главным образом в прогрессивном росте правительственных органов и их функций, а не в разностороннем историческом движении всей совокупности народных сил».⁴⁰ В силу этого на первый план выд-

вигалась история государства, что было характерно для «государственной» школы русской историографии. Надо заметить, что данная историографическая традиция к концу 80-х гг. XIX в. в значительной мере исчерпала себя. Поэтому работа А. С. Лаппо-Данилевского была встречена как возрождение концепции «государственной» школы.

Продолжая государственную теорию исторического процесса, движущей силой которой является «идея государства», историк усматривал силу этой идеи в поддержке ее со стороны общественного сознания, в гармонии государственных и народных интересов. Идея государства декларируется как абсолютная ценность, которая постепенно познается общественным сознанием и выступает как самодовлеющая сила. «По мере того, как росло и крепло Московское государство, в обществе развивалось сознание тех обязанностей, какие падали на его членов», – считал историк и продолжал: это сознание «легло в основание правительственной деятельности и нередко руководило общественной мыслью». ⁴¹ Таким образом, ученый выступил с идеей, согласно которой исторический процесс следует за развитием идей, лишенных какого-либо классового содержания.

Главное внимание в работе было сосредоточено на вопросе об организации прямого обложения, как наиболее важном источнике пополнения казны. И это не случайно, поскольку Лаппо-Данилевский считал, что финансовая политика Московского царства в XVII в. была направлена не на поощрение предпринимательской деятельности, а на обеспечение казны любыми средствами. Следует отметить и тот факт, что он сделал попытку исторически объяснить происхождение прямого обложения. Рассматривая развитие прямого обложения, ученый обосновано устанавливал его связь: 1) с переменной, которая произошла во второй половине XVI в. в областной администрации, и 2) с данью, которую население восточно-европейской равнины, как завоеванное, должно было платить победителям, – сперва хазарам и норманнам, а с XIII в. – татарам. Эта дань имеет доминирующее значение до самого конца XV в., преобразовавшись потом в разнообразные подати и утратив свой исконный характер. Дань – первый и поначалу единственный тип прямой подати: отсюда необыкновенная устойчивость

понимания этого термина в смысле прямого налога в противоположность пошлине, косвенному налогу.

Выясняя социально-экономические условия, на основе которых складывалась организация прямого обложения, Лаппо-Данилевский показал принципы ее функционирования и влияния на общественный строй. Исследуемые явления были представлены в их динамике, зависящей от местных условий древнерусской жизни.⁴² Историк пришел к выводу, что определенная система налогов окончательно сформировалась лишь к концу XVII в.⁴³

Выводы, к которым пришел Лаппо-Данилевский, можно свести к следующим положениям: 1) до последней четверти XVII в. в Московском государстве не существовало строго определенной и теоретически выработанной системы налогов; 2) тягловые интересы в XVII в. составляли центр тяжести общественной жизни как в крестьянской, так и в посадской общине, что обусловило влияние правительства на общину, выразившееся главным образом в стремлении прикрепить тягловцев к месту; 3) подробно рассмотрев податные единицы, которыми правительство измеряло налоговоспособность отдельных лиц и целых поселений, историк характеризовал единицы измерений – соху, живущую четверть и двор, – а также подробно выяснил причины перехода в финансовой системе от первой из них ко второй и третьей. Он впервые дал точное определение живущей четверти как податной единицы, состоящей из определенного, но изменявшегося сообразно роду поместья числа крестьянских и бобыльских дворов и служившей переходной ступенью от посотной подати к подворной. На основании государственных росписей и смет Лаппо-Данилевский заключил (4), что финансовая система Московского государства XVII в. носила чисто репартиционный характер. Общий вывод всего исследования (5) состоял в указании на связь между общей русской государственной жизнью того времени и финансовой системой, выразившуюся в постепенном поглощении частных интересов государственными, в усилении централизации и милитаризации.

После защиты магистерской диссертации изучение русской государственности в ее отношении к общественному строю осталось в центре внимания исторических исследова-

ний Лаппо-Данилевского. Его интересы были направлены, с одной стороны, на историю сословий, с другой, на выяснение эволюции правосознания и государственных понятий. В дальнейшем он касался лишь отдельных вопросов русской истории московского периода. В статье о «Выслуженных вотчинах в Московском государстве XVI–XVII в.»⁴⁴ историк исследовал одно из явлений служилого землевладения, принципиально важного для истории русского поземельного права.

Изучая экономическую историю России XVII–XVIII вв., Лаппо-Данилевский особое внимание уделял промышленным и торговым ассоциациям.⁴⁵ В России таких исследований не было, и выход работы ознаменовал новое направление в исторической науке. По мнению ученого, не внутренний ход русской жизни привел к возникновению более сложных по своей организации компаний, а конкуренция с западноевропейскими торговыми и промышленными компаниями. «С экономической точки зрения они (компании первой половины XVIII века – *Авт.*) оказались довольно выгодной формой предприятия – но еще слишком согласовались с правами русского общества и отчасти были дискредитированы в его глазах беззастенчивой эксплуатацией народного богатства, а также чрезмерным покровительством государственной власти. Несмотря на ее содействие, наши компании на первых порах не могли приобрести того общественного и политического значения, какое союзы подобного рода имели в Западной Европе, а со второй половины XVIII столетия лишились и выгодной им поддержки со стороны русского правительства».⁴⁶ В торговых и промышленных компаниях Лаппо-Данилевский усмотрел одну из форм организации общественных сил, способствовавших формированию начала «личности» и ее взаимодействию с государством.

В «Очерке истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России»⁴⁷ Лаппо-Данилевский показал, как сложились эти разряды и как они в XVIII столетии получили большую правовую определенность и сословное значение. Историк выступил против резкой сословной градации и необоснованных привилегий, полученных дворянством, по его мнению, после ревизии 1718–1727 гг. Он также указал на рост деспотизма господ по отношению к крестьянству и

подчеркнул, что этот гнет «послужил одною из причин крестьянских волнений против помещиков».⁴⁸

В центре научных интересов Лаппо-Данилевского постепенно стал преобладать период царствования Екатерины II. Теперь его интересовала не история учреждений и общественных сословий, а история идей. Екатерининская эпоха привлекала внимание историка тем, что в ней он видел истоки формирования в русском образованном обществе идеи эмансипированной личности, чему способствовало влияние западноевропейского просвещения. Лаппо-Данилевский задумал написать на эту тему докторскую диссертацию «История политических идей в России в XVIII в. в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики», однако так и не завершил работу. Собранный им материал частично был опубликован в виде статей.

Исторические труды Лаппо-Данилевского, посвященные XVIII веку, рассматривали развитие русского правосознания, именно в этом ключе написана работа «Собрание и свод законов Российской империи, составленные в царствование Императрицы Екатерины II».⁴⁹ Правительство подготовило «Описание внутреннего правления Российской Империи», сходного с полным собранием законов. Предприятие это, однако, не увенчалось успехом, по мнению историка, главным образом по двум причинам: вследствие опалы князя Вяземского, под руководством которого составлялось «Описание», и перемены взглядов императрицы на задачи внутренней политики.

Обстоятельный очерк состояния русского образования в XVIII в. дан в статье об И. И. Бецком. В ней были также рассмотрены принципы его системы воспитания.⁵⁰ Особую роль в просвещении российского общества историк отводил Екатерине II.

Одним из лучших очерков Лаппо-Данилевского о царствовании Екатерины II по праву можно назвать «Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II».⁵¹ В сжатом изложении он дал обзор внутренней политики российской самодержицы. По его мнению, императрица в первую половину своего царствования пыталась наладить взаимную связь между престолом и гражданами, положив в основу «народное благосостояние».⁵² Историк особое внимание уделил идее закон-

ности, как основной идее Екатерины II, ее стремлению «возводить правовые отношения сословных групп друг с другом к государственной власти».⁵³ Однако эта идея не увенчалась успехом по причинам, которые остались не выясненными в исследовании.

Продолжением темы правления императрицы Екатерины II стала работа, посвященная крестьянскому вопросу.⁵⁴ Под влиянием крепостнически настроенного дворянства, интересы которого императрица боялась сколько-нибудь затрагивать, видя в нем опору монархии, она стала думать не о постепенном осуществлении реформы, а только об ограничении крепостного права.⁵⁵ В итоге, как отмечал исследователь, дело свелось к секуляризации церковных имений и приравниванию прикрепленных к ним крестьян к государственным. Крепостной строй Екатериной II не был реформирован, а даже укрепился и распространился на новые территории. Восстание Е. Пугачева вместо того, чтобы побудить правительство к реформе, вызвало применение насилия и преобладание реакционного элемента в политике по крепостному вопросу. Были ограничены и права граждан в самом обсуждении этого вопроса. Надежды большинства населения на просвещенного монарха не оправдались.⁵⁶

Определенный вклад внес Лаппо-Данилевский и в разработку истории Малой Руси, в частности своими исследованиями по истории князя Болеслава-Юрия II.⁵⁷ Историк обнаружил исчезнувший оригинал грамоты Болеслава-Юрия 1325 г. и тем самым пополнил коллекцию галицко-волынских грамот.

Историографические исследования очень сложны потому что, как справедливо отмечал С. Л. Пештич, «историография является в значительной степени обобщением истории гуманитарных наук. Историю исторической мысли нельзя изучать без истории философии, истории политических учений, истории вспомогательных исторических дисциплин и многого другого».⁵⁸ Именно в таком ключе к проблемам историографии и подходил Лаппо-Данилевский. К его историографическим работам примыкают рецензии и статьи об отдельных историках, написанных по разным поводам, чаще всего по заказу Академии наук. Частично они были опубликованы в «Очерке развития русской историографии».⁵⁹

В последние годы своей научной деятельности Лаппо-Данилевский вернулся к исследованию идеи государства и ее развития в России. На основании сделанных им подготовительных работ он изучал те перемены, которые произошли в отношении между государством и подданными до и после эпохи преобразований.⁶⁰

Особое внимание Лаппо-Данилевский уделял дипломатике частных актов Московского периода. Вместе со своими учениками он составил научный каталог всех изданных документов подобного рода. В числе его собственных работ по сфрагистике и дипломатике можно назвать монографию о печатях Галицко-Владимирских князей и их советников XIV в.,⁶¹ а также исследование о «служилых кабалах позднейшего типа», в котором он предложил новый метод анализа формуляра и его разновидностей.⁶²

В последние месяцы своей жизни Лаппо-Данилевский приступил к подготовке текстов своих лекций, которые он назвал «Очерк русской дипломатики частных актов». Очерк сложился в теснейшей связи с научной и педагогической деятельностью историка и стал результатом практических занятий по «дипломатике частных актов Московского государства» в Санкт-Петербургском университете, которые Лаппо-Данилевский проводил с 1903 г. Однако к печати была подготовлена только треть материала,⁶³ остальная часть представляла только первоначальную редакцию. Незавершенную часть рукописи подготовил к изданию ученик Лаппо-Данилевского, А. И. Андреев, он же составил оглавление.

Несмотря на масштабность многих научных изысканий и начинаний Лаппо-Данилевского, несмотря на значительность результатов его труда, главное исследование ученого так и осталось незавершенным. Речь идет о его докторской диссертации «История политических идей в России в XVIII в. в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики». Вокруг этой работы группировались все исследования Лаппо-Данилевского двух последних десятилетий его жизни. По верному замечанию А. Е. Преснякова, правильно оценить вклад Лаппо-Данилевского в историческую науку без учета этой книги просто невозможно.⁶⁴

В отечественной историографии того времени целая пле-

яда исследователей ставила и разрабатывала сложнейшие проблемы истории русской культуры. Лаппо-Данилевский также обратился к этой теме и нашел свой подход к богатейшему и тогда еще практически неизученному материалу. В проблематике истории культуры он смог соединить воедино свои разнообразные дарования и интересы.

Одновременно с Лаппо-Данилевским историей русской культуры занимался П. Н. Милюков, с середины 1890-х гг. начавший публиковать свои знаменитые «Очерки по истории русской культуры». Согласно П. Н. Милюкову, история культуры должна охватывать «все стороны внутренней истории: и экономическую, и социальную, и государственную, и умственную, и нравственную, и религиозную, и эстетическую».⁶⁵ П. Н. Милюков один из первых попытался дать представление о русской культуре как о системе, охватывающей все стороны жизни общества. Во главу угла развития русской культуры он ставил борьбу различных влияний – восточного и западного.

В отличие от П. Н. Милюкова Лаппо-Данилевский не разрабатывал теоретических основ своей концепции культуры. Однако в «Методологии истории» он уделил большое внимание истории культуры как специальной научной дисциплине, с которой начался «век просвещения». Так же, как и П. Н. Милюков, он придерживался той точки зрения, что развитие культуры в России шло в борьбе восточного и западного направлений.

Постоянное недовольство уже сделанным и, как следствие, расширение, уточнение, дополнение написанного не позволили Лаппо-Данилевскому завершить работу полностью, остановили уже было намечавшееся издание книги. «Это исследование, – отмечал Г. В. Вернадский, – не было напечатано только вследствие чрезвычайной, в данном случае, прямо можно сказать, чрезмерной ученой щепетильности и мнительности Александра Сергеевича, желавшего достичь идеальной, предельной точности и отделки своего труда и потому не сдававшего его в печать, хотя, кажется, он уже давно – более десяти лет – был совершенно к печати готов».⁶⁶

Первая часть работы была в основном закончена к середине 1900 г., а вся она вчерне готова к 1906–1907 гг. Однако активная переработка текста продолжалась вплоть до 1911 г.,

когда Лаппо-Данилевский предполагал начать печатать первый том – «Вводный», охватывающий только XVII в., то есть до эпохи преобразований. Но и это намерение выполнить не удалось, внимание ученого переключилось на другие темы.

В 1917–1918 гг. Лаппо-Данилевский возвратился к идее опубликовать сделанное, совместно со своими учениками он предпринял необходимые действия, хотя, по свидетельству Г. В. Вернадского, «Александр Сергеевич никому или почти никому не читал хотя бы отрывок этого труда; немногим он и говорил об этом своем исследовании; о нем передавались только слухи».⁶⁷ При жизни историка работа так и не была опубликована. Только в 1990 г. вышла в свет первая часть этого исследования Лаппо-Данилевского под названием «История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII веков».

В заключение, обобщая, можно сказать, что для одних ученых наука – профессиональное занятие, для других – возвышенное удовольствие и для очень немногих – вся жизнь. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский принадлежал к числу последних. Он жил для науки и в науке искал и находил смысл своей жизни. Всею своею жизнью и работой он дал образец беззаветного служения науке, служения чуждого всяким посторонним интересам. В нем всегда чувствовалось напряжение научной мысли.

Научное наследие Лаппо-Данилевского как в области изучения истории, так и в области исследования философских проблем изучено и оценено еще далеко не полностью. В архиве Академии наук хранятся его рукописи, никогда еще не видевшие своего читателя. Более двух третей созданного им за годы научной деятельности еще не издано, и, следовательно, его имя еще не открыто до конца.

С. Н. Погодин, А. В. Малинов

Примечания

¹ Гревс И. М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (Опыт истолкования души) // РИЖ. 1920. Кн. 6. С. 54.

² Пресняков А. Е. А. С. Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель // РИЖ. 1920. Кн. 6. С. 85.

³ *Пресняков А. Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. [С]Пб., 1922. С. 16.

⁴ Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук. Т. III. Ч. 1: А – Л. Пг., 1915. С. 406.

⁵ *Романов Б. А.* А. С. Лаппо-Данилевский в университете (две речи) // РИЖ. 1920. Кн. 6. С. 183.

⁶ *Пресняков А. Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский... С. 67.

⁷ Там же. С. 25.

⁸ Там же. С. 24.

⁹ *Гревс М. И.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский... С. 60–61.

¹⁰ Материалы для биографии А. С. Лаппо-Данилевского / Под ред. А. И. Андреева. Л., 1929. С. 8.

¹¹ *Греков Б. Д.* Ученая и учебная деятельность А. С. Лаппо-Данилевского // ИТУАК. 1919. №56. С. 155.

¹² *Вернадский Г. В.* Русская историография. М., 1998. С. 187–188.

¹³ См.: *Куник А. А.* Открытое письмо к сухопутным морякам» // Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1903. Ч. 2; Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные А. И. Гиппингом и А. А. Куником с предварительной заметкой А. С. Лаппо-Данилевского / Приготовлены и изданы под ред. А. А. Куника и А. С. Лаппо-Данилевского. СПб., 1913; Сборник документов, касающихся истории Невы и Ниеншанца. Приложение к труду А. И. Гиппинга «Нева и Ниеншанц» с предварительной заметкой А. С. Лаппо-Данилевского. Пг., 1916.

¹⁴ Протоколы заседаний ИФО имп. Российской Академии наук за 1909 г. [СПб., 1910]. §188.

¹⁵ *Гревс И. М.* Указ. соч. С. 85.

¹⁶ ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 821. Л. 26.

¹⁷ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1906 г. Д. 1. Л. 156.

¹⁸ Отчет о деятельности российской Академии наук по отделению физико-математических и исторических наук и филологии за 1917 год. Пг., 1918. С. 25.

¹⁹ Там же. С. 78–79.

²⁰ РИЖ. 1922. Кн. 8. С. 244.

²¹ См.: *Пресняков А. Е.* Реформа архивного дела // РИЖ. 1918. Кн. 5. С. 205–222.

²² См.: ИА. 1919. Кн. 1. С. 521–523.

²³ *Сорокин П. А.* Долгий путь. Автобиографический роман. Сыктывкар, 1991. С. 145.

²⁴ См.: *Лаппо-Данилевский А. С.* 1) Из старинных сношений России с Западной Европой. Новейшие архивные работы русских ученых в итальянских архивах. Новые данные о сношениях России с

Западной Европою в сочинениях В. И. Ламанского о государственных тайнах Венецианской республики // ЖМНП. 1884. №5. С. 21–38; 2) Иноземцы в России в царствование Михаила Федоровича // ЖМНП. 1885. №9. С. 66–109; 3) Русская промышленная политика в XVIII в. // ЖМНП. 1886. №5. С. 143–149.

²⁵ Лаппо-Данилевский А. С. Скифские древности // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. Т. IV. СПб., 1887. С. 352–543. В 1887 г. вышло отдельное издание этой работы.

²⁶ Лаппо-Данилевский А. С. Древности кургана Карагодеушх, как материал для бытовой истории прикубанского края в IV–III вв. до Р. Х. Исследования // Материалы по археологии России, издаваемые Императорской археологической комиссией. СПб., 1893. №8.

²⁷ Лаппо-Данилевский А. С. О величине дворовых и огородных мест древнерусского города по некоторым данным первой половины XVII века // Записки Императорского Русского Археологического общества. Новая серия. СПб., 1888. Т. III. Вып. 3–4. С. 307–316.

²⁸ Лаппо-Данилевский А. С. Какое значение имели «приправочные» книги в XVII веке? // Библиограф. 1889. №8–9. С. 167–169.

²⁹ Лаппо-Данилевский А. С. Поверстная и указная книги Ямского приказа // Библиограф. 1890. №9–10. С. 93–107.

³⁰ Лаппо-Данилевский А. С. «Мостовые» и «решеточные деньги» в Новгороде и Москве в XVII веке // Записки АН по ИФО. 1902. Сер. VIII. Т. V. №4. С. 1–29.

³¹ Лаппо-Данилевский А. С. Кормленная книга Костромской четверти 1613–1627. СПб., 1894. С. I–XXV.

³² Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду / Под ред. А. С. Лаппо-Данилевского // РИБ. Т. XVII (сборный). СПб., 1896.

³³ Записная книга крепостным актам XV–XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву / Под ред. А. С. Лаппо-Данилевского // РИБ. Т. XVII (сборный). СПб., 1896.

³⁴ Лаппо-Данилевский А. С. Отрывки из дела о сборе земли, дров и денег на «емчужное дело» с погостов Новгородских пятин XVI в. // ЛЗАК. 1900. Вып. 11. С. 232–239.

³⁵ Лаппо-Данилевский А. С. Веревная книга Николаевского Корельского монастыря. 1707 г. // ЛЗАК. 1905. Вып. 15. С. 19–21.

³⁶ Милюков П. Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. [Рец.:] Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве. СПб., 1890 // ЖМНП. 1893. №7. С. 203.

³⁷ Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в

московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 180.

³⁸ Там же. С. 240.

³⁹ Там же. С. 1.

⁴⁰ Там же. С. 501–502.

⁴¹ Там же. С. 501.

⁴² Там же. С. 111.

⁴³ Там же. С. 30.

⁴⁴ Лаппо-Данилевский А. С. Выслуженные вотчины в Московском государстве XVI–XVII в. // ИО. 1891. Т. III. С. 109–133.

⁴⁵ Лаппо-Данилевский А. С. Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия. СПб., 1899.

⁴⁶ Там же. С. 123.

⁴⁷ См.: Крестьянский строй. Сборник. Т. I. СПб., 1905. С. 11–56.

⁴⁸ Там же. С. 123.

⁴⁹ Лаппо-Данилевский А. С. Собрание и свод законов Российской империи, составленные в царствование Императрицы Екатерины II // ЖМНП. 1897. №1. С. 1–59; №3. С. 132–168; №5. С. 60–82; №12. С. 365–390.

⁵⁰ См.: Лаппо-Данилевский А. С. И. И. Бецкой и его система воспитания. Отзыв А. С. Лаппо-Данилевского о сочинении П. Н. Майкова «Иван Иванович Бецкой. Опыт биографии» // Записки АН по ИФО. Т. VI. №7; Отчет о сорок четвертом присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1904. С. 117–177.

⁵¹ Лаппо-Данилевский А. С. Императрица Екатерина II (очерк внутренней политики) // Космополис. 1897. Т. VII. №1 (июль). С. 48–69; №2 (август). С. 92–111; Т. VIII. №1 (октябрь). С. 28–48. В 1898 г. очерк вышел отдельным изданием под названием «Очерк внутренней политики Императрицы Екатерины II» (СПб., 1898).

⁵² Лаппо-Данилевский А. С. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб., 1898. С. 3.

⁵³ Там же. С. 18.

⁵⁴ Лаппо-Данилевский А. С. Екатерина II и крестьянский вопрос // Великие реформы. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем / Юбилейное издание. М., 1911. Т. I. С. 163–190.

⁵⁵ Там же. С. 166–167.

⁵⁶ Там же. С. 189–190.

⁵⁷ См.: Болеслав-Юрий II, князь Малой Руси. Сборник материалов и исследований, сообщенных О. Гонсиоровским, А. А. Куником, А. С. Лаппо-Данилевским. СПб., 1907.

⁵⁸ Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Ч. I. Л., 1961. С. 5.

⁵⁹ Лаппо-Данилевский А. С. Очерк развития русской историографии // РИЖ. 1920. №6.

⁶⁰ L'idée de l'Etat et son évolution en Russie depuis les troubles du XVII-ème siècle jusqu'aux réformes du XVIII-me // Essays in Legal History read before the International Congress of Historical Studies held in London. Oxford, 1913. P. 356–383. Русский перевод статьи с незначительным сокращением см.: Лаппо-Данилевский А. С. Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времен смуты и до эпохи преобразований // Голос минувшего. 1914. №12. С. 5–38.

⁶¹ Лаппо-Данилевский А. С. Печати последних Галицко-Владимирских князей и их советников // Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси... С. 211–311.

⁶² Лаппо-Данилевский А. С. Служилые кабалы позднейшего типа // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете. М., 1909. С. 719–764.

⁶³ Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов. Лекции, читанные слушателям архивных курсов при Археологическом институте в 1918 году / Под ред. А. И. Андреева. Пг., 1920.

⁶⁴ Пресняков А. Е. Труды А. С. Лаппо-Данилевского по русской истории // РИЖ. 1920. Кн. 6. С. 97–98.

⁶⁵ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. 5-е изд. СПб., 1904. Ч. 1. С. 3.

⁶⁶ Вернадский Г. В. А. С. Лаппо-Данилевский как историк России XVIII в. // ИТУАК. 1919. №56. С. 159.

⁶⁷ Там же.

ОТ РЕДАКТОРА

«Очерк русской дипломатики частных актов» составлен из тех лекций, которые покойный А. С. Лаппо-Данилевский читал в октябре-ноябре 1918 г. на Архивных курсах при Археологическом Институте в Петрограде. Приняв тогда же сделанное ему предложение напечатать упомянутые лекции, А. С. в последующие месяцы приступил к подготовке их для печати, но успел до своей болезни, а отчасти и во время ее в январе 1919 г. в значительной степени подготовить лишь ту часть «Очерка», которая напечатана ниже на страницах С. 3–66 [31–81], остальная часть не подверглась тщательной авторской обработке и издается почти в том виде, какой она имела в первоначальной редакции; опущены лишь наброски критических замечаний А. С. по поводу статьи С. А. Шумакова о грамотах и записях, помещенной в четвертом выпуске «Обзора грамот Коллегии Экономии» (ср. С. 77 [94]), и такие же замечания по поводу акта, напечатанного на С. 117 [128]. В немногих случаях для связи текста пришлось, однако, дополнить его отдельными словами, поставленными в ломаные скобки; в нескольких случаях явные описки исправлены мною.

Что касается примечаний, то большинство из них выверено и дополнено мною необходимыми библиографическими указаниями; на С. 89 [212] прибавлена ссылка на статью В. К. Трутовского о «рядной Тешаты».

Принятые мною сокращения при ссылках на общеизвестные сборники актов не требуют, кажется, пояснений; нередко цитируемый «Сборн. грам. Коллегии Экономии», Т. I, и есть тот сборник грамот Коллегии Экономии по Двинскому уезду, который начал печататься Академией Наук по инициативе А. С. и при его жизни доведен до листа 43-го. Отсутствующее в рукописи «оглавление» составлено мною.

А. Андреев

ПРЕДИСЛОВИЕ*

Время, которое мы переживаем, не особенно располагает к отвлеченным научным занятиям, но оно возлагает на нас весьма серьезные обязанности: для тех из нас, которые дорожат культурой, они состоят прежде всего в том, чтобы соблюсти и развить ее начала в нашей жизни.

Одной из таких обязанностей, к исполнению которой все мы, историки и архивисты, специально призваны, является сохранение многовекового нашего культурного наследия, запечатленного в архивных документах. Архивные документы включают, главным образом, публичные и частные акты; а потому несколько лекций, посвященных выяснению научного значения не только публичных, но и частных актов, принципов и методов их изучения, задач и приемов их хранения и т. п., может быть, не покажутся вам излишними.

Никто из вас, вероятно, не сомневается в значении публичных актов; но в вашей среде могут найтись скептики, которые усомнятся в том, есть ли достаточное основание настаивать на научной ценности частных актов, стоит ли историку подробно останавливаться на изучении каких-либо духовных и данных, служилых кабал и жилых записей, купчих и закладных и т. п., и нужно ли всемерно заботиться о их хранении, описании и издании и т. п.

Во избежание недоразумений, которые могут возникнуть на почве таких сомнений, я попытаюсь предварительно пояснить вам, в чем именно состоит уче-

---

* Названия учреждений, дореволюционных печатных изданий, архивных хранилищ и пр. публикуются в соответствии с редакцией А. И. Андреева.

ние об исторических источниках и в каком отношении оно находится к той его отрасли, которая называется дипломатикой, а также укажу вам на ее русские источники и пособия, в особенности применительно к частным актам. Вслед за тем я перейду к краткому изложению тех основных частей дипломатики, которые, мне кажется, желательно различать, а именно: документального источниковедения и документального построения актов. Документальное источниковедение исследует их в качестве источников, подлежащих интерпретации и критике; документальное построение рассматривает их в качестве явлений, нуждающихся в анализе и синтезе. Принципы и методы обеих частей получают, конечно, более или менее широкое применение к изучению всякого рода документальных материалов, в том числе и к тем частным актам, которые имеют ближайшее отношение к русской истории. В заключение я позволю себе, на основании вышеизложенной характеристики, обратить ваше внимание на научное значение частных актов для понимания нашей исторической действительности и тем самым надеюсь оправдать перед вами целесообразность того краткого курса по русской дипломатике частных актов, который я намерен предложить вам в течение ближайших наших совместных занятий.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

Общее понятие о дипломатике и ее положение в русской исторической науке

Вообще, принципы и методы изучения исторических источников, разумеется, прилагаются и к тем из них, которые называются документами и актами; без некоторых предварительных разъяснений нельзя, однако, приступить к работам подобного рода: они подготовят нас к более правильному пониманию той отрасли исторического знания, которая получила наименование «дипломатики», и помогут нам разобраться в ее источниках и пособиях, главным образом, тех, которые относятся к русской истории.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Предмет дипломатики: изучение документов и актов

§ 1. Понятие о документе и об акте

В многообразном составе исторического материала, отображающего психическую деятельность человека, можно различить два основных вида источников: смотря по тому значению, какое они имеют для познания исторической действительности, такие источники соответственно называются историческими остатками и преданиями.¹

В самом деле, с познавательной точки зрения легко прийти к заключению, что историк может изучать факты двояким образом: или через посредство собственного восприятия остатков того именно факта, который его интересует; или через посредство результа-

тов чужих восприятий данного факта, реализованных в тех или иных формах и, таким образом, доступных его собственному изучению. С такой познавательной-исторической точки зрения, значит, нужно различать два основных вида источников. В тех случаях, когда историк может смотреть на источник, как на остаток изучаемого им исторического факта, он получает возможность непосредственно заключить по нему о том, что и факт, остаток которого доступен его исследованию, действительно существовал; такого рода источники я буду называть историческими остатками. В тех случаях, когда историк усматривает в источнике только предание об историческом факте, а не его остаток, он еще не может, однако, непосредственно заключить по нему о том, что и факт, известный ему лишь через посредство чужого о нем показания, сохранившегося в источнике, действительно существовал. Следовательно, прежде чем утверждать действительность его существования, историк должен установить, на каком основании и в какой мере он может доверять преданию о факте; такого рода источники я буду называть историческими преданиями.

Итак, с познавательной точки зрения, принимая во внимание степень близости познающего субъекта, т. е. историка, к объекту его изучения или степень непосредственности его знания о таком историческом факте, можно установить два основных вида источников: исторические остатки и исторические предания.

Нельзя смешивать ту познавательную точку зрения, которая лежит в основе только что указанного деления, с реалистической: последняя ведет к положительному различению объективно данных источников, что обыкновенно и делается в конкретно-исторических работах. В таком случае, деление исторических источников на остатки и предания ставится в зависимость от того, что именно разуметь под объективно данным историческому остатком или преданием, и может быть характеризовано следующим образом.

Под историческим остатком можно разуметь не-

посредственный результат той самой деятельности человека, которую историк должен принимать во внимание при построении исторической действительности, включающей и означенный результат; такой остаток есть, в сущности, часть того самого исторического факта, который изучается историком; следовательно, можно сказать, что в случаях подобного рода исторический факт как бы сам о себе отчасти свидетельствует перед историком. Под историческим преданием можно разуметь отражение какого-нибудь исторического факта в источнике; последний не остаток данного факта, а результат того впечатления, которое он произвел на автора предания, реализовавшего его в данном материальном образе. Говоря иными словами, остаток есть следствие причин, в совокупности с другими вызвавших тот самый факт, который изучается; предание же есть следствие этого факта: факт влияет на данную личность; под его впечатлением она запоминает его или оценивает его в предании.²

В виде примера можно привести хотя бы следующий: колонна дорийского храма в Олимпии есть часть того самого факта, который нас интересует, и, следовательно, является историческим остатком; описание того же храма, сохранившееся у Павзания, напротив, есть только следствие этого факта и оказывается историческим преданием о нем. Возьмем другой пример, почерпнутый из нашей отечественной историографии: известный договор 945 года, заключенный между царем Романом и князем Игорем, начинающийся словами: «мы от рода Руского послы и гостье: Ивор, посол Игорев великаго князя Руского...» и т. д., — исторический остаток, так как является результатом тех именно отношений между русскими и греками, которые мы в данный момент изучаем. Рассказ летописи о мире между царем Романом и князем Игорем, о прибытии в 945 г. греческих послов к великому князю русскому, о «роте» обоих государей и т. д., напротив, историческое предание, ибо в данном

случае мы имеем дело не с фактом и даже не с частью этого факта, а с впечатлением, которое этот факт произвел на данное лицо — летописца, и которое отразилось в его повествовании.

Вышеуказанное деление исторических источников перекрещивается с другим, имеющим в виду их содержание. Можно различать источники с фактическим содержанием и источники с нормативным содержанием, т.е. такие, которые содержат показания о фактах, и такие, которые содержат показания о каких-либо нормах или правилах: логических, этических, эстетических, технических и т. п. К числу источников с нормативным содержанием легко отнести и те, которые имеют правовое содержание. Средневековые реальные энциклопедии представлялись, например, сборниками правил касательно тех дисциплин, которым обучали в школах: *Satyricon Marcianus'a* а *Capella* (из Карфагена, середины V века) содержал, например, школьные науки тривиума (грамматику, риторику и диалектику) и квадривиума (геометрию, арифметику, астрономию и музыку, с включением поэтики). Наш Домострой также заключал в себе, скорее, правила о том, каковы должны быть отношения между мужем и женой, между родителями и детьми, а также прочими домочадцами и слугами, как содержать свое хозяйство и вести себя в общественной жизни и т. п., чем изображение действительно существовавшего в то время семейного и общественного быта.

Систематически пользуясь вышеуказанными критериями деления исторических источников по их познавательному значению и по их содержанию, разумеется, часто смешиваемых на практике, легко прийти и к более точному пониманию тех из них, которые называются документами.

Вообще, принимая во внимание деление исторических источников на остатки и предания, можно в самом широком смысле разуметь под документом исторический остаток, обозначающий соответственное

его содержание преимущественно в письменной форме,³ хотя в древнейшее время далеко не всякое правоотношение получало такое именно выражение и часто укреплялось лишь каким-либо символическим действием, например, клятвою, рукобитием и т. п., однако самое понятие о документе обыкновенно связывалось с его письменной формой. Такое понимание отражалось в старинном нашем словоупотреблении: уже с древнейшего времени у нас употребляли, в сущности, однозначашее с термином «документ» слово «грамота», которое явно указывает на письменную его форму (у́рѣца – черта); та же связь сохранилась и в терминологии позднейшего времени.⁴

В самом деле, термин «грамота» мог обозначать самые разнообразные документальные источники, например, письма, деловые бумаги, акты, имеющие правовое значение, и т. п.⁵

Вообще, называя письменные остатки культуры «документами», мы часто причисляем к ним письма и т. п.; мы говорим, например, в таком смысле о письмах Цицерона к Аттику или о письмах Ивана Грозного к князю А. Курбскому и т. п. В древнем нашем быту для тех же целей пользовались словом «грамота». Старинные наши формулярники содержат, например, образцы «грамоток», т. е. писем к разным лицам: к отцу, к матери и к другим членам семьи, к должностным лицам и т. п.⁶ Аналогичное словоупотребление встречается и в отдельных памятниках: князь Владимир Мономах сообщает, например, Олегу Святославичу в 1096 году: «написах ти грамоту, аще ю примеши с добром, ли с поруганьем, свое-же оузрю на твоём писаньи». В одном из старейших Златоструев мы читаем: «Павел приимаше и посылаше всюдоу грамоты» (у́рѣцаѣта, litteras); в повести Кириллы Туровского к Василию, игумену Печерскому: «а о нем же, господине, прислал ми еси грамоту» и т. п. Грамотами назывались также письма с несколько более официозным содержанием. Такова, например, «милостивая грамота» царя Алексея Михайло-

вича Вологодскому архиепископу Симону 1671 года, в которой он обращается к архиепископу со следующими словами: «...писал ты к нам, великому государю, что послал про наш великого государя обиход сосуд рыжиков вологодских, за своею печатью; и мы, великий государь, указали те рыжики принять, а тебя, богомольца нашего, за то милостиво похваляем; писан в царствующем граде Москве, в наших царских палатах, лета 1779 марта в 8 день».⁷

Кроме писем к документам или грамотам можно причислить и публичные и частные акты.

Понятие о документе в вышеуказанном широком смысле получает уже некоторую дальнейшую квалификацию, если связывать его с известным содержанием, в особенности деловым. В таком смысле документом называется, например, бумага, касающаяся фактической деятельности какого-либо учреждения или лица. Сюда можно отнести, например, деловые письма, росписи и описи имущества и тому подобные документы, никем не засвидетельствованные; таковы, например, письмо архиепископа Вологодского Маркелла думному дворянину Ивану Афанасьевичу Гавреневу с уведомлением о покупке по его поручению соли и об отправке ее в Москву, 1653 года; «роспись архиепископских сел Стефановскаго, Григорьевскаго, Цыбоева, что в котором селе высеяно в полях овса и ячменя и пшеницы», при посельских старцах Антонии и Афанасии, 1685 года; известная опись книгам Спасской библиотеки 1690 года и т. п.⁸

В менее широком и более определенном смысле под документом следует разуместь исторический остаток с нормативным, в особенности, с правовым содержанием, причем, оно облекается обыкновенно в закрепляющую его письменную форму. Такой нормативный характер обнаруживается, например, в особом рода документах, называемых «прощальными грамотами»: хотя они и составлялись духовными лицами на случай смерти и выражали как бы последнюю их волю, однако, их нельзя причислить к актам, извест-

ным под наименованием духовных. «Прощальные грамоты», или «заветы», состоят из нравственных наставлений, преподанных духовными лицами своей пастве, и, в сущности, не содержат никаких имущественных распоряжений; таковы, например, прощальные грамоты митрополитов Киприана 1406 г., Ионы 1461 г. и т. п.⁹

Нормативный характер проявляется еще яснее в документах с правовым содержанием. Таково, например, «письмо князя Дмитрия Петровича Львова архиепископу Вологодскому и Великопермскому Маркеллу 1653 года, с препровождением тридцати червонцев на помин души дяди его, князя Алексея Михайловича Львова, и родителей его и с просьбою дозволить ему, князю Дмитрию, невозбранно ходить в церковь на Московском архиерейском подворьи».¹⁰ Вышеприведенное письмо, как видно, довольно близко подходит к вкладной, хотя и не имеет ее формального вида.

Ввиду того, что термин «документ» может иметь несколько разнообразных значений, приходится или каждый раз оговаривать то из них, которое придается ему в данном случае, или, подвергнув его дальнейшей квалификации, пользоваться другим более определенным термином для его обозначения. Такое ограничение легко сделать, если принять во внимание лишь тот вид документов, которые имеют правовое значение: документы или «грамоты» с правозначащим содержанием, т. е. такие, которые облачают известное правоотношение – правительственное постановление или юридическую сделку – в письменную форму, можно называть актами в широком смысле. Сюда относятся даже памятники законодательства, вроде, например, Новгородской судной «грамоты», Псковской судной «грамоты» и т. п., и, во всяком случае, более специальные виды актов, известные под наименованием жалованных, тарханских, несудимых, правых или же купчих, меновных, рядных, духовных¹¹ и т. п.

§ 2. Акты с осведомительным и акты с удостоверительным характером

В составе актов следует различать акты с декларативным, или осведомительным характером, и акты с конститутивным, или удостоверительным характером.

Акт с осведомительным характером имеет меньшее правовое значение, чем акт с удостоверительным характером. Акт с осведомительным характером служит, главным образом, для показания о состоявшемся правоотношении; он пишется для запечатления в памяти тех действий или событий, которые породили его. Акт с удостоверительным характером, напротив, является основанием для признания правоотношения состоявшимся; он пишется для закрепления тех элементов или условий, из которых оно состоит. В самом деле, акт с осведомительным характером есть письменное показание о таком правоотношении, которое уже произошло в действительности и совершение которого он должен, в случае нужды, обнаружить, облегчив его доказательство через посредство опроса и присяги свидетелей того, что происходило, и составителей акта, если они упомянуты в нем. Акт с удостоверительным характером, напротив, есть письменное свидетельство, на основании которого правоотношение устанавливается во всей полноте его юридического значения и без которого оно не может быть признано действительным. В связи с указанным различием акт с осведомительным характером получает обыкновенно иную форму, чем акт с удостоверительным характером: теснее связанный с бытом, чем с правом, акт с осведомительным характером составляется в более свободной форме, чем акт с удостоверительным характером; последний, напротив, требует, возможно, более точной и строгой формулировки. Естественно, что при таких условиях, акт, смотря по принадлежности его к тому, а не иному виду, особенно частный, играет различную роль и в судебном про-

цессе. Акт с осведомительным характером, будучи не удостоверенным, может быть пригодным для судебного разбирательства, но не в качестве судебного доказательства. Акт с удостоверительным характером, напротив, имеет юридическую силу и становится, течением времени важнейшим судебным доказательством.¹²

В западноевропейской дипломатике подобное различие проводилось, впрочем, не без некоторых колебаний и отражалось в более или менее устойчивой терминологии. Осведомительный акт известен был под наименованием «notitia», «notice» или «memoratorium» (Beweisurkunde), удостоверительный акт — под наименованием «carta» (charte, Geschäftsurkunde), хотя значение таких терминов не всегда было одинаковым и различие между ними оставалось довольно текучим.¹³

В нашей старинной деловой практике некоторое различие между осведомительным актом и удостоверительным актом, вероятно, намекающее на последовательное развитие их во времени, также обнаружилось, по крайней мере, отчасти, хотя соответствующая ему терминология далеко еще не установилась. Впрочем, осведомительный акт часто назывался, подобно средневековой «notitia» — «memoratorium» — «памятью». В приказном делопроизводстве, по крайней мере, позднейшего времени, «память» отличалась, например, от «указа»: в 1677 году «великий государь указал из Розряду во все приказы, где по его, великаго государя, указу сидят думные люди, в памятех писать к ним указом, а памятьми к ним ни к кому не писать».¹⁴

Осведомительный характер «памяти» в области публичного права, действительно, обнаруживался иногда довольно наглядно. Присутственные места сносились между собой по поводу тех или иных состоявшихся указов или распоряжений правительства при помощи «памятей»: государевы указы и боярские приговоры, например, вносились в указные книги неред-

ко по «памятям», которые дьяки присылали в соответствующие приказы. Один из иностранцев, посетивших Москву в середине 1650-х годов, рассказывает, например, что царю «докладывают все прошения (челобитчиков), читая их перед ним»: «на каких пожелает, он {? – А. А.} делает надпись, чтобы было исполнено»; челобитные передаются в особый приказ, куда челобитчики являются справиться о них; если на челобитной «сделана надпись об исполнении, то он идет с нею к визирю в Посольский приказ и подает ее ему, и тот, сделав на ней надпись, передает одному из секретарей, который пишет по ней память, т. е. записку государственному казначею, чтобы он выдал тому человеку то-то, согласно приказанию царя, с обозначением года, месяца и числа». ¹⁵

Такой же порядок соблюдался и относительно царских указов: по случаю «состоятельнаго 208 года указу» о писании крепостей, например, велено было «о состоянии того нашего великаго государя указу послать памяти и с статей списки во все приказы и Ратушу...». ¹⁶ Аналогичная формула установилась и для сношений присутственных мест или органов правительственной власти между собою. «Наказные памяти» XVII века обыкновенно начинались словами: «по государеву цареву и великаго князя указу память» такому-то должностному лицу об исполнении того-то, причем иногда дополнительно делалась ссылка и на «приказ» воеводы, например: «лета 7143 мая 29 день, по государеву цареву и великаго князя Михаила Федоровича всеа России указу и по приказу {соликамскаго – А. А.} воеводы Захарья Григорьевича Шишкина память в Ужгинской погост земским людем, судейке Поспелке Васильеву с товарищи» предписывает им «сыскать» Микитку Агафонова, знающего, где в Ужгинском уезде «Чюцкие люди дельвали оловянную руду» и водится краска, и послать его туда вместе с двумя посадскими людьми «для государева дела» и т. п. ¹⁷ Таким же характером отличались и те, подписанные дьяками, «приставные памяти»,

которые, в виде предварительного уведомления судьи о вчинении иска, подавались истцами за своими руками, и по которым пристава сыскивали ответчиков, давали их на поруки и к суду срочили их безволочитно. Например, «память приставу» о даче ему на поруки Якова Еропкина в насильственном владении и пользовании землей Федора Микулаева, конца XVII века и др.¹⁸ В виде «памятей», наконец, могли составляться и «правые», например, та, которая была выдана земским судьей Алексеем Самойловым Подвинской чети Селецкой волости церковному старосте Богдану Травникову и всем крестьянам, 1654 года. Она сообщала о том, что «по государеву цареву и великаго князя Алексия Михайловича всеа Руси указу и по грамоте и по другой святительской грамоте, земской четвертной судья Алексей Самойлов отвел, по прежней государеве грамоте блаженные памяти государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Руси и по воеводцкой отводной памяти воеводы Степана Стрешнева да Еуфимья Филатова, и по нынешней государеве грамоте и по святительской {т. е. патриарха Никона – А. А.} нарейку Островки, Аняток тоже {взятую в тягло себе крестьянином той же чети Заостровской волости Васкою Зыковым – А. А.}, отвел и велел владеть в церкви Ильи пророка причетником попережнему..., а Васке Зыкову в той земле отказал владеть и вступатца не велел».

Эта «правая память» была написана, как видно, по состоявшемуся на основании царских и святительских грамот отводе спорной земли, занятой Ваской Зыковым, прежнему ее владельцу – церкви Ильи пророка.¹⁹

В области частного права акт с осведомительным характером также отличался от акта с удостоверительным характером, по крайней мере, в некоторых отношениях, впрочем, далеко не всегда ясно установленных.

В древней нашей письменности уже существовали, например, термины «доска» и «память», под которыми могли скрываться и осведомительные акты.

В самом деле, термину «доска» (дъска, πίναξ, tabula), кроме буквального смысла, придавали еще и другие, которые позволяют сближать ее с документом. В средние века обычай писать на досчатых (или реже из слоновой кости) табличках, покрытых слоем воска, был очень распространенным и продолжал переживать даже в позднейшее время: они преимущественно служили для временных заметок, в особенности для записывания счетов. В таком же смысле тот же термин употреблялся и в нашей древней письменности, хотя бы, например, в Кормчей книге 1100 года, которая при изложении правил Трульского вселенского собора упоминает о «писанных на досках» (ἐν πίναξιν, in tabulis); Никифор, митрополит киевский, в своем послании к Володимеру Всеволодовичу, говоря о Моисее, писал: «сшед с горы, яже ношаше дски законныя [т. е. скрижали завета – А. Л.-Д.], скроуши» и т. п. Далее, термин «доска» употреблялся также в смысле «писание», «напись», что видно, например, из следующих выражений в Патерике Синайском XI века: «обретохом-же на нем и дски напсаны тако: оумерох аз» (πτοκία γεγραμμένα οὕτως, chartam inscriptam); или в выписках Федора Студита из Кормчей XIII века: «иже обрящется в досках написано ино что книжно и лексикон и к брату написание какому, разве ему-же учится стихерам или седилнам, да отлучится три дня». Наконец, под доскою разумели иногда и письменный документ: в Новгородской летописи по Синодальному списку мы читаем, например, под 6717 годом, при описании расправы, учиненной новгородцами над посадником Дмитрием и его братией: «А Мирошкин двор и Дмитров зажгоша, а житии их поимаша, а села их распродаша и челядь, а скровища их изискаша и поимаша бещисла, а избыток розделиша..., а что на дщьках, а то князю оставиша»; и ниже: «тогда даша посадничество Твердиславу Михалковицю, и даша дщкы Дмитровы Святославу: а бяше на них [в списке Археографической Ко-

миссии XV века прибавлено: «писано» – А. Л.-Д.] без числа». В Суздальской летописи те же события под тем же годом рассказаны следующим образом: «И двор его и села пограбиша, а что ся на дьсках остало в письме, а то все князю»; и «приде в неделю мясопустную, и даша князю дьскы Дмитровы, а бяше на них богатства бес числа». ²⁰

Итак, можно думать, что в старину термином «доска» означали также «писание» или документ, который мог иметь характер и осведомительного акта.

Уже в древности, наряду с термином «доска», стали употреблять другое выражение, получившее довольно широкое распространение в позднейшее время: в переводе одного из слов Григория Назианзина по списку XI века греческий термин «ὄλόννημα» передается словом «память», в смысле «напоминания» о чем-либо; то же выражение могло означать и записку для памяти, что видно хотя бы из следующего текста творений Кирилла Туровского XII века: «да нелзе се их запрети, понеже лета и месяци, и времена, и дни, и часы, и праздници с памятью имут исписаны, сгрешихом когда». ²¹ Позднее термин «память» получил некоторое применение и для означения «актов с осведомительным характером».

Впрочем, в старинном нашем законодательстве акты с осведомительным характером, вероятно, причислялись к домашним актам, которые противопоставались актам, публично засвидетельствованным. Наиболее развитый из старейших памятников подобного рода – Псковская Судная Грамота – противопоставляет «доску» или акт, по-видимому, еще не облеченный в надлежащую форму, вероятно, публично не засвидетельствованный, записи, которая, по крайней мере, судя по одной из ее статей, оказывается актом, «положенным в ларь» Св. Троицы, т. е. публично засвидетельствованным. Здесь мы читаем:

«А кто положит доску на мрътваго о зблюденьи, а иметь искати на приказников того соблюдения, сребра, или платиа, или круты, или иного чего животна-

го, а тот оумрешей с поряднею, и рукописание оу него написано и в ларь положено; ино на тых приказниках не искати чрез рукописание, ни зсудиа без заклада и без записи, и на приказниках не искати ничего; а толко будет заклад, или запись, ино волно искати по записи. И кто животом владеет по записи, или по закладу, а оу приказников умрешаго, а не будет заклада, ни записи оумрешаго на кого, ино им не искати ничегож, ни с судиа, ни торговли, ни зблюдения, ничегож». ²²

Аналогичное противопоставление между «доской» и записью Псковская Судная Грамота проводит и в других статьях: они касаются долговых обязательств, допускаемых по «доскам» лишь в размере не более рубля и, в противном случае, заключаемых с записью; различает обязательства, принятые на себя «озорниками» по доскам и по записям, которые в таких случаях одни только и признаются судебными доказательствами, и т. п. ²³ В Московской практике подобное же различие проводилось преимущественно между «письмом» или «памятью» и «крепостью». Уложение, например, противопоставляет «письма» или «памяти» «крепостям». Говоря о холопах, бежавших от своих господ, оно отказывает в иске, основанном на одной только «грамоте» или на «письме», а не на кабале, в следующей статье:

«А которой человек живет у кого бескабално, а грамоте он умеет, и учнет тот человек во всяких писмах писатися холопом того человека, у кого он живет бескабално, а после того он у того человека жити не похочет, и отшед от него даст кому иному служилую кабалу, и тот человек крепок тому, кому он даст на себя кабалу. А будет тот, у кого он жил бескабално до тоя кабалы учнет на него бити челом, и станет его уличать по грамоткам руки его, и ему отказать, потому без кабалы держать не велено. А что он в писмах писался холопом того человека, у кого он жил бескабално, и тех писем таким людям в крепости не ставить». ²⁴

Аналогичное же различие Уложение проводит,

главным образом, между «памятями» и «крепостями»; впрочем, различие это носит несколько случайный характер и обнаруживается здесь менее рельефно, чем в Псковской Судной Грамоте, хотя бы в следующей статье:

«А вотчинные и дворовые купчие, и закладные и даные, и иные всякие крепости в больших делах всяких чинов людем, велеть на Москве и в городех писати, и в послуех писатися, на площади площадным подъячим. А в селах и в деревнях и по подворьям, таких крепостей в больших делех, опричь сговорных свадебных записей и духовных и заемных памятей никому не писати». ²⁵

Такое различие отчасти проводилось не только в закон, но и на практике: в гражданском обороте того времени можно также отметить акты с осведомительным характером, отличные от удостоверительных: такой характер их обнаруживается довольно наглядно в некоторых из сохранившихся нам образцов.

В одном из сборников Кирилло-Белозерского монастыря мы встречаем, например, (в списке) следующую «данную», относящуюся, может быть, к XIV веку:

«Княж Федоров Белозерского боярин был Семен Баба в Чюровских а те пожни были того боярина Семена и у того Семена женился Иван Есипль с-Ырдомы и те пожни дал в приданых и на того Ивана ударила беда и тот Иван те пожни продал попу Саве Ирдомскому и у того попа отрода не было и его попад(ь)я Настас(ь)я велела те пожни дати в Кирилов монастырь по своих душах». ²⁶

Аналогичным, хотя и несколько более определенным характером отличается купчая Ивана Евсевиева, писанная в 1427 году, следующего содержания:

«Се яз Кирило игумен купил есмь у Иван у Евсевиева сна в дом Прчстыи Бци и чстнаго Ея успения и своей брати и кто будет по мне игумен землю Захарьинскую со всеми оучастькы, что потянуло к тои земли, и с пожнями и куды топор ходил и куды коса

ходила, и с наволоком с Зоринским, что на Порозобице на реки». ²⁷

Несколько более развитым представляется нам акт отдачи Иваном Лихаревым Николаевскому Корельскому монастырю части сугреба розсолу в варнице на Великих местах; приведем его полностью:

«Лета 7000 шестьдесятъ шестаго по духовной грамоте после своего живота Иван Есипов сын Лихарева по души по своей подписал в монастырь в Корельское к Николы чудотворцу в дом на Великих местех в Григорьевской варницы Кологривова по Иванову письму Заболоцкаго с товарищы розсолу четверть другонатцатаго сугреба; а в сябрых та четверть с Терентием да с Семеном з Григорьевыми детьми Кологривова и с Курилом с Орлом и с Туфаем с-Ивановыми детьми Дорофеева. А тем розсолом владети строителю Курьяку с братиею по духовной по Иванове. А поминати им Ивана да Осифа, да Дарию скимницу да Ивана». ²⁸

Акты подобного рода, как видно, имеют скорее осведомительный характер: во всяком случае, они могут быть лишены удостоверительной части. Действительно, большинство частных «памятей» обыкновенно писалось без послухов. С такой точки зрения любопытны два акта, составленные одним и тем же лицом, вологжанином Петром Александровым; и касающиеся одного и того же предмета, а именно выкупа его из неволи, 1664 г.: один из них назван «памятью» и не содержит никаких указаний на послухов; другой именуется «записью» и засвидетельствован двумя послухами. ²⁹ Встречаются и такие «памяти», в которых нет указаний ни на писца, ни на дату, например, «память» Меньшого Иванова сына Лихарева об отказе в Кирилло-Белозерский монастырь его «сестрой» Евфимьей Андреевой дочерью Лихарева ее деревни Алашмана и пустоши Михайловской, относящейся, судя по косвенным данным, приблизительно к середине XVI века. Форма памяти следующая: «Память Меньшому... Приказала ему сестра... отказати в дом... деревню... да пустошь... А пожаловати им

написати в сенаник» таких-то лиц. На обороте подпись Меньшого Иванова сына Лихарева.³⁰

Аналогичное значение, вероятно, имели те «памяти», которые, в сущности, должны были напоминать о других удостоверенных актах. По случаю женьитьбы на Настасье Федоровне Плещеевой князь Иван Васильевич Оболенский заключил, например, с ее матерью Аксиной Федоровной рядную, в 1514 (7022) году, и «взял ее к себе»; в совершении сделки был, однако, заинтересован еще какой-то «Дмитрей»; князь Иван Васильевич велел написать «память с рядные» «человеку» Ивана Григорьевича Собакина «Слепому» и дал «память с рядные» Дмитрею, присовокупив: «а как будет надобна {подлинная рядная? – А. А.}, и мне ее дати Дмитрею». ³¹ Впрочем, частные памяти играли иногда роль предварительных или дополнительных актов. В виде примера приведем хотя бы «память» властей Клоновского монастыря в получении ими части вклада Петра Отуфьева, 1618 года марта 13 дня, следующего содержания:

«Память Клоновского монастыря священнику Митрофану... {далее перечисление остальных монастырских властей – А. А.} и всей братии Клоновского монастыря. Положил вкладом Пречистые Богородицы Похвалы да Николы Чудотворцу [sic – А. Л.-Д.] в Клоновский монастырь Петр Отуфьев сын Шенкурского стану Поцкие волостки седло да кафтан за пол-третья рубли, да денег пол-четверта рубли, а достали донести четыре рубли. А как тот Петр донесет достал, и нам ему дати вкладная, а память у него выняти. В том ему и память дали. А память писал монастырский дьячек Семейка Онисимов лета 7126 марта в 13 день».

На обороте той же памяти значится:

«К сей памяти черной поп Митрофан и в детей своих духовных место и в братии всей руку приложил». ³²

Память о вкладе здесь, как видно, противопоставляется в качестве предварительного акта (снабженно-

го уже, впрочем, подписью самого вкладоприемателя) вкладной, которая должна была иметь значение окончательного удостоверительного акта.

Возьмем другой пример, указывающий, может быть, на дополнительную роль, какую могла играть память. В одном из актов Гledenского монастыря, вероятно, 1630-х годов, мы читаем:

«Се яз Тороп да Артемей порядилися есмя у Троицких старцов на Вотложме в Заболоцкую деревню на их треть, а порука по Торопе да по Артемье Микифор Наумов сын Тарасовых да Калина Алексеев сын кузнец, крестьяня Вотложемские волости. А послухи велили ся писать: Архип Доментьев сын серебряник да Василей Митрофанов сын Щеткин. Сию паметцу писал Суря Огафонов Мокрецев».

Один из новейших известных ученых называет вышеприведенный акт порядной, причем сам отмечает «поразительную ее краткость» и добавляет: «очевидно, что такая запись могла подтвердить лишь наличие договора о поселении, сами условия которого определялись словесно, согласно местным условиям». Сам акт называет себя, однако, «паметцой», а не порядной записью, что и объясняет – по крайней мере, отчасти – ее отличие от порядной записи, имевшей силу крепости». ³³

Можно указать и на такие «памяти», которые имели значение домашних актов и, например, называли себя «отписями», т. е. расписками, что видно, например, из следующего акта:

«Память мне, Ивану Петрову сыну Неклюдову. Взял я, Иван, у Михайловых крестьян Соловцова с трех дымов, да у Исаевых крестьян Неклюдова с четырех дымов, да у Даниловых крестьян Неклюдова с двух дымов, государев запас рожь и сухарей, нынешнего 172 году, по два четверика с дыму, и отвести мне Ивану тот государев запас в Вязьму и отдать в государеву казну. Да я ж, Иван, взял и своих крестьян Государев запас с трех дымов, и мне Ивану тот весь запас отдать в государеву казну в Вязьме и убытку

никакого не довесть. А взял я тот запас с деревни Лушпомры; в том я, Иван, и отпись дал. А отпись писал Михайлов человек Васильевича Симонова Якушко Михайлов». ³⁴

Акты с осведомительным характером, известные под наименованием «памятей», отличались, как видно, по крайней мере, в известной степени, от актов с удостоверительным характером, в особенности тех, которые назывались «указами» и «крепостями». Примером удостоверительного акта может служить любая великокняжеская или частная грамота, надлежащим образом удостоверенная: древнейшая из сохранившихся в подлиннике пергаменная грамота великого князя Мстислава Володимировича и сына его Всеволода Мстиславовича Юрьеву монастырю, 1130 года; купчая Антония Римлянина, писанная в 1147 году, но известная лишь в списке, свидетельствованном царем Иваном Грозным 15 августа 1573 года, и подобные им акты можно признать удостоверительными. Само собой разумеется, что те акты, которым придавали наибольшее значение преимущественно и получали удостоверительный характер, например, государевы указы и боярские приговоры, вносимые в особые «указные книги»; уставные и жалованные, тарханные и несудимые, правые грамоты и т. п.; ³⁵ крепости, укреплявшие разные сделки, в особенности на «людей» и недвижимые имущества, как-то: полные и служилые кабалы, купчие и закладные, данные и духовные и т. п. ³⁶ Удостоверительные акты противопоставались осведомительным, например, указы — памятям, а также «крепости» — «письмам», на что уже было обращено внимание выше; ³⁷ аналогичное противопоставление между теми крепостями или записями, которые удостоверены органами правительственной власти, и теми, которые вопреки государевым указам, остались не засвидетельствованными, делается в Уложении. Здесь мы читаем, например:

«А кто новокрещена примет к себе в службу и крепость на него возьмет, а в приказе той крепости

не запишет, а после того тот новокрещен от него збежит, и он по той незаписной крепости учнет на нем искати сносу: и тем крепостям не верити, и в сносе на тех новокрещенов суда никому не давати, потому что та крепость взята не по государеву указу»; или: «а которые всяких чинов люди владеют поместья по здаточным записям, а государю они о тех поместьях не били челом, и в Поместном приказе те поместья за ними не справлены, и те у них поместья отнимати и отдавати в роздачу челобитчиком, потому что они теми поместья владеют по здаточным записям без государева указа». ³⁸

Вообще, в качестве удостоверительного акта, крепость признавалась вполне достаточным судебным доказательством, что и было формулировано Уложением в следующей статье:

«А будет кто кому дав на себя какую крепость нибудь, и учнет ту крепость на суд лживить, а та крепость за его рукою, и писана та крепость на площади, и в послусах в той крепости написаны площадные подъячие, а до суда на ту крепость челобитья его и явок не бывало, и таким ответчиком не верить, и велети на них по таким крепостям исцовы иски править и отдавать исцом». ³⁹

Следует иметь в виду, однако, что различие, проводимое между актами с осведомительным и актами с удостоверительным характером, по крайней мере, применительно к отдельным случаям, все же оставалось довольно слабо развитым и слишком мало отразилось в терминологии: термин «память», например, покрывал собою акты разнородного значения. Воеводские наказные и приставные памяти назывались иногда наказами и снабжались воеводскими печатями и т. п.; ⁴⁰ памяти XVI–XVII вв. также засвидетельствованы приложением печатей или рукоприкладством послухов и т. п.; встречаются указания и на доказательную силу актов, именуемых «памятями»: «полюбовная память» Кирилло-Белозерского монастыря и крестьян Козмодемьянской волости о размежевании

земель 1657 года, например, была положена в монастырскую «крепостную казну» «впредь для спору» – в случае если такой спор о «земляном деле» возникнет, его надлежит «вершить по той памяти». ⁴¹

Естественно, что при таких условиях частные памяти даже назывались иногда крепостями; так, например, крестьянин Фаддей Достоваловых, по «памяти» отдавая в 1683 году Михаило-Архангельскому монастырю за свой заемный кабальный долг память на Дмитрия Малкова на его пожню, по которой он, Фаддей Достоваловых, владел ею, и, предоставляя монастырю на том же основании впредь владеть ею вечно или продать, променять и заложить ее бесценно, присовокупил: «да и свою письменную крепость, почему тою пожнею я, Фаддей, владел, с сею памятью отдал я к ним же в Архангельский монастырь впредь для sprawy». ⁴²

§ 3. Акты публичные и частные

Некоторое различие между актами по степени их правового значения, осведомительного или удостоверительного, как видно, сознавалось применительно к разным их видам: и к публичным, и, в особенности, к частным актам.

Такое деление, разумеется, более заметное относительно удостоверительных, чем осведомительных актов, находится, прежде всего, в зависимости от той границы, которая проводится между публичным и частным правом. Ввиду того, что в нижеследующем изложении нам придется иметь дело преимущественно с частными, а не с публичными актами, нам нельзя не коснуться здесь этой проблемы, хотя бы в самых общих чертах, для того, чтобы иметь возможность из общей совокупности актов, публичных и частных, выделить последние и сделать их предметом специального нашего изучения. Проблему подобного рода можно ставить с двоякой точки зрения: догматической и исторической; недостаточно указать на общий

критерий их различения; необходимо выяснить, в какой мере он, в той или иной форме, действительно применялся в старинном русском праве и видоизменялся по мере его развития.

До сих пор основной критерий, какого придерживаются при разграничении права публичного от частного, остается, однако, довольно спорным. Не оставиваясь здесь на рассмотрении той разнообразной постановки, какой данная проблема подвергалась в течение почти двух тысячелетий, достаточно заметить, что она должна ставиться согласно с нормативным пониманием права и указать на различие тех «заданий», какие, в сущности, соответственно и преимущественно характеризуют каждую из указанных отраслей права, действующего в пределах данной целокупности. Задача публичного права состоит в том, чтобы установить те нормы, которые регулируют, ввиду общего блага единого общественного целого, отношения между общей волей и волей «всех и каждого» из его членов; задача частного права состоит в том, чтобы установить, не нарушая такого условия, те нормы, которые регулируют, ввиду частной выгоды принадлежащих к нему отдельных лиц, отношения их волеизъявлений друг к другу. В связи с указанным различием между публичноправовыми и частноправовыми нормами находится и различие в их реализации: норма публичного права осуществляется в порядке общего требования, норма же частного права — в порядке частного произволения, выражаемых в соответственных действиях.⁴³

Нормативное разграничение основных областей права часто смешивается с различием их по их содержанию или по другому более или менее общему производному признаку, в особенности по способу судебной защиты. В самом деле, представители современного правоведения указывают, например, на то, что целью публичного права оказывается целое или его «интересы», а целью частного права — отдельный человек или его «интересы»; что публичное право об-

нимает отношения людей как членов одного общественного организма, а частное право отношения их как самостоятельных индивидуумов; что публичноправовые отношения отличаются субординацией или централизацией и связанной с нею общеобязательностью публичноправовых норм, а частноправовые отношения – координацией или децентрализацией и связанной с ней факультативностью частноправовых норм; что содержанием публичноправовых норм служат отношения верховной власти к подданным, к подчиненным органам управления и т. п., а содержанием частноправовых норм – отношения личные и имущественные; что публичноправовые нормы ограждаются по инициативе власти в порядке уголовного или административного судопроизводства, а частноправовые нормы – по инициативе частного лица в порядке гражданского судопроизводства.⁴⁴

Старинное русское право было, конечно, еще далеко от таких тонких теоретических построений, но и в нем смутно сознавались некоторые из вышеуказанных критериев, в особенности те, которые получали наглядное практическое приложение.

В наиболее развитом из старейших памятников нашего законодательства – Псковской Судной Грамоте, например, право связывалось с нормативными понятиями «правды» или «добра»:

«А князю и посаднику, читаем мы здесь, судити... взирая в правду, по крестному целованию; а не в судят в правду, Бог буди им судиа на втором пришествии Христове».

«А которому княжому человеку ехать на пригород наместником, ино целовати ему на том крест, что ему хотети Пскову добра, а судить прямо, по крестному целованию...».⁴⁵

Уложение царя Алексея Михайловича также было составлено, по собственному его заявлению, для того, «чтобы Московского государства всяких чинов людям, от большего и до меньшого чину, суд и росправа была во всех делех всем равна». Противоположение

между государственным и частным интересом довольно ясно выражено в Уложении применительно к частным случаям; здесь «государевы дела» противопоставляются тем, которые совершаются «без указа», «для собственного пожитка», например, в следующих статьях:

«А бояром и окольнічим и думным людем сидети в полате и по государеву указу государевы всякия дела делати всем вместе».

«А кто мыт или перевоз или мостовщину заведет вновь для своего пожитку своим вымыслом без указа, и у него то все взяти на государя». ⁴⁶

Вместе с тем Уложение в известной мере различает такие сферы правоотношений по способу их судебной защиты; хотя оно, вообще, не отделяет от уголовных дел те гражданские иски, которые были связаны с ними, но в некоторых случаях предоставляет потерпевшему вчинять гражданский иск, возникший вследствие преступления, самостоятельно и требовать суда; во всяком случае, оно резко отличает гражданские иски, решаемые вместе с уголовными делами, от обыкновенных гражданских исков и признает также некоторое различие между уголовным и гражданским судопроизводством: с такой точки зрения Уложение противопоставляет, например, дела по важнейшим уголовным преступлениям, которые, по инициативе органов правительственной власти и «извету», подлежали сыску, — делам «челобитчиковым», которые начинались по жалобам частных лиц и, в противоположность «сыскным делам», могли оканчиваться примирением сторон. ⁴⁷ В некоторых из статей Уложения такое различие принимается во внимание:

«А будет кто Царского Величества недругу город здаст изменою, или кто Царского Величества в городе примет из иных государств зарубежных людей для измены же, а сыщется про то допряма, и таких изменников казнить смертию же».

«А будет из которого нибудь приказу доведется по чьему челобитью послати по ково пристава в исцо-

ве иску с наказною памятью, и те наказные памяти печатати государевою печатью, а печатных пошлин с тех наказных памятей имати по государеву указу, а без государевы печати наказов ни в каких челобитчиковых делах не отпущати». ⁴⁸

Такое разграничение между «делами государевыми», т. е. преимущественно государственными, и «делами челобитчиковыми», т. е. преимущественно частными, стали применяться и на практике, например, при составлении описей провинциальных архивов, съезжих или приказных изб и т. п., в особенности к концу XVII века: под «делами государевыми» разумели обыкновенно дела административные, ратные, финансовые и проч.; к «делам челобитчиковым» относили «дела судные» и, вообще, «всякие челобитчиковы дела», затрагивавшие прежде всего частные интересы отдельных лиц и только косвенно касавшиеся пользы и нужды государства. Такое деление далеко еще, впрочем, не проводило систематического различия между актами публичными и частными, ибо к «делам государевым» причислялись и хозяйственные, а к «делам челобитчиковым» — и уголовные; тем не менее, оно уже заметно, например, в описях дел Новгородской приказной палаты 1669–1670 (7177–7178) гг., Чердынской приказной избы 1672 (7180) г., Новоторжской приказной избы 1700 г. и т. п. ⁴⁹

В эпоху преобразований такие понятия получили некоторое теоретическое обоснование, главным образом, под влиянием западноевропейских учений, и стали яснее обнаруживаться на практике.

Генеральный Регламент Петра Великого уже различает термины «публичный» и «приватный», причем, предлагая их толкование, переводит термин «публичный» словом «всенародный», а термин «приватный» — словом «частный». Вместе с тем Генеральный Регламент и другие законодательные акты того времени уже начинают противопоставлять публичное право, имеющее в виду «интерес» или «прибыток и пользу» государства, и частное право, имеющее в виду

«интерес» или «прибыток и пользу» частного лица; изображение судебного процесса ссылается далее на «естественный закон», согласно которому каждый имеет право на самосохранение и на самозащиту от посягательств сторонних лиц, хотя и не развивает такого принципа в его приложении к понятию о собственности.⁵⁰

Еще яснее указы того времени различают сферу публичного права от сферы частного права по производному и прикладному признаку, — а именно, по способу судебной защиты: указ о должности фискаля, например, проводит различие между «делами народными», по которым нет челобитчиков, и «делами челобитчиковыми»; Устав Воинский 1716 года и указ о «форме суда» 1723 года соответственно устанавливают разные порядки судопроизводства — уголовный и гражданский — для решения таких дел.⁵¹

Межевые инструкции императрицы Елизаветы Петровны и императрицы Екатерины II еще более сознательно устанавливают различие интересов публичных от частных, которое с прошлого века окончательно утверждается, хотя далеко не одинаково и все еще довольно поверхностно проводится и русскими юристами и русским законодательством.

Насколько плохо еще разбирались в то время в таких понятиях, можно судить по руководству известного «законоискусника» Горюшкина, написанному под влиянием ближайшего его знакомства с историей и догмой русского права. Проводя известную границу между правом божественными и человеческим, он делил последнее на естественное и «общественное», причем в составе его различал, сообразно с довольно случайно установленными видами человеческих обществ (домашним, соседским и т. д.), несколько видов прав, в том числе и «государственное»; но под «государственным» правом он разумел и право «общее», т. е. собственно государственное, обнимающее учение о государственном устройстве и государственном управлении, и право особенное или гражданское,

т. е. личное и имущественное; притом, размещая чуть ли не все институты гражданского права в домашнем, соседском, сельском, уездном и губернском праве, он, в сущности, ничего не оставлял на долю особенного или гражданского права.⁵²

Тем не менее уже Десницкий, один из убежденных приверженцев исторического понимания права, посвятил несколько талантливых рассуждений, касающихся предметов государственного и в особенности гражданского права, а Сперанский и Куницын, находившиеся под влиянием учения о естественном праве, выводили из него частное право, подлежащее охране публичноправовых норм, и, с такой точки зрения, подходили к пониманию государственного права.⁵³

В то же время Кукольник, придерживавшийся более эмпирического направления, следующим образом намечал области государственного и гражданского права: «Определение отношения граждан к верховной власти и сей последней к гражданам; также образа, мер и средств правления государства; распределение политического состояния государственных сословий; означение предоставленных им преимуществ, политических прав и обязанностей к государству, равно как и к верховной власти и вообще определение всего того, что относится ко всему государству, именуется публичными общими государственными, также и коренными законами». «Определение отношений между самими гражданами по их лицу и имуществу называются частными гражданскими законами». В том же духе рассуждал и Вельяминов-Зернов: «...политические права, по его словам, определяют отношение верховной власти к подданным и подданных к верховной власти», тогда как отличные от них гражданские права проистекают от взаимных отношений подданных между собою.⁵⁴

Аналогичные попытки были сделаны и в нашем законодательстве. В «Основаниях Российского права, извлеченных из существующих законов Российской Империи», изданных Комиссией составления законов,

мы читаем: «Положительные законы имеют два главных предмета: 1) положение государству; 2) положение гражданину. Законы, к первому относящиеся, составляют право общее, или государственное. Законы, ко второму принадлежащие, составляют право особенное, или гражданское...». «Предмет права общего (или государственного) есть установление и соблюдение обрядов общих, необходимо нужных для сохранения целости, доброго порядка и тишины государства». «Право особенное, или гражданское, заключает в себе все те узаконения и установления, которые каждому гражданину; живущему с прочими в обществе, как в рассуждении его самого, так и в рассуждении его имени и обязательств, приносят пользу и безопасность». ⁵⁵

Составленное, конечно, под ближайшим наблюдением Сперанского «Обозрение исторических сведений о Своде законов» уже оставляет прежнее деление права на «общее» и «особенное» и проводит различие между законами государственными и гражданскими, причем вкратце формулирует его следующим образом: «Два союза, два порядка отношений необходимы в государстве: союз государственный и союз гражданский. Союз государственный есть внутренний и внешний... Союз гражданский есть или семейственный, или союз по имуществам. Из союзов возникают права и обязанности. Те и другие определяются и сохраняются законами. Отсюда два порядка законов: законы государственные и законы гражданские». ⁵⁶

Более или менее ясное разграничение между публичным и частным правом, проводимое в теории, обнаружилось и на практике: с эпохи преобразования, не говоря о «законах, которые ни в какое время не могут перемениться», и «временных учреждений», в силу которых «все дела должны быть отправляемы», правительственные «указы», заключавшие в себе «все то, что для каких-нибудь делается приключений и что только есть случайное», и тому подобные публичные акты отличались от частных актов; в числе

последних в начале прошлого века употреблялись следующие: «купчия крепости; данные; закладные; духовные завещания; записи (дарственные, отдельные, рядные; мировые); отпускные; векселя; заемные письма; договоры, контракты и условия; верующие письма; отказы именным; торговые книги и проч.». ⁵⁷ Вместе с тем разграничение «дел» по способу их судебной защиты стало точнее формулироваться благодаря более выработанному различению челобитных явочных от исковых и т. п. ⁵⁸

Итак, некоторое различие между понятиями о публичном и о частном праве можно полагать в основу разграничения понятий о публичноправовом и частноправовом акте, хотя оно и не всегда совпадает с различием их с чисто дипломатической точки зрения по их формулярам: последнее находилось в тесной зависимости от того субъекта прав, от которого данный акт исходил, а значит, и от той канцелярии, в которой он составлялся. Таким образом объясняется стремление некоторых из наиболее видных представителей дипломатики сочетать в своих определениях актов публичных и частных оба признака, т. е. различие их по роду заключающихся в них правоотношений, который они, впрочем, оставляют без дальнейшего определения, и по способу их совершения правительственными или частными лицами. С указанной точки зрения, публичноправовыми актами называются те, которые касаются государственного права и исходят от лиц, облеченных правительственной властью, а частноправовыми актами называются те, которые относятся к гражданскому праву и исходят от частных лиц. ⁵⁹ Впрочем, такой придаточный признак едва ли имеет большое самостоятельное значение: ведь в старину правительственные лица часто смешивали государственное право с гражданским, что ярко отразилось, например, в духовных и договорных наших князях.

В числе производных признаков при проведении того же дипломатического различия чаще всего ука-

зывают на то разное значение, какое публичноправовые и частноправовые акты получают в качестве судебных доказательств: доказательная сила публично-го акта, например, какой-либо царской грамоты, не нуждается в свидетельских показаниях; доказательная сила частного акта, напротив, зависит от них: он совершается при свидетелях, которые прилагают к нему руки и, в случае нужды, могут под присягой давать показания о его совершении.⁶⁰

Такие признаки наглядно проявляются и в наших грамотах даже старейших XIV–XV вв. «Существенным отличием» жалованных грамот от данных, по словам одного из наших исследователей, можно считать, кроме начальной формулы (указывающей на тех субъектов прав, от которых он соответственно исходит), еще отсутствие в жалованных грамотах по-слухов, обыкновенно упоминаемых в данных.⁶¹

На основании вышеуказанных критериев можно проводить различие между актами с публичноправовым и актами с частноправовым значением и применять его к аналогичному делению старинных русских актов на публичные и частные.

Следует иметь в виду, однако, что такое разграничение не всегда совпадает с делением актов на публичноправовые и частноправовые. В самом деле, можно указать на публичноправовые акты с частноправовым значением: жалованные «вотчинные» грамоты, особенно на земли без каких-либо льгот, и «бережен-ные», сотные и владенные выписи, судные списки и правые грамоты, например, – публичноправовые акты; но вместе с тем они удостоверяют права собственности заинтересованных лиц, служат доказательствами таковых в случае их нарушения и т. п., т. е. в известном отношении получают частноправовое значение. Приведем несколько примеров.

Жалованные «вотчинные» грамоты, которые выдавались нашими князьями на земли, очевидно, рассматривались вместе с тем как акты, удостоверявшие частные права владельцев, что и приводило иногда к

отождествлению таких грамот с «данными»: в отводной книге землям Кирилло-Белозерского монастыря от земель великокняжеских 1482 года не раз встречаются выражения вроде следующего: «И с данные грамоты в списке пишет: милости ради пречистыя Богородицы и честнаго ея Успенья и своего ради спасения, се яз князь... пожаловал...». ⁶²

Княжеские грамоты обеспечивали владельцев от спорных исков на их имущества и, значит, могли в случае нужды играть роль судебных доказательств их частных прав. В одной из «береженных» грамот, посланной от царя Ивана Васильевича Грозного в Галич Петру Чередову для охранения бортных ухожеев Васки Савельева сына Шумалкина, 1576–1585 гг., мы читаем:

«Бил нам челом Унжанин Васка Савельев сын Шюмалкин, а сказал: вотчинишка деи его, бортной ухожей, на Унже, и сторонние деи люди его обидят, в вотчину его ходят насилством, борти дерут и лес секут. И нам бы его, Васку Шумалкина, пожаловать, велеть дати береженную грамоту, чтобы [в] его вотчинишко сторонние люди насилством не ходили, и бортей не драли и лесу не секли. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты-б Васки Шумалкина вотчину, бортного ухожая, берег накрепко, что-бы в его вотчину, в бортной ухожей, сторонние люди насилством не ходили никто, и бортей не драли и лесу не секли...» и т. д. ⁶³

Такую же охрану частной собственности давали и «правыя грамоты». Уставная грамота великого князя Василия Дмитриевича жителям Двинской земли, 1397 года, уже упоминает о выдаче правой грамоты применительно к случаю неявки ответчика на суд:

«А кто на кого челом бьет, дворяне и подвойские позовут к суду, а он не станет у суда, и на того наместницы дадут грамоту правую безсудную». ⁶⁴

В Псковской Судной Грамоте сказано яснее: «А которой истец [а будет побит с своими грамо]тами, ино того человека повинити и грамоты его посудить;

а правому человеку на ту землю и судница дати...»; в другой статье доказательная сила таких грамот признается бесспорной: «А князю и посаднику грамот новых не посужати...». ⁶⁵

Возьмем еще один пример, иллюстрирующий сказанное: в правой грамоте, данной Двинским наместником «княж Иванова тиуном Васильевича Ноздроватого» Назарием Сумароковым Григорию Кологривову и его детям, на которых Матвей Кузьмин искал полдеревни Борисовской, 1532 года, мы читаем: «И правую грамоту тиун Назарей Сумароков ответчиком Оникейку и Олешку, в Григорьево место Кологривова и в его детей, на ищею Матфея {Кузьмина – А. А.} и на деревню дал...». В правой грамоте Двинского воеводы князя Федора Татева Троице-Сергиеву монастырю на деревню Молевскую, 1612 года, сказано еще яснее, что судья приговорил владеть той деревней архимандриту Дионисию с братьей «к Никольскому Чюхченемскому монастырю по прежнему» и выдать им правую грамоту, «по чему им тою деревнею к Никольскому Чюхченемскому монастырю владеть». ⁶⁶

Кроме различия между публичными актами с частноправовым значением и частноправовыми актами в узком смысле, некоторые из их разновидностей могли получать черты публичных актов с частноправовым значением в отличие от частноправовых актов в узком смысле и по другим основаниям, отражавшимся в их дипломатических особенностях. Межевые акты, например, по словам одного из наших дипломатистов, «бывали правительственными и частными»: правительственные составлялись органами княжеского управления по словесному или письменному повелению, исходившему непосредственно от князя, помимо чьей бы то ни было просьбы, либо по просьбе владельцев о разводе земель без всякого спора, либо вследствие судебных и межевых споров; частные составлялись самими заинтересованными лицами при уступке ли земель по купчим, данным и другим однородным сделкам или же при любовном прекраще-

нии споров с ведома или без ведома правительственной власти, т. е. совершались явочным или домашним порядком. «Разъезжая грамота», установившая межи между Илеменской землей княгини Евфросинии и землями великого князя Василия Васильевича Боболью, Турьими горами и Ловышиною, например, была выдана до 1462 года «на обе стороны», после суда великокняжеского и совершения разъезда «по великого князя слову» Василием Андреевичем, докладывавшим об этом деле великому князю: «и князь великы велел дати Василью грамоту розездную Илеменичом на Илеменскую землю от великого князя земель, а сотником Боболским и Турейскому и Ловышинскому дати велел грамоту от Илеменских земель». Грамота свидетельствует, что на разъезде были с Василием Андреевичем и с теми сотниками и мужами и с старожильцами дети боярские, «тутошные жильцы» такие-то, причем снабжена печатью. Разъезжая землям Кедриковской и Ананьинской 1495 (7003) г., напротив, полюбовная: она составлена по просьбе заинтересованных лиц, Кузьмы Федорова и Дмитрия Михайлова, и удостоверена рукоприкладствами послухов, но без печати.⁶⁷

Следует, кроме того, иметь в виду, что граница между сферами публичного и частного права была в разное время различной и что публичноправовые элементы иногда смешивались с частноправовыми в одном и том же акте. Наглядными примерами смешения подобного рода могут служить хотя бы известные старейшие духовные Московских князей. В своей «душевной грамоте» 1328 года великий князь Иван Данилович Калита приказывает своим сыновьям отчину свою Москву и учиняет между ними раздел, в котором распоряжения касательно разных городов и волостей переплетаются с распоряжениями касательно частного его имущества, даже движимого, например: «се дал есмь сыну своему большему Семену Можаяск со всеми волостьми...»; «...а при своем животе дал есмь сыну своему Семену 4 чеши золоты, 3 поясы

золоты, 2 чаши золоты с женчюги, блюде золото с женчугом с камением, 2 чума золота болшая; а ис судов ис серебряных дал есмь ему 3 блюда серебряна» и т. д.; несколько ниже великий князь делает аналогичные распоряжения относительно купленных им сел, принадлежавших ему стад, «порт» и т. п., часть которых предоставляет тому же «сыну своему большему Семену», а остальное распределяет между другими членами своей семьи.⁶⁸ В «душевной грамоте» великого князя Ивана Даниловича, да и многих других актах того времени, публичноправовые элементы смешаны с частноправовыми, причем сама грамота облечена в форму обыкновенной духовной. Аналогичные иллюстрации можно подыскать, конечно, и среди другого рода грамот: выборы в священники, например, представляющие, в сущности, акты общественного самоуправления, содержат иногда условия, сближающие их с договорными записями, о чем свидетельствует хотя бы запись дьякона Ивана Артамонова, порядившегося в 1646 году во священники в село Фрязиново, Сямской волости, в том, что ему не «запустошить» священнического двора, и т. п.⁶⁹

Помимо вышеуказанных переходных форм от публичных актов к частным, можно указать, конечно, и на собственно частноправовые акты: каждый из них облекает в известную форму одностороннее или обоюдостороннее волеизъявление, сделанное на основании какой-либо правовой нормы одним или несколькими отдельными лицами и обуславливающее возникновение, изменение или прекращение какого-либо правоотношения личного или имущественного.

Старинные наши юридические акты сами отмечают иногда признаки подобного рода. Нормативный характер частных актов проступает уже в древнейшее время в той религиозно-нравственной санкции, на которую они опираются. Во вкладной грамоте Варлаама Хутынского святому Спасу 1192 года мы читаем: «Аже кто диаволом наоучен и злыми человеки навожен цето хочет отъяти, от нив ли, от пожень ли

или от ловищъ, а боуди ему противен святой Спас и в сь век, в боудующий». В купчей Антония Римлянина «на землю Пречистыя в дом», писанной до 1147 года, заключительная формула гласит: «А кто на сию землю наступит, а то управить Мати Божия». В духовной Новгородца Климента XIII века значится: «Аже кто в ступить на сю грамоту, да не со мною с одним станет пре Богом, с всим моим племенемъ». В одной меновой 1538 года «послухами» являются: «Бог, Никола Чудотворец, апостолы Петр и Павел»... и только. В позднейших актах такие ссылки, напротив, постепенно исчезают и заменяются другими, отличающимися более юридическим характером: в одной из Новгородских «дельных» XV века мы читаем, например: «А сей нам дел крепок и в веке» и т. п.⁷⁰

Волеизъявительный характер частных актов иногда явно выражается, например, в духовных: духовная Ивана Калиты начинается известными словами: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Се яз грешный худый раб Божий Иван пишу душевную грамоту, ида в Орду, ни ким не нужен, целым своим умом, в своем здоровьи». В одной полной 1593 года говорится о том, что Михайла Секирин купил Савку Васильева сына да жену его Марьицу, «а продались по своей воли без пристава». В договорной записи 1654 года об образовании артели для денежного сбора таможенной и проездной пошлины при Арзамаской таможене и двух селах того же уезда пайщики включили следующую клаузулу: «А сю запись, излюбя, положили за третьего, города Арзамаса за Воздвиженского попа Ивана Васильева, и тому нашему третьему выдать сю нашу запись правому на виноватого, как спор учинитца, с воеводцкого дакладу, при добрых людех, всем нам вместе, а одному из нас никаму отнюдь не выдавать» и т. п.⁷¹ Возникновение, изменение и прекращение личных и имущественных отношений, разумеется, составляет главное содержание частных актов, например, сговорных и рядных, служилых кабал и жилых записей, купчих и закладных, отпусковых и т. п. В

виде примера можно указать на любопытную зарядную запись И. М. Чертова С. В. Стромилову с сыном о взятии у них на срок жалованных грамот для челобитья по своему делу, 1560–1561 гг. Здесь мы читаем:

«Се яз Иван Михайлов сын Чертова взял семи у дяди своего Суботы Васильева сына Стромилова да у его сына, а у своего брата, у Григорья грамоты жаловалные... а класти мне те грамоты перед царем государем великим князем и, бив мне челом государю, да отдати опять дяди своему Суботе да его сыну, а своему брату, Григорью те грамоты на Семен день летапоровотца семьдесятнаго году вперед на соблюденье. А мне Ивану у Суботы и у Григорья тех грамот не оттягивати, ни царю государю великому князю не бывать челом, ни бояром. А отдати мне грамоты без тяжбы и без челобитья. А учну яз Иван бити челом на Суботу и на его сына о приставе и грамоты стану затягивать которою хитростью ни буди или те грамоты отдам мимо себя искать роду своему дядем своим или братьем в родстве своем Стромиловым или Чертовым или Щибриным или мимо меня станут искать и станут волочить и грамот на срок не отдам на Семен день — ино на мне, на Иван, Суботе и сыну его взяти по сей записи пятьдесят рублей. А на то послуси... А кабалу писал...». ⁷²

Таким образом, можно придти к заключению, что вышеуказанное общее различие между публичным и частным правом постепенно проникало в наше правосознание и законодательство, хотя и устанавливалось не столько в догматической его форме, сколько в исторически слагавшемся его применении к деловой практике данного времени. С такой точки зрения, позволительно различать в составе наших документов публичные и частные акты и остановиться, ввиду специальных задач настоящего курса, на более подробном изучении последних.

§ 4. Основные задачи дипломатического изучения публичных и частных актов

Учение о документах и актах в том их значении, какое было установлено выше, называется дипломатикой: она выясняет принципы и методы исследования не столько документов, сколько актов, облекающих правоотношения в более определенные, преимущественно письменные, формы, которые и подлежат специальному ее изучению. Самый термин «дипломатика» производится от греческого «διπλόν» – удвою, причем «τό διπλωμα» означало вообще что-либо сложенное вдвое; в таком именно смысле римляне употребляли слово «diploma» для обозначения бронзовых пластинок, складывавшихся вдвое в виде диптиха: они служили или чем-то вроде паспортов и подорожных, выдаваемых от имени сената, а затем императора курьерам, которые в силу их получали право пользоваться публичными почтовыми сообщениями; или выдавались солдатам, отслужившим свои сроки и получившим по закону известные привилегии. Забытый в начале Средних веков, тот же термин снова получил некоторое распространение благодаря ученым Возрождения: они применяли его в более широком смысле, в особенности к торжественным актам, исходящим от верховной власти, к привилегиям императоров, королей, герцогов, графов. В таком значении тот же термин продолжали употреблять в позднейшее время, между прочим, и у нас: Генеральный Регламент, толкуя термин «диплом», переводит его: «жалованная грамота». Впрочем, благодаря тому, что, в сущности, само понятие о «дипломе» оставалось довольно неопределенным, термином «дипломатика» можно было обозначить вообще учение о документах и актах. Своим известным трудом, озаглавленным «De re diplomatica», Мабильон ввел его во всеобщее научное употребление, продолжающееся до сих пор; оно воспринято было и в нашей специальной литературе.⁷³

Вообще, обнимая учение о документах и актах, дипломатика ставит себе двойную задачу: она изучает их как источник и как явление. В самом деле, дипломатика, в сущности, возникла в связи с исследованием старинных документов и актов как источников и только с течением времени перешла к выяснению их развития как явлений народного правосознания, в их зависимости от данных условий места и времени, состояния и периода культуры и т. п.

С указанной точки зрения, дипломатика естественно распадается на две части, которые можно назвать документальным источниковедением и документальным построением актов. Документальное источниковедение выясняет принципы и приемы интерпретации и критики актов. Документальное построение выясняет происхождение актов, их состав, разновидности их формуляров, выработанных в разных канцеляриях, способов их удостоверения и т. п. Такое деление можно применить и к дипломатике частных актов.

Прежде, однако, чем перейти к ознакомлению с дипломатикой русских частных актов в главнейших ее частях — документальном их источниковедении и документальном их построении, — остановимся несколько на обозрении тех источников и пособий, которыми она располагает для более подробного их изучения.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Дипломатическое изучение в русской археографии и историографии

§ 1. Важнейшие собрания и хранилища актов

Дипломатика русских частных актов имеет в своем распоряжении довольно значительное их число, собранное в различных хранилищах, частных и государственных.

Частные собрания актов стали возникать издавна: вместе с приобретением имущества, в особенности недвижимого, прежние крепости на него часто передавались новому владельцу; при таком порядке в руках лица, скупавшего разные земли, могло сосредоточиться немало частных актов, касавшихся их и принадлежавших прежним их владельцам.

Частные акты, правда, иногда не переходили к новым владельцам, например, в тех случаях, когда отчуждалась часть недвижимости, находившейся в общем владении у одного или у нескольких лиц, продолжавших владеть остальными его частями на основании одного, общего для них с отчуждаемою частью имущества, акта, или же в тех случаях, когда продавец сохранял их у себя для «очистки» отчуждаемого имущества от спорных исков и т. п. В отступной Ивана и Онтмана Александровых детей Тимофею Леонтьеву сыну Бушую на половину их земли с угодьями на острове Солоткове, 1550 года, мы читаем: «А што у нас грамоты державы на тот Солоткой остров старья, ино ти грамоты у нас у Ивана да у Онтмана у Олександровых детей. А понадобится ти грамоты Тимофею на кои будет спор, ино Ивану да Онтману класти давати». В купчей на пожни и рыбные ловли в Пале и других местах, проданные Первым Яковлевым сыном Новых Денег Николаевскому Корельско-

му монастырю, 1616 г., сказано: «се яз Первой Яковлев сын Новых Денег... продал есми и отступился игумену Каллистрату» и проч., «свою долю пожен и рыбной ловли, чем сам владел, что мне от братьи з делу достанетца... А старые купчие Пальские и менная и дельная на Шапчергие пожни оставаютца у братьи моей, у Федора з братьею, и понадобятца те старые пути на ту мою продажу им, игумену з братьею, к какову делу ни буди, и братьи моей Федору з братьею те старые пути на ту мою продажу казати безубыточно». Совершая купчую с Кирилло-Белозерским монастырем на дворе в Ненокском посаде и на право выварки соли в варничном участке, Павел Ананьин писал в 1578 году: «А старые купчие на дворе и на росоле яз Павел... оставил у себя для очищения» и т. п.⁷⁴ Впрочем, даже при оставлении у себя «старых грамот» прежний владелец мог заменить их списками с них, которые и передавал новому. В собрании актов Архангельского монастыря сохранилась, например, «отпись», вероятно, XV века, свидетельствующая о том, что «игумен Василий и поп и чернцы и все стадо святаго Спаса» дали Ивану Даниловичу, купившему у них «Ондреев участок», список с данной на него «за Варламовою печатью», а подлинное «рукописание Ондреево» оставили у игумена и у всех чернецов святого Спаса, на полатях. Викула Извольский поступил таким же образом при продаже своего московского двора Ивану Толстому в 1691 г.: сохранив у себя подлинные отписи в платеже мостовых и решеточных, а также оброчных денег с того двора за прошлые годы, он дал покупателю «списки с тех отписей за своею рукою».⁷⁵

В тех случаях, когда не было условий, затруднявших передачу «старых грамот» новому владельцу, они переходили к нему «для ради крепости и оцыщения», что видно хотя бы, например, из закладной Семена Вешняка Васильева Николаевскому Корельскому монастырю на половину тони Рикасихи и на земли с угодьями 1628 года. Здесь мы читаем:

«И те все писмяные крепости, четыре купчие и дельную и отпись, я Вешняк отдал игумену Сергию з братьею с сею закладною вместе. А то мое владенье все, что заложыл, досталось мне з делу от братьи моеи: от Клементья да от Леонтья да от Ивана Григорьевых же детей Васильева, и по той делной заложыл я и подписал в тех заемных деньгах; и к чему будет понадобится та дельная игумену Сергию з братьею для того моего закладного владенья, и мне Вешняку та дельная класть и казать им и список с тое дельной дать слово в слово».

В закладной Василия Третьяка Лентьева Николаевскому Корельскому монастырю на половину Прилуцкого острова и на долю в рыбной ловле в реке Косоломбале, купленной им у Марфы да у Матрены Васильевых, дочерей Лентьева, также встречается следующее условие:

«А те старые писмяные крепости и оброчная оставаецца у меня Третьяка; и к чему будет понадобится те писмяные крепости игумену з братьею, и мне Третьяку класть и казать, в том убытка не чинить; а купчая, что я купил то владенье у Васильевых дочерей, и ту я купчую отдал игумену з братьею с сею закладною; и будет понадобится мне Третьяку та купчая для которого дела, и им игумену з братьею потому ж казать мне Третьяку та купчая».

Прежние владельцы даже обеспечивали себя иногда особыми актами от притязаний, могущих возникнуть со стороны новых по поводу передачи им лишь части «старых грамот». В 1540 году, например, Иван Мурашов, отступившийся от земель и угодий на острове Солоткове Ивану Пятунину, выдал ему особую отпись, которая удостоверяла, что он, за исключением утерянной им «заповедной грамоты» великого князя, вручил Ивану Пятунину духовную отца своего и отступную-посильную на те же земли и угодья.⁷⁶

При передаче всех «старых грамот» новому владельцу они вручались ему при совершении или по совершении сделки, причем он обеспечивал иногда ис-

полнение такого условия особой неустойкой, которая уплачивалась прежним владельцем, если он «всех крепостей не отдаст». ⁷⁷ В купчей на лоскуты земли Лукинский и Федоровский, купленные Есифом Онуфриевичем у Устина Семенова сына, XV века, например, он пишет: «се купи Есиф Онуфриевич оу Вустена оу Семенова сына два лоскута земли и [с] старыми грамоты». Такой же порядок соблюдался и в позднейшее время: продавая в 1682 году половину своей деревни Семеновской и половину же прикупной деревни Екимовской Федору Бороткиных, крестьянину Лузской Пермцы Ламской волости, Богоявленский поп Матвей Попов включил в свою купчую следующее условие: «...а в отводе и в очищенье меня, продавца, ему купцу Федору не спрашивать, потому что яз поп Матфей старую купчую для очищенья ему ж Федору отдал». ⁷⁸

Благодаря такому обычаю в руках крупных владельцев сосредоточивалось иногда довольно значительное число «старых грамот», входивших в состав их вотчинных архивов. Московский великий князь имел, например, архив: его «казна» уже упоминается в XV веке; в ней хранились, между прочим, и частные акты, указанные в несколько позднейшей его описи. ⁷⁹ Московский митрополит, судя по записной его книге жалованным грамотам и крепостным актам, также устроил подобный же архив при своем дворе: его «казна» также известна с XV века и содержала частные акты. ⁸⁰ Важнейшие самостоятельные монастыри, например, Троицкий Сергиев, Кирилло-Белозерский, Соловецкий и другие содержали каждый свою «крепостную казну», при которой, судя по данным, касающимся Троицкого Сергиева монастыря, состоял даже особый «крепостной старец». ⁸¹ Родовитые и богатые вотчинники, разумеется, обладали более или менее значительными собраниями актов, например, Шереметевы, Голицыны, Куракины, Строгановы, Воронцовы, Панины и другие, хотя и не всегда заботились о надлежащем их хранении; некоторые из таких со-

браний, например, домашний архив стольника Безобразова, достигали довольно значительных размеров.⁸²

Впрочем, акты хранились также и у третьих лиц, духовных и светских. Монастыри с их «крепостными казнами» могли служить для таких целей. В одном из сборников Кирилло-Белозерского монастыря сохранился, например, список с духовного завещания Ивана Злобина, в котором встречается следующее указание: «а что есми положил у Спаса на Прилуце сто и девяносто рублев у игумена и у святыя братья в казне, в коробейке, да в той-же коробейке в колотках крепости земляные и людцкие кабалы и на ком что ми взяти, и приказщики бы мои те денги и кабалы взяли и заемные крепости...» По случаю дела между Ферапонтовым монастырем и крестьянами Южской волости, например, Данило Блин, давший несколько пустошей монастырю, заявлял на суде, что он те пустоши купил у Ивана Москотиньева Большого, «а грамоту, господине, свою купчую положил есми у Евстрата у чернца на соблюденье», что и было подтверждено старцем Евстратом.⁸³ Аналогичные случаи бывали и применительно к светским лицам, также принимавшим чужие грамоты на хранение, что видно хотя бы из приводимого ниже акта, заключенного между Иваном Губою и братьями Шваковыми. В таких случаях принимавший акты на хранение выдавал особую отпись о приеме их заинтересованным лицам, причем она могла иметь или домашний, или более строгий формальный характер. В одной расписке 1693 года, например, мы читаем следующие строки:

«Васильевской поп Косьтянтин принял я запись противную 202 году ноября 24 числа у Григорья Мачкова да у Данила да у Якова да у Петра да у Естифея Бологовских на збереженье. А как ему Григорью с товарищи надобна будет запись, и мне им отдать».

Более формальный характер имеет «отпись» Ивана Губы Титу, Юрию, Григорию и Тимофею Шваковым в приеме на хранение купчих на деревню Чучепальскую, 1596 года; приведем ее также целиком:

«Се яз Иван Губа Тимофеев сын дал есми отпись Титу да Юрью да Григорью да Тимофею Иевлевым детем Швакова в том, взял есми себе на соблюденье купчие грамоты Чючепальской деревни, числом их шесть купчих. И понадобятца тих купчих которой путь ни буди которому их брату Иевлевым детем, и мне Ивану Тимофееву сыну Швакова класти и казати безденежно и безубыточно по сей отписе. На то послуши: Афонасеи Гаврилов сын Швакова да Иван Кондратьев сын Немкова. Отпись писал Васка Антоньев сын лета 7104-го году апреля в 9 день».⁸⁴

Такие частные способы хранения грамот не могли, конечно, заменить собою государственных хранилищ, имевших вместе с тем существенное значение для их удостоверения. В Пскове при церкви Св. Троицы, например, давно уже существовал особый «ларь» для хранения в нем грамот, в частности крепостных актов.⁸⁵ Такие хранилища возникли и при присутственных местах Московского государства. Кроме Посольского приказа можно упомянуть, например, о Поместном приказе, архив которого, вероятно, существовал уже в XV веке: в одном судном деле 1495 года речь идет, между прочим, о том, что судья, князь Василий Иванович {Голенин? – А. А.} «велел дьяку своему Олешке Безобразову у дьяка у Микифора {Кобелева? – А. А.} ис Костромских книг {1465 (6973) года – А. А.} монастырские земли Троецкие выписать, да себе сказати. И Олешка дьяк у Микифора дьяка из книг выписал...». Ввиду того, что писцовые книги, по крайней мере, в несколько позднейшее время хранились в Поместном приказе, можно предполагать, что и в данном случае справка, нужная князю Василию Ивановичу {Голенину? – А. А.} наводилась в архиве Поместного приказа. В другом судном списке 1504 года рассказывается о том, как по поводу жалованной грамоты, данной князем Верейским и Белозерским Михаилом Андреевичем, подлинник которой был увезен в Москву Белозерским писцом Василием Долматовым, писавшим уезд около 1485 (6993)

года, тот же судья князь Василий Иванович Голенин, «по великого князя слову Ивана Васильевича всея Руси, грамоты жалованные князю Михайлову Ондреевичу в казне доискался и возрил в грамоту...». Если такая грамота не находилась в царской казне состоявшейся, по всей вероятности, при Посольском приказе, то она могла оказаться в архиве Поместного приказа: тут, по крайней мере, во второй половине того же века уже хранились «вотчинные крепости», о чем ясно свидетельствует указная грамота Белозерским губным старостам 1566 года; здесь мы читаем: «а в книги деи в Поместной избе, в которых записывают вотчинные крепости, князь Ондрей з братьею {Кривоборские – А. А.} да и они того сельца и деревень не записали и то деи их сельцо и деревни Петр Лихорев да подъячей Костя Толмачев роздали в поместья детям боярским по государеву указу...».⁸⁶ Книги подобного рода, как видно из известного дела С. Строилова с М. Чертовым о закладной кабале, хранились в особых ларях, которые назывались по имени дьяков.⁸⁷ Вообще, такой же порядок существовал и в других Московских приказах, имевших свой архив, например, в Разрядном: сюда, между прочим, поступило производство Палаты родословных дел, в состав которого вошли остатки фамильных архивов служилых родов, в том числе частные акты XIV–XVII столетий (в копиях): докладные, полные и заемные (рязанские), купчие, данные, деловые и проч.⁸⁸ В архивах других приказов, смотря по их ведомствам, могли быть и частные акты, например, в приказе Холопьего суда, в Земском приказе, в Судном приказе и т. п.⁸⁹ При Оружейной палате также хранились книги записные разных дел, вероятно, несколько позднейшего времени; они заключают в себе: явочные прошения о беглых людях, купчие и данные на имения и дворы, записные книги судным делам, очным ставкам и невершенным старым делам, которые вершены будут, и т. п.; кроме того, тут же хранились и другие частные акты, вероятно, занесенные в такие же книги, напри-

мер, жилые записи (наем услуг и в учение), наемные жилые записи (отдача в наем домов, лавок и проч.), поручные записи, справочные прошения (просьбы писцов о том, чтобы велено было ответчиков, не явившихся по приставным памятям, представить к суду), срочные сказки (сроки, назначенные поручителями для явки в суд) и т. п.⁹⁰ Кроме центральных учреждений, местные, в особенности съезжие избы, где предъявлялись крепостные акты к записке в книги, также имели свои собрания частных актов, например, в Новгороде, Устюжне Железнопольской, Соликамске и т. п.⁹¹

Благодаря централизации правительственных архивов, которая стала развиваться в XVIII веке, в особенности после упразднения старинных присутственных мест, в них стало сосредоточиваться большое количество актов, в том числе и частных.

Такой процесс совершался, однако, не без колебаний. Вместо того, чтобы писать в Москве акты в палатке Ивановской площади, как водилось исстари, указом 1699 года декабря 9 велено писать их в Поместном приказе, что, впрочем, вскоре было отменено. Вслед за тем указом 1704 года января 31 предписано вносить старые и новые крепости и брать с них пошлины в Судном приказе, а в других городах по земским избам, но и указ 1704 года оставался в силе недолго и, вероятно, не помешал вернуться к прежнему порядку взимания крепостных пошлин в Поместном приказе. В 1720 году (указами 13 февраля и 19 июня) велено было писать всякие крепости в Юстиц-Коллегии, причем прежний порядок взимания крепостных пошлин был снова изменен указом 1723 года июля 11-го, в силу которого крепостные пошлины стали собираться в Крепостной конторе. Вскоре, однако, порядок писания крепостей был снова изменен: кроме Вотчинной Коллегии, которая, судя по сенатскому указу 1726 года, заведовала запиской купчих и закладных, справкой за детьми, после отцов и других родственников, по наследству и т. п., указом 1731 года

июня 17-го велено было всякие крепости писать, свыше ста рублей, в губернских и провинциальных городах определенным к тому канцелярским чиновникам, в Москве под надзором Юстиц-Коллегии, а в городах под присмотром губернаторов и воевод. Наконец, по упразднении Юстиц-Коллегии и Вотчинной конторы, заменявших в некоторых отношениях Поместный и Судный приказы, вступила в их права, в силу Учреждения о губерниях 1775 года, Палата гражданского суда; впрочем, акты на недвижимые имения совершались и в уездных судах. Вскоре за тем наряду с Вотчинным архивом, известным под таким названием уже с 1726 года, учрежден был еще Государственный Архив старых дел в Петербурге указом 24 октября 1780 года и в Москве указом 2 октября 1782 года; сюда стали стекаться дела вышеназванных упраздненных присутственных мест.⁹² С течением времени той же судьбе подверглись и документы губернских учреждений: вместе с Архивами старых дел и Вотчинным, получившим в качестве особого учреждения свои штаты лишь в силу указа от 7 января 1786 года, они были переданы после судебной реформы 20 ноября 1864 года на хранение в Московский Архив Министерства Юстиции, где, таким образом, и сосредоточилась главная масса старинных документов, в том числе и частных актов.⁹³

В настоящее время Московский Архив Министерства Юстиции, образованный 7-го июля 1852 года, состоит из трех отделений, между которыми и распределены документы вышеназванных прежних хранилищ: кроме Разрядного Архива, дела которого были переданы в I отделение, документы Архива старых дел составили II отделение, а документы Вотчинного Архива – III отделение нынешнего Архива Министерства Юстиции.⁹⁴

В состав II отделения вошли, между прочим, фонды, имеющие значение и для изучения частных актов; сюда относятся: а) дела Судного приказа, соединившего в себе производства нескольких старинных

приказов (Московского, Владимирского, Дмитровского и др.); б) дела Юстиц-Коллегии и ее конторы, в том числе, например, «книги записные вотчинные» в продаже вотчин (вместе с людьми и крестьянами); «книги записные крестьянские» в продаже крестьян, выдаче отпускных и т. п.; «книги записные письма крепостей»: купчих, поступных, закладных и т. п.; «книги крепостные жилые», содержащие жилые, т. е. сделки личного найма или отработки долга; «книги записные наемных дворов, дворцовых земель» и пр.; «книги записные в займе денег» по заемным кабалам и под заклад движимого и недвижимого имущества; «книги записные духовных завещаний», явленных в Юстиц-Коллегии; «книги подлинные верующим письмам» с записями доверенностей; «книги записные приказные поручным записям»; с) дела Коллегии Экономии, заведовавшей управлением церковными имуществами и сборами с них податей, в особенности после их секуляризации; вместе с ее делопроизводством поступило богатое «собрание грамот Коллегии Экономии». В общей сложности в делах Коллегии Экономии насчитывается до 608 книг с грамотами (в списках) и до 15028 отдельных подлинных грамот, расположенных по уездам и относящихся к 1356–1795 годам; между ними много частных актов.⁹⁵

В состав III отделения вошли дела Поместного приказа, а также вотчинной коллегии (с конторой и департаментом) и вотчинные архивы; они включают в себе, кроме значительного собрания писцовых и других книг, челобитные о даче поместий, о записке за просителями приобретенных ими имений, о нарушениях поземельных прав и проч., а также справки по челобитным, допросы, распоряжения о записке и отказе земель за новыми приобретателями, разбор и суд по спорным делам с приговорами по ним и т. п. В таких делах попадаются, конечно, и частные акты, например, записные книги подлинным крепостям на земли с крестьянами и на крестьян без земли, а также записные книги явленным крепостям (купчим, зак-

ладным и проч.), {заключают – А. А.} документы, касающиеся недвижимых имений: данные, отдельные, меновные, сдаточные на поместья, отпускные крестьян на волю, мировые и т. п.⁹⁶

Кроме того, в Архиве Министерства Юстиции имеются дела из архивов присутственных мест, упраздненных судебною реформою 20 ноября 1864 года, в том числе и дела гражданских палат разных губерний, содержащие также частные акты; следует заметить, что даже в позднейших делах XVIII века (особенно касающихся землевладения) почти постоянно встречаются в копиях документы более раннего времени: XVI и XVII вв.⁹⁷

Кроме Московского Архива Министерства Юстиции, сосредоточившего в себе хранение большинства старейших актов, в особенности частных, можно указать еще на менее значительные хранилища актов, преимущественно частных. В Публичном и Румянцевском Музее, например, имеются собрания И. Д. Беляева, который составил коллекцию 2254, главным образом, частных актов XV–XVII вв., и Я. П. Гарелина, менее систематического и более разнородного по своему содержанию, в количестве 3016 грамот, относящихся «почти исключительно к Суздальской области», преимущественно XVII века.⁹⁸

В числе архивов, образованных еще в XVIII веке, но не слившихся с Московским архивом Министерства Юстиции, можно указать еще на одно хранилище, имеющее близкое отношение к изучению частных актов: архив Межевой Канцелярии, возникший благодаря указу 16 января 1768 года, содержит богатое собрание подлинных планов и межевых книг на все дачи и участки, а равно и многие другие межевые материалы, выясняющие положение поземельной собственности во всех тех губерниях, где производилось и донныне еще производится межевание; материалы, собранные в нем, дают возможность определить положение, пространство и границы поземельных владений, т. е. «существенно важные данные, без которых

точная определительность поземельной собственности немыслима», главным образом, со времени обнаружения межевой инструкции 1766 года; несколько позднее, а именно с 1796 года, архив был разделен на два отдела: писцовый, дающий понятие о межевых действиях по каждой даче, и чертежный, состоящий из межевых документов, порожденных такими действиями, т. е. из планов и межевых книг, относящихся, главным образом, к XVIII—XIX столетиям.⁹⁹

Менее важное значение для дипломатики частных актов имеют другие Московские хранилища, едва ли содержащие цельные фонды подобного рода. В числе их нельзя не отметить Синодальную библиотеку, в которой есть несколько сборников актов, любопытных в дипломатическом отношении, а также Главный Архив Министерства Иностранных Дел; здесь, по «не дипломатическому отделу», хранятся, между прочим, духовные и другие крепости и записи московских и удельных князей, а также поручные записи князей и бояр; приказные дела старых и новых лет, в составе которых встречаются частные акты: порядные, поручные и т. п.; некоторые записные книги крепостям, например, по Новгороду и Нижнему Новгороду; акты о въезде в Россию иностранцев; портфели Г. Ф. Миллера со значительным количеством сибирских актов и т. п.¹⁰⁰

Петроградские хранилища, возникшие в более позднее время и образовавшиеся из довольно разнообразных, иногда случайных приобретений, особенно Публичная Библиотека и Археографическая Комиссия, обладают довольно значительными собраниями актов. В рукописное отделение Публичной Библиотеки, между прочим, поступило, кроме известного собрания графа Ф. А. Толстого, богатое древлехранилище М. П. Погодина, в составе которого оказалось немало пергаменных грамот Коллегии Экономии, а также других актов.¹⁰¹ В Археографической Комиссии, кроме нескольких сот грамот, некогда принадлежавших Коллегии Экономии, и актов Новгородской казенной

палаты, касающихся вотчинных владений Софийского митрополичьего дома, а также разных монастырей и церквей, хранятся еще: собрание П. М. Строева (общим числом до 3330 номеров), из которого почти исключительно почерпнуты были материалы для известного сборника «Актов Юридических»; далее, коллекции П. И. Савваитова (вологодские акты), В. Борисова (шуйские акты) и Каблукова (в последней есть акты XVIII века); довольно богатый архив бывшего Коряжемского монастыря и другие фонды.¹⁰² Менее важное значение имеют для дипломатики частных актов некоторые другие петроградские хранилища, например, архив Святейшего Синода, заключающий, между прочим, грамоты, завещания духовных лиц, имущественные описи позднейшего времени и т. п.; при нем имеется собрание актов И. К. Зинченки: оно преимущественно касается поморских уездов и содержит немало частных актов.¹⁰³ В рукописное отделение Библиотеки Российской Академии Наук также поступило несколько собраний актов: Я. П. Бередникова, И. Х. Гамеля, К. К. Ширрена, М. И. Семейского и Н. Н. Кашкина, дополненных позднейшими приобретениями куростровских, важских и пошехонских столбцов, а также актов, касающихся крестьянской ветви Строгановых. В Археологическом Институте находится несколько «старинных рукописей, начиная с XV века, свитков и грамот», между которыми особое место занимает некоторая часть вотчинного архива князей Куракиных.¹⁰⁴

Кроме столичных архивов, можно, конечно, указать и на некоторые областные и провинциальные. В числе областных архивов особенно значительны «центральные» архивы: Киевский, Виленский и Витебский.¹⁰⁵ В провинциальных хранилищах, особенно в монастырях, архивы которых не перешли в центральные ведомства или не разошлись по рукам или исчезли, еще имеются материалы подобного рода, например, в Соловецком, Кирилло-Новозерском, Александро-Свирском, Колязинском, Спасо-Евфимиевском,

Тихвинском и т. п.¹⁰⁶ В частных хранилищах, например, графа А. С. Уварова, А. А. Титова, И. А. Вахрамеева, графа М. М. Толстого и др. имеются также собрания частных актов.¹⁰⁷

Положение наших нотариальных архивов, столь важных для изучения частных актов позднейшего времени, до сих пор мало выяснено. По силе 42-й статьи Положения о нотариальной части, при каждом окружном суде учреждается, под заведованием старшего нотариуса, нотариальный архив для хранения крепостных, запретительных и разрешительных книг, а также книг, реестров и подписей нотариусов и лиц, их заменяющих. В 1867 году 27 июня были высочайше утверждены штаты нотариальных архивов при окружных судах, разделенных на четыре разряда.¹⁰⁸

Наконец, кроме отмеченных выше главнейших хранилищ, можно было бы указать и на многие другие, в состав которых вошли и частные акты; но они большей частью представляются в довольно разрозненном виде и не поддаются систематическому обзору.

§ 2. Развитие русской дипломатики и ее литература

Русская дипломатика частных актов возникла сравнительно недавно и не отличается богатством своей литературы. В древности, разумеется, научные сведения по дипломатике еще не выделялись в особую дисциплину и лишь практически применялись в канцеляриях, например, великокняжеской и митрополичьей, или при рассмотрении на судах грамот, вызывавших сомнение в их подлинности; сведения о таком разбирательстве можно почерпнуть из правых грамот, например, той, которая была выдана по поводу тяжбы между С. В. Стромиловым и И. М. Чертовым, 1565–1566 гг.¹⁰⁹ Впрочем, можно указать на попытки дипломатического обращения с актами уже в XVII веке. В одном сборнике того времени, может быть,

принадлежащем монаху Евфимию и писанном тем же почерком, что и книга «Щит веры», вслед за словом о житии митрополита Алексия составитель поместил копии с ярлыков, выданных ханами русским митрополитам, со следующей предварительной заметкой: «Достоит изъявити, како царие ординстии чествоваху архиереи российския и како церковь святую и церковники свободны имяху от всяких даней и поборов». «Ярлыки, сиречь жаловалныя грамоты и каковы давали царие ординстии и вси митрополитом Киевским и всея Руси, легость церковным домом и людем». Далее следует перечисление ярлыков – всех ярлыков шесть. После них приписка, часто встречающаяся за ярлыками: «суть же и иныя велицы ерльцы предани быша церкви Божией» и пр. Вслед за этим составитель присоединил список с «грамматы на паргамине писанную св. Алексия митрополита всея России, подписанную по гречески рукою его свойственною, обретающаяся в домово́й казне Рязанския митрополии». Эта грамота писана митрополитом на Червлёный Яр боярам и духовенству о подчинении [их? – А. Л.-Д.] Рязанскому епископу; она напечатана в АИ. Т. I, №3. В конце грамоты списана подпись митрополита, которой в печати нет:

« Ἁλέξιος ἐλέω Θεοῦ μητροπολίτης πάσης Ῥωσσίας καὶ ὑπερτίμος» и прибавлено: «и печать у грамоты привешена, на единой стране образ пречистыя Богородицы, на второй стране тоезде подписание по-гречески изваяно имущая». Далее помещены материалы, не имеющие отношения к митрополиту Алексию; они кажутся позднейшего времени.¹¹⁰

В следующем столетии некоторые из ученых, занимавшихся русской историей, уже обратили серьезное внимание на акты, например, Г. Ф. Миллер и кн. М. М. Щербатов; Н. И. Новиков также напечатал несколько частных актов в своей «Древней Российской Вивлиофике», вслед за которой появилось изданное Академией «Продолжение». Само правительство, в лице императрицы Екатерины II, по-видимому, не-

сколько заинтересовалось «грамотами, какия и в каком случае употреблялись:

1. В иностранныя государства – во всяких случаях.

2. К наместникам всех княжений – во всяких делах.

3. Как от государей, так и из всех приказов – во всяких делах.

4. Уставныя – для учреждения каково либо порядка или положения податей.

5. Опасныя – ежели на кого кто похвалится убивством давались с таковым предписанием, если тот, кому дана сия грамота, убит будет, то будет признан убийцею тот, кто похвалялся.

6. Несудимыя – даны с тем, чтобы они в городах, а иногда и кроме государей, ни в каких делах судимы не были; оныя Уложением отставлены.

7. Жалованныя – на дворцовыя, родовыя и купленные деревни и на такия, которыя пожалованы из поместья в вотчину, также на дворянство, но кто изведение из нижней в вышнюю степень, на поверстание в поместной оклад и на определение к месту для управления чего.

8. Данныя – торговым людям на владение лавок, кои и ныне даются на проданныя казенныя места и дома, вместо крепостей, на рыбныя ловли и пр., отданныя из оброку.

9. Оберегательные или охранительные листы – в каком случае давались, точно неизвестно.

10. Тарханныя или льготныя – давались с обозначением времени тем, которые освобождены бывали от поборов, податей и постою, или чем казенным кому позволялось без платежа пользоваться, также и тем, кто придет из заграницы и поселится на дворцовых землях для освобождения от поборов и податей.

11. Правыя – тем, кто по суду в чем оправлен.

12. Уговорщикам хлебным – подрядчиком, дабы не препятствовали им в поставке хлеба.

13. Ссыскныя – посылалися для сыску и свидетельства порозжих земель.

14. Отказная – для объявления, что деревни или земли какия почитать во владении кого либо и описания оных.

15. Вводная – в доказательство, что имеет право владеть теми деревнями или землями, которыя в них помянуты, вместо коих ныне даются выписи на владение.

16. Долговая – указы о взыскании с кого какого долга по обязательствам.

17. Откупная – об отдаче на откуп из казны чего.

18. Зазывная – для позыву к суду.

19. Проезжая – для проезда в другия государства и из города в город, вместо коих ныне дается паспорт.

20. Полетная – в случае кому каково нещастья о невзыскании долгов на некоторое время». ¹¹¹

В начале XIX века кружок графа Н. П. Румянцева много сделал для того, чтобы подготовить дальнейшее развитие русской дипломатики: «Собрание Государственных Грамот и Договоров» уже было основано на таких подготовительных работах, хотя и не вполне удовлетворяет новейшим требованиям научно-издательской техники. ¹¹²

Старший член кружка, Евгений Болховитинов, собрал обширный материал, появившийся на страницах известного труда Амвросия Орнатского по истории Российской иерархии, где напечатано было немало актов. Вместе с тем в 1818 году митрополит Евгений уже выступил с обстоятельной статьей, посвященной дипломатическому обследованию, согласно правилам Мабильона и Гаттерера, древнейшей из сохранившихся наших грамот, а именно «грамоты великого князя Мстислава Володимировича и сына его Всеволода Мстиславича, удельного князя Новгородского, пожалованной Новгородскому Юрьеву монастырю». В своей работе митрополит Евгений обратил особенное внимание на время появления грамоты, на некоторые невразумительные слова ее текста, на материал и чернила, послужившие для ее написания, на

почерк и образец букв и правописание, а также на строчные и надстрочные при буквах знаки и, наконец, на «признаки удостоверения даятеля грамоты», причем остановился на разборе рукоприкладств и по поводу вопроса о печатях, описал все известные ему великокняжеские, царские и архиерейские печати.¹¹³ Один из младших членов кружка, К. Ф. Калайдович, выступил по поводу напечатанных Х. А. Шлецером двух грамот, касающихся сношений Новгорода с Ганзой, с истолкованием их смысла и содержания.¹¹⁴ Вскоре затем С. Г. Саларев сделал попытку разобраться в разновидностях российских грамот и, между прочим, дать краткую характеристику «крепостей», т. е. купчих, закладных, поступных и проч., а также сдаточных, полных и отпускных, отдельных или передельных, духовных или завещательных, отказных и межевых, служилых и заемных кабал, поручных и т. п., причем сообщил несколько сведений, не всегда, впрочем, безошибочных, об их значении и способах их удостоверения.¹¹⁵

К тому же времени относится и появление анонимной книги «Об актах крепостных, завещательных, договорных, заемных и вексельных». Автор, писавший свой труд ввиду не столько научных, сколько практических целей, дает прежде всего общее понятие об акте, т. е. о «знаке, утверждающем принадлежность какой либо вещи или отношение одного человека к другому», и выясняет происхождение актов, а затем переходит к рассмотрению отдельных видов: купчих, «дареных», рядных и отдельных записей, духовных завещаний, условий, контрактов, векселей, закладных и всех родов заемных писем, присоединяя к нему их образцы, которые могут служить иллюстрациями формуляров старинных частных актов.¹¹⁶ В то же время П. М. Строев приступил к целому ряду археографических работ, положивших прочное основание русской дипломатике: под влиянием графа Н. П. Румянцева он принялся за собиране и издание актов; во время своей известной архе-

ографической экспедиции он вывез значительную их коллекцию, в том числе не мало частных; последние и составили главное содержание того систематического сборника «Актów Юридических», который был издан Археографической Комиссией в 1838 году и до сих пор является главнейшим источником для ознакомления с основными разновидностями частных актов.¹¹⁷

Основание Археографической Комиссии Министерства Народного Просвещения в 1834 году содействовало дальнейшему развитию подобных работ;¹¹⁸ в ее составе после П. М. Строева и Я. И. Бередникова главным редактором стал А. А. Куник.

А. А. Куник обладал большими знаниями, но эти знания ему так и не удалось собрать в систему. Им выдвинуты были два вопроса, из которых первый касался составления указателя русских грамот. Еще до него в этом направлении были сделаны некоторые попытки, оказавшиеся не вполне удачными. Так, А. В. Терещенко занялся составлением списка всех актов на русском языке, разбросанных по разным изданиям. В течение двух лет трудился он над собиранием материалов, и все же в его указатель вошло едва ли многим более половины всех напечатанных к тому времени грамот. Куник, которому Археографической Комиссией поручено было приступить к изданию указателя Терещенко, убедился в том, что указатель этот во многих отношениях оказывается неудовлетворительным и предложил составить новый хронологический указатель русских грамот и документов. По его мнению, приступая к этой задаче, нужно прежде всего собрать весь относящийся сюда материал; затем следует дать перечень всех собранных актов, который будет заключаться в точной перепечатке их оглавлений. Лишь в том случае, если грамота вовсе не озаглавлена или озаглавлена неудовлетворительно, необходимо добавить несколько слов или добавить заглавие, указывающее на содержание грамоты. За оглавлениями должен следовать сперва хронологичес-

кий комментарий, потом указатель личных и географических имен. Второй вопрос, выдвинутый Куником, касался необходимости рассмотрения отдельных грамот и других документов, напечатанных в Исторической Библиотеке Комиссии, в Древней Российской Вивлиофике и особых археографических сборниках, и затем описания их. И первому, и второму вопросу Куник предполагал посвятить специальную книгу. Археографическая Комиссия предложила Кунику немедленно приступить к намеченной им работе, тем не менее это ни к чему не привело. Хотя уже в следующем году Куник заявил, что главный текст первой книги перечня русских грамот им напечатан, но дальше этого дело не пошло, и до сих пор остается даже невыясненным, сохранился ли труд Куника.

Насчитывается 16 главнейших сборников частных актов, из них первые шесть – общие (смешанного содержания), а остальные местные:

1. Акты Юридические, СПб., 1838 года, изданы Археографической Комиссией.

2. Акты, относящиеся до юридического быта. I–III. СПб., 1857–1884 гг., также изданы Археографической Комиссией.

3. Акты, представленные в Разрядный приказ, собраны и изданы А. Юшковым. Ч. I. М., 1898 г.

4. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках (главным образом, первой половины XVI в.). Выпуск I: духовные и сговорные грамоты; выпуск II: грамоты правые. Собраны и изданы Н. Лихачевым. СПб., 1895 г.

5. Обзор грамот Коллегии Экономии С. Шумакова. вв. I–IV. М., 1899–1917 гг. (бежецких, алаторских, белозерских, костромских, переяславских и т. д.).

6. Сотницы, грамоты и записи, изданные С. Шумаковым. М., 1902–1913 гг., вв. I–VII.

7. Двинские грамоты XV века, изданные А. Шахматовым. СПб., 1903 г. (Новгородская традиция).

8. Новгородские грамоты в Записных книгах крепостным актам XV–XVI веков, явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву – изданные под редакцией А. Лакиера в Архиве историко-юридических сведений Н. Калачова 1855 года. Книга 2. Пол. 1. Отд. 2. и под редакцией А. Лаппо-Данилевского в Русской Исторической Библиотеке, том XVII (1898 г.).

9. Русская Историческая Библиотека; особенно том II и тт. XII, XIV, XXV (акты Холмогорской и Устюжской епархии).

10. Древние акты, относящиеся к истории Вятского края (приложение ко II тому сборника «Столетие Вятской губернии»). Вятка, 1881 г.

11. Тверские акты, изданные под редакцией С. Шумакова. Выпуски I–II. Тверь, 1896–1897 гг.

12. Угличские акты, изданные под редакцией С. Шумакова. М., 1899 г.

13. Грамоты Рязанского края А. Н. Пискарева. 1854 г.

14. Исторические и юридические акты Казанской и соседствующих с нею губерний, собранные П. Мельниковым.

15. Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского Дворца. Вып. I–VI. Казань–Симбирск, 1882–1912 гг.

16. Воронежские акты, изданные Н. Второвым и К. Александровым-Дольником. 1-е изд. 1849–1850 гг. 2 кн. Изд. 2-е, 1850–1853 гг. 3 кн., а также Воронежской Архивной Комиссией (в вып. V-м «Трудов»).

Обширный материал дают отдельные издания актов некоторых монастырей. Так, представляются ценными Акты Велико-Устюжского Михайло-Архангельского монастыря, изданные под редакцией В. П. Шляпина. Великий Устюг, 1912–1913 гг. Части I–II.

Особенно же ценными как редкие исторические документы представляются грамоты и акты Вятского Успенского Трифонова монастыря с 1580 по 1699 год,

изданные в «Трудах Вятской ученой Архивной Комиссии» 1906 год. Вып. V–XI. Вятка, 1907.*

Несмотря на довольно значительное число более или менее ценных научных изданий актов, современная литература по русской дипломатике все еще очень небогата. В числе ученых второй половины прошлого века, значительно подготовивших ее развитие, нельзя не указать на знатока нашей древней письменности И. И. Срезневского, но, как филолог, он исследовал памятники по преимуществу с точки зрения палеографии. В более ранний период И. Д. Беляев и Н. В. Калачов обнаружили некоторый интерес к подобного рода исследованиям. И. Д. Беляев напечатал несколько статей, посвященных, например, выяснению «Списков судных, докладных и грамот правых и безсудных в Московском Государстве», а также «актов, устанавливающих крепостное право в России», и напечатал несколько других частных актов.¹¹⁹ Н. В. Калачов также оказал немало услуг русской дипломатике: он составил и издал новый систематический и широко задуманный сборник актов, относящихся до юридического быта; вместе с тем написал несколько работ, в которых он обратил внимание, например, на старинные наши формулярники, содержащие вступления в письма, и касался актов, записанных в крепостной книге XVI в., «рядных, в смысле свадебных сговоров» и «договоров вольных людей о поступлении в крестьяне и дворовые на срочное время» и т. п.; кроме того, он предпринимал археографические поездки в разные губернии, причем представлял донесения о них председателю Археографической Комиссии и ознакомил ученых с некоторыми из их результатов в статье, вышедшей под заглавием: «Исторические заметки, собранные в Орле и Мценске». В связи со своей научной деятельностью Н. В. Калачов выступил и в качестве живого инициатора и орга-

---

*ПФА РАН Ф.113. Оп.1. Д.249. Л.123.

низатора архивных работ: он много содействовал новому устройству Московского архива Министерства Юстиции и в звании управляющего им образовал при нем «ученый отдел», приступивший к описанию документов и бумаг архива; он основал в 1877 году С.-Петербургский Археологический институт, который должен был готовить научно-образованных архивистов, а незадолго до смерти в 1884 году выхлопотал учреждение губернских ученых архивных комиссий, на которые была возложена обязанность сохранять архивные материалы в провинциальных центрах.¹²⁰

В позднейшее время стали появляться более систематические труды по дипломатике. Весьма полезным пособием для ознакомления с главнейшими видами частных актов и их формулярами может служить труд Д. Мейчика: Грамоты XIV и XV вв. Московского Архива Министерства Юстиции. Их форма, содержание значение в истории русского права. М., 1883 г. (из «Описания докум. и бум. Московского Архива Министерства Юстиции». Т. IV).

По русской дипломатике в более точном смысле слова можно указать, главным образом, на труды Н. П. Лихачева и С. А. Шумакова. Давно уже занятый разработкой дипломатики Н. П. Лихачев успел, однако, пока дать лишь весьма обстоятельные обзоры ее истории на Западе и отчасти коснуться ее развития у нас в связи с учреждением и содержанием наших архивов, а также остановился на изучении актов «с их внутренней стороны». Свои наблюдения и выводы Н. П. Лихачев излагал на лекциях, читанных им слушателям Археологического Института; часть их была издана полностью, а другая, в том числе и его замечания по «дипломатической критике и видам актов», — «корректирно, по непереработанным конспектам».¹²¹

Более систематическим характером, хотя и менее строгим отношением к требованиям дипломатики, отличаются труды С. А. Шумакова; кратко обзрев «грамоты и записи», а также другие виды актов в одной из наших энциклопедий, он вслед затем подробнее

рассмотрел их во введении к последнему выпуску своего «Обзора». ¹²²

В своем очерке, также озаглавленном «Грамоты и записи» С. А. Шумаков собрал много сведений и указаний касательно разновидностей актов, но допустил и немало промахов.

Шумаков стоит на той точке зрения, что не следует давать точного определения понятий; сам он или вовсе не дает определений или дает их в неясной, туманной форме – отсюда неясность, а подчас и ошибочность выводов.

Так, им не выяснено, что из себя представляет запись, он ограничивается лишь следующим замечанием: отдельные виды частных актов можно разбить на две больших группы: Грамоты (древнейший термин) и Записи (позднейший), но лишь терминологически, потому как чаще всего сами себя называют частные акты. В остальном с формальной стороны никакой разницы между этими двумя группами нет. ¹²³

Благодаря тому, что само понятие Запись остается невыясненным, различие, которое Шумаков усматривает между записью и памятью, оказывается недостаточно полным: по его мнению, единственной отличительной чертой памяти является отсутствие послухов. ¹²⁴

Само понятие частного акта и отличие его от публичного определяется Шумаковым недостаточно ясно; «частные акты, – говорит он, – это письменные акты, в форму которых облекались определявшиеся переплетом и борьбой социально-экономических сил и отношений юридические сделки в смысле юридических действий, направленных к изменению существующих юридических отношений по равнодействующей этого переплета и борьбы сил. Впрочем, это уже позднейшая форма таких сделок». ¹²⁵ Различие между публичным и частным актом нельзя вывести из социально-экономических отношений. Смешивается генезис частного акта с понятием о нем; в его генезисе «переплет» играл некоторую роль, но в понятии не част-

ный акт = $f * /$ т. е. «форме» / (переплета), а переплет оформляется в частном акте, т.е. в известном смысле = f (частного акта); кроме того, и с генетической точки зрения нельзя ограничиваться экономическими факторами: ведь духовные завещания («чтобы они заплакали»), отпускные людей, данные и т. п. совершались и под влиянием идеальных соображений, а не одних только материальных интересов.

В своем «Обзоре грамот Коллегии Экономии» Шумаков совершенно исключительное значение уделяет классовой борьбе, усматривая ее в явлениях, к которым социально-экономический фактор не всегда применим. «Вотчинный сеньориальный суд ограничивается у нас по мере усиления территориальной власти великих князей и раньше всего и наиболее последовательно в московском великом княжестве, причем не осталась тут без влияния и классовая борьба старого боярства с новым дворянством, с участием в ней духовенства и тяглых классов».¹²⁶ «Под влиянием той же классовой борьбы ограничиваются и финансовые льготы грамотчиков».¹²⁷ «Под влиянием той же классовой борьбы уничтожаются у нас и тарханские грамоты».¹²⁸ Грамоты местного правительственного управления, определяющие отношения наместника к населению, регулирующие поборы и повинности населения, Шумаков считает первой стадией классового самосознания областного населения и проявления его воли; второй его стадией являются грамоты местного самоуправления. Тот же узкоклассовый дух правящих классов сказался, по мнению Шумакова, в грамотах, даваемых различным органам управления и суда по самым разнообразным вопросам управления. Грамоты процессуальные также отражают классовый характер процесса. Неопределенность и хаотичность вотчинных прав и неземельных отношений древней Руси, в частности туманность и разнообразность обюдных отношений монастыря и вкладчика, сказавшиеся в Вкладных и Данных грамотах, объясняются Шумаковым узкоклассовыми воззрениями московс-

кого правительства. Наиболее полно и остро отражают в себе классовую борьбу и переплет социально-экономических реальных сил и отношений, по мнению Шумакова, различного рода кабальные грамоты, особенно служилые,¹²⁹ а также записи: договорные, регулирующие социально-экономическую классовую борьбу вообще, мировые и меновые, так или иначе отражающие интересы господствующего класса (маскируя запрещенную правительством куплю-продажу поместий и вклады в монастыри).¹³⁰ Наконец, порядные грамоты, касающиеся крестьян-бобылей и половников, знаменуют собой, по мнению Шумакова, те же акты социально-экономической классовой борьбы.*

Дальнейшее развитие дипломатики в России обнаружилось в более сознательном отношении к ее принципам и методам, особенно в той ее части, которая выше была названа «документальным построением актов». С такой точки зрения можно упомянуть здесь о работах А. С. Лаппо-Данилевского: он уже раньше выступил с изданием, в котором попытался характеризовать одну из записных книг крепостных актов конца XVI века и напечатать более сорока листов двинских грамот, значительная часть которых принадлежит к числу частных актов; в своей монографии о служилых кабалах позднейшего типа он попытался иллюстрировать новый метод анализа частных актов в его приложении к данному их виду и предложил синтез добытых таким образом элементов в их целокупности, рассматривая ее в ее зависимости от условий места и времени, в ее устойчивых формах и в их историческом движении; в более специальном исследовании о печатях Галичских князей и бояр XIV века он использовал разнообразные приемы сфрагистики, отчасти применимые и к изучению печатей частных актов.¹³¹

---

* ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 246. Л. 156; Д. 249. Л. 126-128об.

В «Историческом Обозрении» несколько молодых ученых издали сборник статей, посвященных изучению русских частных актов: В. И. Веретенников и М. Н. Смирнов обратили внимание на некоторые методы их исследования, Г. М. Котляров остановился на рядных-сговорных записях, М. Ф. Злотников – на кортомных, А. И. Андреев и А. А. Шилов – на отступных и поступных, Н. И. Сидоров – на складных записях, В. Н. Кун – на мирских отписях; кроме того, М. Ф. Злотников дал очерк института «площадных подъячих» в Московской Руси.¹³² По словам одного из рецензентов этого сборника, далеко не расположенного благосклонно судить о той научной школе, из которой он вышел, все же содержит «ценные вещи» и может быть весьма полезен для той части дипломатики, которая названа выше документальным построением частных актов, скорее, впрочем, с точки зрения их анализа, чем их синтеза.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

Документальное источниковедение частных актов

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Интерпретация частных актов

Вообще, интерпретация акта стремится установить то значение, какое составитель акта хотел придать ему. Значение акта, действительно, нуждается в некоторой интерпретации хотя бы ввиду того, что он, подобно всякому другому памятнику письменности, есть источник обозначающий, а не изображающий. В таком смысле чтение акта есть уже его интерпретация: ведь чувственное восприятие акта, в сущности, сводится к чувственному восприятию письменных знаков, которые сами подлежат истолкованию, обуславливающему чтение его текста. Между тем, для того, чтобы правильно прочесть текст, в особенности более или менее древний, нужно обладать кое-какими сведениями по палеографии.¹³³

Прежде всего нужно иметь достаточно ясное представление о том, какие именно буквы надлежит разуметь под теми начертаниями, которые стоят в подлинном рукописном тексте. Известный текст из договора Святослава с греками, сохранившийся в списках читается так:

«и хочю имети мир и свершену любовь с всяким и великим царем Грецьким».

Позднейший ученый обратил внимание на то, что невразумительное чтение «с всяким и великим царем Грецьким» могло быть результатом небрежного прочтения глаголицы: вместо «с Иваном великим царем Грецьким» летописец прочел «с всяким и вели-

ким царем Грецьким», смешав несколько сходных в глаголическом алфавите букв.¹³⁴

В случае беглого чтения текста, происходящего при снятии копий, механическое исполнение такой работы ослабляет внимание и вовлекает в погрешности; вот почему снятая копия, по ее исполнению, всегда должна быть проверена по оригиналу, прежде чем служить материалом для дальнейшей научной работы. При печатании, вероятно, по такой непроверенной копии одного из изданий Археографической Комиссии ученый редактор допустил, например, чтение «монастырского яму» вместо «татарского яму» и т. п. Сокращения слов, часто встречающиеся в наших старинных рукописях под титлами, а также надстрочные буквы и т. п. требуют истолкования, прежде чем подвергнуться раскрытию, введению в строку и т. п. К сожалению, мы до сих пор не имеем «лексикона аббревиатур» вроде тех, которые существуют в западноевропейской литературе;¹³⁵ а потому раскрытие титла остается у нас довольно произвольным и может вводить в недоразумения, по крайней мере, относительно языка подлинника, а иногда и его смысла. Написание $\dot{a}$, $\dot{v}$, $\dot{m}$, $\dot{c}$ раскрываются, например, в виде: алтын, 2 деньги, монастырь, схимник и т. д. Правильное раскрытие титла возможно лишь после внимательного изучения языка подлинника, в частности, способа написания данного слова: если, например, оно встречается в рукописи и в раскрытом виде, причем способ его написания устойчив, то, разумеется, и раскрытие титла производится по способу принятого в ней написания того же слова; если, напротив, способ его написания колеблется, то, в зависимости от степени его колебаний, приходится выбирать между старинным или современным правописанием; на основании соображений подобного рода, применяемых и к введению в строку надстрочных букв и т. п., слово «ца'ский» может быть раскрыто или в виде «царьский» или в виде «царский», смотря по тем данным, какими читатель располагает.

Интерпретация текста не ограничивается правильным чтением текста: она должна установить правильное понимание прочитанного. Правильное понимание общего смысла текста зависит от правильной квалификации его разновидности, основанной, по возможности, на подлинном источнике. В «Актах Юридических» напечатан, например, следующий подлинный акт:

«195 июля в 12 день, на Угличе, в съезжей избе, перед столником и воеводою перед Матвеем Семеновичем Супоневым волной человек Пронка Полуехтов сказал: в прошлых годах отец мой и мать служили в кабалном в холопстве у Андрея Титовича Сукина; и старой мой помещик умре, Андрей Титович Сукин, ныне я, Пронка, с женою своею Марьецею Кузминою дочерью бьем челом в кабалное холопство ему ж Андрею Андреевичу Сукину и служилую кабалу на себя с женою даем волею своею; то моя и сказка. А сказку писал Углецкие площади подъячей Сергушка Микифоров». Далее следует собственноручная, по велению вольного человека Проньки Полуехтова, подпись Федора Сысоева.¹³⁶

Редактор признал вышеприведенный акт «служилой кабалой»; но сам он называет себя «сказкой» и не вполне соответствует формуляру служилой кабалы позднейшего типа: его действительно должно признать «сказкой», «сказанной» Пронькой Полуехтовым перед воеводой, а не служилой кабалой, писанной на имя его господина Андрея Андреевича Сукина. В том же сборнике появилось несколько актов, которые были озаглавлены редактором «порядные зарубежных выходцев», но сами себя называют «ссудными записями»; редактор не счел нужным остановиться на интерпретации подлинной терминологии актов, и таким образом под наименованием «порядных» скрыл особую разновидность актов – ссудных записей, существенно отличающихся от порядных моментом займа, а не найма имущества; благодаря такой погрешности последующие ученые долгое время рассуждали

об одних только порядных во крестьянство, игнорируя «ссудные».¹³⁷

Правильное понимание прочитанного зависит от надлежащего расчленения речи: в древнейших наших грамотах, писанных церковно-славянскими буквами, слова сливались друг с другом; расчленение их требует некоторого внимания; да и при чтении позднейших возможны ошибки. Один из наших ученых (Карпов) прочел, например, «и на коне учини» вместо «инако не учини» и, таким образом, неправильно расчленив речь подлинника, исказил его смысл.

Общий смысл текста устанавливается (мысленно или в действительности, при его издании) также при помощи правильной расстановки знаков препинания. В наших грамотах, например, речь часто перемежается союзом «а»; читатель, следующий современному употреблению этого союза, не склонен начинать с него какой-либо новый период или самостоятельное предложение; между тем, в старинной речи он часто играл такую именно роль для обозначения отдельных клаузул акта; смешивая новое употребление союза «а» со старым, современный исследователь легко может поставить запятую там, где следует поставить точку, и таким образом соединять две разные клаузулы в одну, — что дает ложное представление и о степени отдельности тех понятий, которые соответственно входят в их состав. Клаузулы грамот по возможности отделяются друг от друга точками, например, в следующих случаях: а) в публичных грамотах: в жалованной — разного характера льготы; самостоятельные, значительные по объему части челобитной; мотивы челобитной и содержание просьбы; в сотной — самостоятельные части описываемых владений, деревни, итог перечня деревень, дворов и т. п.; указание на количество и порядок платежа повинностей и т. п. {Напр. — А. А.}:

«И нам бы их... пожаловати... давати суд и управа. И будет так...»

«А наместнича и волостелина двора не делают. А

кто з древа убьетца... А кому будет чего искати... А ратные люди и проезжие...»

«Да в Неноксе ж на берегу анбар. Да их же треть реки Сюзмы и з санными покосы. Да на Уне на посаде два места дворовых».

б) в частных грамотах: наименование лиц и предмета сделки; наименование меж, если оно имеет самостоятельное значение; в купчей – обозначение цены продаваемого или покупаемого, – в меновой или дельной – подробное определение предмета сделки, следующее за его наименованием и выраженное самостоятельным предложением; в данной – указание на особые условия вклада: навеки, на поминание, на дожитие и т. п.; в закладной – срок зклада, если он обозначен самостоятельным предложением, и условие о неустойке; в меновой – указание на придачу; в отступной – мотивы «отступления»; обязательство об «очищении» предмета сделки; указание на сябров в варнице и т. п. {Напр. – А. А.}:

«А взяла есми на том дворе шесть рублей...»

«А продала есми в дернь без выкупа. А стоит тот двор в межах...»

«А взял есми рубль денег. А продал в дернь без выкупа. А в очищеньи и в снимки яз Яков своими денгами».

«А в межах та варница по верхнюю сторону... А взяли на тои полуварнице...»

«А в сябрех со Стефаном с Лукиным и с-ынными сябры. А дали есмя на поминанье».

Кроме установления общего смысла текста, он требует иногда истолкования в отдельных своих выражениях, и не только тех, которые явно оказываются непонятными, но и тех, которые кажутся понятными.¹³⁸

Духовная Ивана Калиты 1328 года {начинается так – А. А.}: «Се аз грешный худый раб Божий Иван пишу душевную грамоту, ида в Орду». Здесь «раб» означает безусловно покорный чьей-либо воле (*И. Срезневский*. III, 6). Духовная пишется по воле князя, но условия, при которых она пишется, от него не зависят, а ее

действие наступит по воле Божьей, которой завещатель всецело покоряется.

Прежде всего нужно установить точный смысл текста. Одни и те же слова имели разное значение в древности и теперь: например, слова «продал» или «купил» и т. п., — или могут иметь не то значение, которое читатель склонен приписать им сначала; например, предлог «на» в посильных: «на посилье» значит «вместо посилья» — отсюда понятно, что такое выражение встречается в актах, составленных от лица покупателя:

«Се яз Онтуфеи Нестеров сн купил есми у Гриди у Григорьева сна у Бобошина пожню Кобылин на реке на Лосте, а дал есми на посиле пят рублей, а межа той пожне: от Тимофеевы пожни верхней конец от леса по враг да по ивовои куст да вниз по реке по Лосте да по обе сторон Девочи курьи. А на то мужи: соцкой Тимофей Огдокимов сн Курдумова да Парфенеи Есипов сн Тетрямов да Олексеи Павлов. А посилную писал Сашко Никитин сн Задорин». ¹³⁹

В интерпретации нуждаются также имена собственные: географические и личные. Одна из древнейших Двинских грамот, например, укрепляет сделку купли-продажи, совершенную между Григорием Ивановым и Григорием, Федотом и Воляшом, игуменными детьми, на землю «Заозерскую»; в позднейших грамотах имеются указания на аналогичные сделки, объектом которых служило село на Лукине берегу «за озером»; путем историко-географического исследования удалось установить тождество «Заозерской земли» с «селом на Лукине берегу за озером», что дает возможность следить за последующей ее судьбой, т. е. за историей данного земельного участка. ¹⁴⁰ В другой купчей, также древнейшей, на землю в селе Заозерском контрагентами сделки являются: Николаевский Чухченемский монастырь и другое лицо, названное Павлом Туфановым сыном; в одной из последующих купчих половину поля и прочее Григория Ивановича покупает Павел Труфанович; сопоставляя

оба текста, можно прийти к заключению, что Павел Туфанов сын и Павел Труфанович одно и то же лицо; такое заключение, в свою очередь, приводит к заключению, что Павел Трифонович скупал некоторые земли и т. п.¹⁴¹ При интерпретации известной «рядной Тешаты» имя одной из сторон толкуется различно: одни понимают под «Тешатой» мужчину, другие (едва ли, впрочем, основательно) – женщину, что существенно меняет понимание всей сделки.

В некоторых случаях интерпретация акта значительно осложняется неясностью всей его редакции: «рядная» Тешаты породила, например, целый ряд попыток ее интерпретации. К. А. Неволин усматривал в ней мировую запись; И. И. Срезневский пришел к заключению, что она есть рядная (сговорная) запись, а В. К. Трутовский, несогласный с выводами своих предшественников, решился признать Тешату – вдовой и готов отнести «ее рядную» «к разряду мировых актов», т. е. в измененном виде вернулся к определению К. А. Неволина, а не И. И. Срезневского, нашедшего, между тем, решительную поддержку в лице М. Ф. Владимирского-Буданова.¹⁴² Возможно, однако, что ни одно из вышеназванных мнений не дает достаточно ясного понимания «рядной Тешаты»: в данном случае толкование ее выходит за пределы интерпретации акта как явления и переходит к истолкованию самой юридической сделки, лежавшей в его основе.

Интерпретация акта может оказаться более затруднительной в том случае, если мы имеем дело с неполным его текстом, внесенным, положим, в какую-либо записную книгу крепостей в пересказе. В числе актов, предъявленных дьяку Д. Алябьеву, была, например, «запись» Осипа Игнатьева, который бил челом в службу Борису Вельяшеву «по его живот»; на основании одного только пересказа ее содержания несколько затруднительно точно определить ее разновидность, хотя и можно думать, что она принадлежала к тому виду записей, о которых говорит Уложение в статье, основанной на указе 1642 г.¹⁴³

ГЛАВА ВТОРАЯ

Критика актов, преимущественно частных

Вообще, критика устанавливает научную ценность источника для построения исторической действительности, т. е. выясняет, в какой мере на основании сообщаемых им данных можно судить о том, что факт, познаваемый через его посредство, произошел в действительности. Следует иметь в виду, однако, что источник может иметь научно-историческую ценность в двояком смысле: в качестве исторического факта или в качестве показания об историческом факте. С такой точки зрения, можно различать и два рода критики: критику, устанавливающую научно-историческую ценность источника как факта, и критику, устанавливающую научно-историческую ценность показаний источника о факте.

В самом деле, нельзя пользоваться данным источником для исторических целей, не выяснив, действительно ли он есть тот самый исторический факт, каковым он представляется наблюдателю. Для того, однако, чтобы иметь основание утверждать нечто подобное, надо быть уверенным в том, что источник действительно возник и сохранился в том именно виде, в каком он представляется историку, а для достижения такой уверенности последний и обращается к критическому рассмотрению источника как факта: он выясняет, действительно ли данный источник существует или не существует в качестве такового, т. е. оказывается ли он подлинным или неподлинным; действительно ли он возник в такое-то время и в таком-то месте, благодаря такому-то составителю (в широком или узком смысле слова), что и дает возможность признать его подлинным, или же он принадлежит не тому составителю, которому, казалось, он мог быть приписан, и должен быть признан неподлинным, т. е. копией или более или менее искусной подделкой и т. п.

Впрочем, не всякий подлинный источник может служить для восстановления исторической действительности: для того, чтобы признать факт, сведения о котором почерпаются из показаний источника, действительно бывшим, историк должен подвергнуть критике не только самый факт существования этого источника, но и его показания о том факте, который его интересует. Лишь в той мере, в какой показания источника отличаются достоверностью, он может служить для познания исторической действительности: пользуясь достоверными показаниями и отбрасывая недостоверные, историк может построить действительно бывший исторический факт.¹⁴⁴

Легко заметить, что из указанных выше двух видов критики, в сущности, лишь та из них, которая занимается установлением научно-исторической ценности источника как факта, т. е. выясняет его подлинность или неподлинность, прилагается к остаткам культуры: ведь если подлинность или неподлинность остатка культуры в качестве такового доказана, то и задача его критики, в сущности, исчерпана. В самом деле, между существованием одного и того же факта и его несуществованием нет и не может быть посредствующих степеней; но остаток культуры или есть остаток некоего факта, имеющего значение более крупное, чем его собственное, и в таком смысле тоже факт, или не есть его остаток и в таком смысле не может быть этим фактом; значит, если подлинность или неподлинность данного остатка культуры доказана, достоверность или недостоверность его в качестве остатка культуры не подлежит дальнейшему обсуждению.

Впрочем, следует иметь в виду, что вышеуказанное ограничение относится лишь к тем остаткам культуры, которые строго подходят под чистое понятие о них, а не к тем реально данным продуктам, которые часто обнаруживают смешанные признаки и остатка культуры, и исторического предания; реально данный источник, будучи преимущественно остатком

культуры, может, однако, содержать показания о факте: старинные документы могут заключать в себе показания, даже заимствованные из исторических преданий, и с такой точки зрения, разумеется, подлежат такой же критике, какая применяется и к показаниям, сохранившимся в исторических преданиях.¹⁴⁵

Итак, при изложении критики актов, преимущественно частных, нам придется остановиться, главным образом, на установлении их подлинности или неподлинности, а также видов и степеней её. Вообще, опираясь на понятие о единстве сознания, проявляющемся в данном источнике, и о его соответствии с данной культурой и индивидуальностью, породившей его, можно различать подлинный акт от неподлинного по его внешним и по его внутренним признакам.¹⁴⁶

В числе *внешних* признаков, по которым можно судить о возрасте рукописи, отметим, главным образом, материал и почерк.

1. Материалом для писания древнейших актов служили дерево или, пожалуй, металл; из них могли выделывать «доски», изредка упоминаемые в старейших наших источниках (см. выше). Известные нам древнейшие грамоты наши с XII до второй половины XIV столетия все писаны, однако, на пергаменте; большинство наших грамот, в том числе и частных актов XV столетия, также пергаминные. Таковы, например, грамота великого князя Мстислава Володимировича и сына его Всеволода Мстиславовича Новгородскому Юрьеву монастырю 1130 года (в Юрьеве монастыре); вкладная грамота Варлаама Хутынского монастырю, писанная после 1192 года (в Хутынском монастыре) и т. п.¹⁴⁷ С XV столетия уже встречаются грамоты, писанные на бумаге, которая в следующем веке постепенно вытесняет пергамент и получают почти исключительное господство с XVI столетия: древнейшим актом, писанным на бумаге и уже весьма поврежденным временем, признают договорную грамоту великого князя Семена Ивановича с братьями Иваном и

Андреем 1341 года (в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных дел).¹⁴⁸

Таким образом, материал, на котором писан акт, может указывать и на более или менее древнее его происхождение. Вывод подобного рода нуждается, однако, в существенных оговорках. 1) Нормальные хронологические пределы, устанавливаемые на основании этого признака, широки, например, для пергамина XII–XV столетия; притом пергаминальные грамоты, например, двинские, которые ранее относились к XIV столетию, почти все относятся теперь к XV столетию на основании целого ряда других более точных признаков.¹⁴⁹ 2) Приблизительное установление таких хронологических пределов, разумеется, нисколько не исключает возможности писания грамот на соответствующем им материале и вне таковых; например, некоторые дела, писанные на бересте в Сибири, относятся к 1776 году,¹⁵⁰ некоторые грамоты, писанные на пергамене, относятся к XVI и XVII векам, не говоря о позднейших торжественных дипломах, и т. п. 3) Поддельные грамоты, при мало-мальски искусной фальсификации, писались на материале, соответствующем времени, к которому хотели отнести их; можно было подобрать пергамин или специально нужную для подделки бумагу и т. п.

Более специфическим признаком для определения возраста бумаги являются водяные знаки. Старейшие из наших бумажных грамот писаны на итальянской бумаге, которая с середины XV века начинает постепенно вытесняться французской, а в следующем столетии также польской и немецкой; еще позднее, а именно со второй половины XVII столетия, все более распространяется голландская бумага и т. д.; бумага «Московского дела» уже упоминается под 1662 годом. Соответственно указанным родам бумаги, по месту ее происхождения и фабрикам, производившим ее, она снабжалась различными водяными знаками, причем один и тот же знак постепенно изменялся, что и дает возможность по формам бумажных водя-

ных знаков приблизительно судить о возрасте бумаги, а значит, и о времени написания грамоты, если она не датирована: документы, писанные на бумаге со знаком «кувшинчика», судя по датированным рукописям, относят, например, ко второй половине XVI и к началу XVII века.¹⁵¹

Следует иметь в виду, однако, 1) что заграничная бумага, ввозимая в Московское государство, могла запаздывать и что, значит, бумажные знаки могут служить в таких случаях для установления *terminus a quo*, 2) что находившаяся в Московском государстве бумага, в особенности запасная, могла служить и для позднейшего времени: в «Польских» столбцах Посольского приказа, хранимых в Главном Архиве Министерства Иностранных Дел в Москве, имеются, например, документы от 1579 года со знаком «1568»; один из опытных наших палеографов обратил внимание на то, что эти документы представляют черняки и копии Посольского приказа, писанные на остатках, может быть, старой бумаги, 3) что поддельные акты, в особенности старейшие, могли писаться и на бумаге, соответствовавшей времени мнимой грамоты.

2. Почерк грамоты также дает возможность судить о ее подлинности с точки зрения принадлежности ее данному историческому периоду, а иногда и данному лицу, причем такой признак может послужить основанием для более точных выводов, чем материал. Пергаминальные грамоты XII–XV веков, например, писаны полууставом, но последний оказывается различным для разных веков: некоторые из двинских грамот, например, закладная Власия Степановича Николаевскому Чухченемскому монастырю относится к XV веку на том основании, что писана полууставом, характерным для этого века и т. п.¹⁵² Опытный палеограф легко может различить почерки не только XVI, XVII, XVIII и XIX веков, но и почерки первой и второй их половины и т. п. Следует заметить, однако, 1) что почерки более отдаленных, глухих мест дольше сохраняли свой архаический характер, чем почер-

ки более крупных центров, 2) что почерки официальных актов, исходивших из организованных Московских канцелярий, вообще отличались более определенными формами, чем частные акты, в особенности те, которые писаны домашним порядком, и что, следовательно, возрасты почерков, употреблявшихся в Московских приказах, поддаются более точным определениям, чем возрасты почерков частных лиц, в гораздо большей мере допускавших, разумеется, индивидуальные уклонения.

Впрочем, частные акты в таких случаях могли быть «своеручными», что, в свою очередь, служит некоторым доводом их подлинности. В духовной служилого человека Петра Молечкина 1524 года, например, значит: «А сю духовную грамоту писал яз Петр Матфеев сын Малечкина, при своем животе, своею рукою» и т. п. В данной Парфения Мотовилова с сыном Матвеем Троице-Сергиеву монастырю на землю на острове Солоткове мы читаем: «А данную писал яз сам Матюшка на отца своего и на свою землю сам своею рукою лета 7125-го Февраля в»...¹⁵³

В числе *внутренних* признаков, по которым можно судить о подлинности или неподлинности грамоты, укажем, главным образом, на ее формуляр и содержание.

1. Формуляр грамоты, более или менее тесно связанный с ее содержанием, требовал соблюдения некоторых правил ее составления, включения в ее состав известных формул в известной последовательности и т. п.; нарушение таких правил дает, значит, основание заподозрить ее подлинность или признать ее неподлинной. Хотя формуляры наших старейших частных актов далеко еще не вполне выработались, однако они дают иногда возможность, опираясь на них, дать более правильную его оценку: дельную грамоту двух братьев, князей Андрея и Юрья Федоровичей, из Коллежского собрания долгое время относили ко времени «около 1380 года», пока новейший исследователь, знакомый с формуляром дельных XV века, не

причислил ее к тому же веку, что и признается в настоящее время более близким к истине.¹⁵⁴

2. Содержание грамоты также дает иногда материал для суждения о ее подлинности: стороны и самый характер юридической сделки, связанные с ней бытовые подробности, указания на послухов, если они известны по другим более точным данным, и т. п. могут служить для такой цели. Древнейшие купчие Двинского Михайло-Архангельского монастыря определяются, например, благодаря подобного рода соображениям: в них упоминается игумен Лука, которому новгородский архиепископ Иоанн выдал благословенную грамоту; игумен Лука был, значит, современником архиепископа Иоанна (1388–1414 годы) и, следовательно, жил в конце XIV и начале XV веков, что и указывает на время составления вышеупомянутых купчих. Кроме того, на основании других грамот того же Михайло-Архангельского монастыря можно доказать, что за Лукою следовали в звании игуменов Иван, Адриан и Акакий, что дает возможность соответственно разместить грамоты, в которых они фигурируют. Возьмем другой пример. Чуть ли не единственная двинская грамота, которая признается старше XV века, – купчая Филиппа Григорьевича у Мефодия и Семена Яковлевых – относится ко времени до 1393 года на основании следующих соображений: следует заметить прежде всего, что купчая Филиппа Григорьевича находится в связи с вкладной его вдовы Марфы на ту же землю, пожертвованную ею храму св. Николая в Корельском, вокруг которого и образовался Николаевский Корельский монастырь. Отсюда естественно заключить, что купчая Филиппа Григорьевича старше вкладной вдовы его Марфы (I). Между тем, вкладная вдовы Марфы содержит два указания, дающие возможность точнее определить время ее написания, а именно: а) на игумена Василия Святого Спаса, выступившего в роли послуха вкладной, и б) на то, что земля жертвуется храму св. Николая в Корельском, а не Николаевскому Корельскому монас-

тырю. Игумен Василий Святого Спаса, судя по отписи, взятой Спасо-Хутынским монастырем у посадника Ивана Даниловича, был современником Новгородского архиепископа Иоанна (1388–1414 годы). Храм св. Николая в Корельском превратился в Николаевский Корельский монастырь, упоминаемый в Новгородской I летописи под 1419 годом. Итак, вкладная Марфы писана до 1419 года (II). Сравнивая же выводы (I) и (II), можно сказать, что купчая Филиппа Григорьевича составлена раньше 1419 года (III). В свою очередь, вкладная Марфы, вдовы Филиппа Григорьевича, находится в связи с духовной Остафья Своеземцова, писанной, судя по позднему списку с нее, в 6901 (1393) году; эта связь обнаруживается: а) в том, что здесь при перечислении должников упоминается Марфа, теща Варфоломеева, вероятно, тождественная с Марфой вкладной, где речь идет, между прочим, и о зяте ее Варфоломее Васильевиче, б) в том, что в только что приведенном тексте упоминается и Варфоломей (Васильевич), бывший послухом при совершении купчей Филиппа Григорьевича и упоминаемый в числе душеприказчиков в вкладной вдовы Марфы. На основании вышеуказанных сопоставлений, а также того обстоятельства, что в духовной Остафья Своеземцова 1393 (?) года упоминается одна только «Марфа, Охромеева теща», а не муж ее Филипп Григорьевич, можно предполагать, что Филипп Григорьевич уже скончался до написания духовной Остафия Своеземцова, т. е. до 1393 года (IV), и что, значит, его купчая относится ко времени до 1393 года (V).¹⁵⁵

В зависимости от вышеуказанного различия между актами с осведомительным и актами с удостоверительным характером, получившим особенное применение к частным актам, признаки их подлинности также различны. Частные акты с осведомительным характером в качестве таковых могут быть вовсе лишены тех знаков удостоверения, которыми акты с удостоверительным характером должны быть снабжены. Такой недостаток «памятей» (в узком смысле) отчасти

ослабляется тем обстоятельством, что они, сами по себе, представлялись гораздо менее выгодными для подделки, чем акты с удостоверительным характером, а потому и вызывают меньше подозрений, чем последние.

Знаки удостоверения грамот могли быть частными и публичными. Знаки частного удостоверения состояли: 1) в приложении какого-либо знака, большею частью печати или, позднее, подписи совершителей акта, 2) в свидетельстве, позднее, рукоприкладстве послухов, 3) в указании на составителя-писца грамоты, т. е. на канцелярию, 4) во внесении акта в картулярый, иногда засвидетельствованный правительственной властью, что уже приводило к публичному удостоверению.

В древнейшее время «рукоприкладство» совершителей акта могло иметь буквальное значение. «Как писать [в древности — *А. Л.-Д.*] мало умели, — заметил один из наших старинных историков, — то для утверждения [акта — *А. Л.-Д.*], намарав всю ладонь чернилами, тонко к бумаге прикладывали, где все сгибы руки означатся. Таковы мне два письма из Чердынской архивы, одно на коже, другое на бумаге, для показания привозили».¹⁵⁶

В древнейших двинских грамотах, писанных на пергамене, XV века, встречаются иногда знаки в виде крестов, крестообразно расположенных точек, острых углов и более или менее фантастических фигур, вероятно, заменявших подписи совершителей актов.¹⁵⁷ Впрочем, в то время приложение печати уже получило широкое распространение.

Вышеприведенная группировка знаков удостоверения может подучить несколько иной вид, если рассмотреть прежде всего тот из них, который состоял в приложении печати: оно могло иметь частное и публичное значение. Заметим, прежде всего, что печати долгое время заменяли собою подписи соответствующих лиц и лишь в позднейшее время стали служить для простого запечатания грамот: еще Посошков, рассуждая о правосудии, писал, что судья при допросе

свидетеля, показания которого записываются подьячим, должен поступать следующим образом: «и буде грамоты кто умеет, то руку бы приложил; а буде кой не умеет, то печать бы свою приложил, чтоб последи спорить не стал». ¹⁵⁸

Вообще, печати употреблялись у нас, как и на западе, в двух видах: а) в виде особых знаков, специально приспособленных для удостоверения письменных документов; б) в виде перстней с каким-нибудь резным камнем и т. п., служившим, в качестве своего рода «secretum», для удостоверения письменных документов. Указания на такие разновидности печатей, разумеется, имевшихся у царя и патриарха, ¹⁵⁹ встречаются в наших старинных памятниках и относительно частных лиц. В «рописи Савина монастыря черного священника Меркурия Киевленина рухледи его келейной, что он положил на сбережение в скрынки у певчего у Якова Борзаковского да у разночего Антона Алексеева», между прочим, значится: «печать серебряная; цена 13 алтын 2 денги...». ¹⁶⁰ В описи имущества, оставшегося после князя Дмитрия Ивановича Шуйского, 1612 года, мы читаем: «да после князя Дмитрея ж осталось: перстень с чернью золт, а в нем яхонт лазорев, резана печать, а кругом его поставлены яхонты червчаты да олмазы... да перстень золот, с чернью, а в нем печать железная, а в печати врезывано золото... да перстень медян, а в него вставлена перелефть, а на перелефти резана печать...». ¹⁶¹ В несколько позднее время такие перстни стали привозить из-за границы в большом количестве: в 1671 г., например, в Архангельске вместе с другими немецкими товарами были привезены «64 штуки перстней с печатью с сапфирами»; через два года в Архангельск прибыло несколько кораблей с голландскими товарами, в том числе: «451 штука камней к перстням с печатями» и т. п. ¹⁶² В качестве знака частного удостоверения грамоты печати издавна прикладывались, судя по сохранившимся указаниям, из черного или желтого воска. ¹⁶³

Купчая Кириллова монастыря игумена Филофея, 1469 г., содержит, между прочим, следующую клаузулу: «А запечатал сию грамоту яз Олешка Микитин [продавец – А. Л. Д.] своею печатью». Запись, данная митрополиту Феодосию Гридею Карауловым (названным в тексте Черемисиным Карауловым) и Иваном Кожиным, о неосвоении озер, пожалованных им митрополитом для рыбной ловли, 1461–1464 годов, заканчивается следующими словами: «А запечатал сию грамоту яз Гридка Черемисин одною своею печатью» и т. д. Во вкладной старца Арсения Кириллову монастырю, 1435–1447 годов, он пишет: «А запечатал есмь печатью отца своего господина игумена Трифона». ¹⁶⁴ Следует иметь в виду, однако, что далеко не все акты, даже крепостные, снабжены печатями, о чем они иногда сами упоминают; в купчей Кириллова монастыря игумена Кассиана, 1448–1468 годов, сказано: «а грамота без печати». ¹⁶⁵ В актах XVI–XVII веков печати совершителей обыкновенно уже заменяются их подписями, что, впрочем, не всегда бывало. Указ 1628 года ноября 17, в сущности, уже требует, чтобы всякая крепость была подписана тем, кто дает ее, или, за его безграмотностью, его отцом духовным. В росписи со статейного списка, присланного из Челобитенного приказа в Земский приказ, мы читаем: «...которые люди учнут заимывать в кабалу деньги, а в тех деньгах учнут дворы и лавки закладывать или учнут кто меж себя какие записи или иные какие крепости в иных каких делех учнут меж себя писать, а грамоте не умеют, и к тем кабалам и ко всяким крепостям в их место отцем-ли их духовным, или сторонним людям велеть в их место руки прикладывать? По той статье государи указали: кто не умеет грамоте, и в их место руки прикладывать отцем их духовным; а будет у кого отца духовного близко нет, или с отцем духовным вражда, и в их место руки прикладывать роду их ближнему, братье родным или племянником». ¹⁶⁶

В древнейших грамотах до середины XV столе-

тия послухи обыкновенно лишь упоминаются в качестве свидетелей сделки, а не совершения самого акта, что и отражается в формуле — «а на то послуси»; и только начиная со второй половины XV, главным же образом с XVI века, грамоты обыкновенно снабжены печатями и, быть может, позднее — рукоприкладствами послухов. При «запечатании» грамоты послухи ограничивались иногда (?) одной общей для всех печатью. В духовной Патрикея Троицкому Сергиеву монастырю 1391–1428 годов мы читаем, например: «А запечатали есмь вси послуси одною печатью хресцем».¹⁶⁷ В некоторых случаях послухи довольствовались печатью отца духовного или даже каким-либо другим знаком, например, духовная Александра Белеутова 1472 года заканчивается словами: «А запечатали есмя сию духовную все одною печатью отца его духовнаго игумена Андроника»; духовная Степана Лазарева 1473 года включает следующее указание: «А запечатали есмя духовную поп и мужи все и дьяк денгою Ноугороцкою» и т. п.¹⁶⁸

Указания на того, кто писал грамоту, если он не был должностным лицом (а только грамотным и знающим формы составления актов), можно также признать способом частного их удостоверения, например: «А подлинную харатеиную купную грамоту писал дьякъ онанья істома», «А грамоту писал Григорей дьякъ стаго спаса» и т. п.¹⁶⁹ Подписи писца не требовалось, ибо он сам писал грамоту и, в сущности, значит, в вышеприведенной формуле снабжал ее своей подписью.

Наконец, знаком частного удостоверения можно отчасти признать еще внесение акта в картуларий, т. е. в частную записную книгу крепостных актов, которая обыкновенно велась крупными владельцами: духовными и светскими лицами. Хотя в такие книги могли попадать и неподлинные акты, однако ввиду того юридического значения, какое приписывали таким книгам, и даже засвидетельствования их, кроме самих владельцев или их уполномоченных, органами

правительственной власти, можно думать, что акт, внесенный в нее, обыкновенно рассматривался как достоверный.¹⁷⁰

Знаки публичного удостоверения состояли: 1) в приложении печати должностного лица или присутственного места; 2) в писании крепостей площадными подъячими; 3) в докладе органам правительственной власти; 4) во внесении текста грамоты в записные книги крепостей, которые велись в соответственных присутственных местах.

1. Печать употреблялась и в качестве знаков для публичного удостоверения грамоты. В двинских грамотах, например, часто отмечается, что при совершении акта у печати, привешиваемой должностным лицом к грамоте, стоял такой-то; при заключении купчих у печати находился обыкновенно продавец или реже доверитель; например: «А оу печати стоял Гаврила»; или «...а въ печати стоял Шртемъ сам»; или «оу печати стоал Роман во отеча своего место Онцифора»; или «а оу печати велели стоати нефедьевы дети [такие-то – А. Л.-Д.] оу свое место Фефилату Федоровичю».¹⁷¹ При двинских грамотах такие печати бывали обыкновенно свинцовыми вислыми, обыкновенно на нитяных шнурках. В позднейшее время указом 1676 года октября 22 велено было прилагать в Земском Приказе к данным и всяким крепостям государеву, а не судейскую печать.¹⁷² С начала же 1699 года, когда вышел указ 23 января, приложение печатей должностных лиц окончательно заменилось введением в употребление гербовой бумаги, уже снабженной государственной печатью.¹⁷³

2. С течением времени публичное удостоверение акта стало обнаруживаться и в том, что он писался органом, уполномоченным на то правительственной властью. С середины XVI столетия встречаются указания на «площадных подъячих», которые и стали играть такую роль при писании актов. В деле С. В. Стромилова с И. М. Чертовым 1565–1566 годов, например, упоминается площадной подъячий Палка Бело-

зерец;¹⁷⁴ так как к тому времени он уже просидел в тюрьме девятнадцать лет, то и можно заключить, что площадным подьячим он был уже в середине сороковых годов XVI столетия. В истории института площадных подьячих надо различать время до Уложения и после Уложения. До Уложения площадные подьячие писали акты еще наряду с другими учреждениями и лицами. Со времени Уложения площадным подьячим было официально поручено совершение важнейших актов, что и придало им значение своего рода нотариусов, удостоверивших их.

Уложение, действительно, поручает исполнение такой функции площадным подьячим. «А которые люди учнут у кого заимовати в кабалы денег, или иного чего нибудь, или кто кому учнет давати на себя записи, или иные какие-нибудь крепости в больших делах, и им заемный кабалы, и всякая крепости велеть писать на себя и в послуех писатися на Москве и в городах площадным подьячим; а писати послухов в крепостях на Москве и в городех, в больших делех человек по пяти и по шти, а не в больших делех человека по два и по три, а меньше дву человек в послуех ни в каких крепостях не писати, и давати такие заемные кабалы, и всякая крепости на себя за своими руками. А которая грамоте не умеют, и им велети в свое место к тем кабалам, и ко всяким крепостям прикладывать руки отцем своим духовным, или братьям своим родным, или дядьям, или племяннико, или кому они в том верят. А мимо площадных подьячих и без послухов никому ни на кого крепостей не писати. А будет кто у кого заняв денег, или иного чего, заемную память напишет на себя сам своею рукою, или ту память велит на себя написати человеку своему, а сам к той памяти руку приложит, и таким заемным памятем верити, и суд по них давати.

А будет кому нибудь лучится у кого заняти денег рублев пять, или шесть, или десять, или хлеба, или иного чего нибудь, против тоя цены в селе, или в деревне, или кто какое угодье в наем отдаст против

тоя же цены, а грамоте он умеет, и крепость на себя сам напишет, или кому велит написать, а сам руку приложит, хотя и без послухов, и таким крепостям по тому же верить и суд по них давати. А которые люди в селех и в деревнях грамоте не умеют, и им в таких не в больших делах велети на себя такая крепости писати иных сел земским, или церковным дьячком, или кому нибудь, и к тем крепостям, велети в свое место прикладывати руки отцем своим духовным, или кому в том они верят сторонним людем. А которые люди такая крепости учнут на кого имати, и им таких крепостей в своих вотчинах и поместьях попом своим и дьячком и людем писати не велеть. А будет у кого такие крепости объявятся, и таким крепостям не верити, по тому что писали те крепости их же сел попы и дьячки. А вотчинные и дворовые купчия и закладныя и даныя и иныя всякия крепости в больших делах всяких чинов людем велети на Москве в городех писати и в послусах писатися на площади площадным подьячим; а в селех и деревнях и по подворьям таких крепостей в больших делах, опричь зговорных свадебных записей и духовных и земных памятей, никому не писати».

Соответственно приведенной статье, Уложение придает актам, писанным площадными подьячими, значение судебных доказательств.

«А будет кто кому дав на себя какую крепость, учнет на того, кому он ту крепость даст, являти и бить челом Государю и сказывати, что на него та крепость взята по неволе, и учнет он в том слатися на сторонних людей по стачке, а писана та крепость на площади, и в послусах у тоя крепости писалися площадные подьячие, и его рука у той крепости есть, а тот, кому он ту крепость на себя даст, и площадные подьячие на очной ставке с ним учнут говорити, что та крепость прямая, а не нарядная, а те люди, на которых тот челобитчик пошлется с ними по стачке, учнут ту крепость называти нарядною же, а после того сыщется допрама, что та крепость прямая, а не на-

рядная, а лживят ее для того, что бы по ней исцова
иску не платити, и тому челобитчику за такое его
ложное челобитье, и тем людем, которые учнут по
нем говорить ложно, с ним по стачке, учинити жесто-
кое наказание, велети их бити кнутом нещадно при
многих людех, что бы им и иным таким впредь непо-
вадно было так делать. Да на них же велети тому, на
кого они такое дело напрасно затеют, доправити бес-
честье, да иск его по крепости сполна, да его же вки-
нути в тюрьму на полгода. А будет кто кому дав на
себя какую крепость нибудь, и учнет ту крепость на
суде лживити, а та крепость за его рукою, и писана
та крепость на площади и в послуех в той крепости
написаны площадные подьячие, а до суда на ту кре-
пость челобитья его и явок не бывало, и таким ответ-
чиком не верить, и велеть на них по таким крепостям
исцовы иски править и отдавать исцом». ¹⁷⁵

Указом 1700 года января 1 велено писать всякие
крепости в Ратуше, а не площадным подьячим, рас-
пределив их между Ратушей и Московской большой
таможней, причем позднейшие указы присоединили
крепостные дела к ведомству городских ратуш; ¹⁷⁶ но
такой порядок был впоследствии отменен. Указ 1701
года января 30 установил новый институт крепост-
ных дел подьячих, причем заведование им было по-
ручено Оружейной палате; новое устройство, отлич-
ное от прежнего, привело к образованию нотариата. ¹⁷⁷

3. Доклад получал некоторое применение к делам
о холопах: принятие на себя должности ключника,
по мнению одного из наших исследователей, проис-
ходило по докладу наместнику; по мнению другого,
докладом назывался акт продажи себя в рабство, со-
вершаемый перед лицом правительственного агента,
который подвергал продающегося допросу о том, дей-
ствительно ли он продает себя в рабство такому-то
лицу и за такую-то цену. ¹⁷⁸ Докладными назывались,
однако, и другие акты; например, докладная грама-
та, в силу которой вольная девка выходит замуж за
холопа, а «по его холопи далась ему в рабы» и т. п. ¹⁷⁹

В числе актов, представленных в Разряд, немало «докладных» купчих, заемных и т. п. Докладная грамота великого князя Рязанского Ивана Васильевича о займе Василием Андреевым сыном с семьей 5 рублей денег у Федора Васильевича начинается словами «Долож вел. князя... боярина... се яз... А на докладе были Юрманьга талмач да Анисим Сухинин сын...». ¹⁸⁰ Судебники разрешают выдачу отпускной холопу и рабе не иначе как с боярского доклада. ¹⁸¹

4. В то же время (XVI–XVII века) крепостные акты, писанные площадными подьячими (по крайней мере, некоторые), подлежали записке в приказах и в съезжих избах в записные книги крепостям, смотря по предмету их ведомства, например, крепости на холопов – в приказе Холопьяго суда, а по городам у воевод и губных старост, обязанных скреплять книги своими подписями; ¹⁸² крепости на вотчины и поместья записывались в Поместном приказе; ¹⁸³ крепости на дворы и дворовые места в Москве в Земском приказе и в приказных избах; ¹⁸⁴ записи на дворцовых тяглых людей на урочные годы в работу – в приказе Большого Дворца; ¹⁸⁵ жилые записи на патриарших, архиерейских и монастырских крестьян – в Монастырском приказе; ¹⁸⁶ крепостные акты, писанные иноземцами, – в Палате крепостных дел ¹⁸⁷ и т. д. В XVIII веке, как указано было выше, такие записные книги велись в Судном приказе, ¹⁸⁸ позднее в Крепостной конторе, ¹⁸⁹ в Юстиц- и Вотчинной Коллегии и в губернских и провинциальных канцеляриях, с 1775 года, по Учреждению о губерниях, – в палатах гражданского суда и уездных судах.

В составе подлинных актов следует различать акты: черновые, беловые, умноженные и возобновленные.

1. Черновые акты могут дать понятие о происхождении данного акта или, по крайней мере, о генезисе его текста. По черновому акту, писанному собственноручно или снабженному собственноручными поправками, можно иногда судить о том лице, от которого он исходил, или о той канцелярии, в которой

он был написан. Черновые акты могут также представлять из себя первоначальную редакцию беловых, в которой мысль иногда высказывается более непринужденно или обнаруживает характерные уклонения. Впрочем, относительно частных актов случаи подобного рода довольно редки. Черновые акты обыкновенно лишены каких-либо знаков удостоверения. В Коллежском собрании двинских грамот сохранилось два акта, представляющие как бы две редакции для выражения одной и той же юридической сделки, причем трудно, однако, решить, какая из них окончательная: в 1619 году августа 13 Матрена Ергина «и в брата своего место» Григория Буторы продала, например, часть пожни Лапанги Николаевскому Моржегорскому монастырю, причем купчая на эту землю имеется в двух видах: текст обеих грамот почти тождественный – отличие состоит лишь в том, что в одной послухами являются два лица: «муж Матрены Худек Иванов да Иван Клементиев Ергина же», – а в другой, кроме того, упомянут третий: «Максим Федоров сын Галашева»; причем первую купчую писал «Никольсково монастыря дячек Елизарко Семенов», а вторую купчую «Венедиктец Иванов Яковлева». ¹⁹⁰

2. Беловые акты обыкновенно содержат окончательную редакцию текста и снабжены, если они оказываются актами с удостоверительным характером, всеми нужными знаками их удостоверения. Впрочем, в беловых актах также встречаются иногда поправки, внесенные даже над строками, другими чернилами, например, в духовной черноризца Артемия на четверть наволока, завещанную им Николаевскому Чухченемскому монастырю, XV-го века и т. п. ¹⁹¹

3. Умноженные акты (удвоенные, утроенные и т. п.). В случае заключения обоюдосторонней сделки каждая из сторон нуждалась в соответствующем акте; он изготовлялся в соответствующем числе экземпляров, каждый из которых имел равное с другими значение, т. е. являлся подлинным; такие акты назывались в старину «противнями». В «записи» о

полюбовном разделе земель между Ферапонтовым монастырем и крестьянами Есюнинской волости, 7038 (1530) года мы читаем: «А су есмя запись, написав, дал [староста и во всех крестьян место – А. Л.-Д.] игумену с братиею Ферапонъту, а у них есмя запись взяли такову-же слово в слово». В «менной» на часть сугреба разсолу в варнице Глубокой в Неноксе с варничным «заводом» и угожьями, променянную Тимофеем Усовым Николаевскому Корельскому монастырю на часть сугреба разсолу в варнице Скоморошиц там же с варничным «заводом» и угожьями, 1622 года, значится: «А теми росолы поменялись мы меж собою по слову и полюбовно, и менные две написали слово в слово и розняли по себе». В дельной Василия Лодыгина, Никиты Шулемина и Никона и Сергея Сидоровых на деревню на Ладине берегу 1627 года встречается следующая клаузула: «да в том мы промеж собою и дельные пописали три по противням и розняли по себе».¹⁹²

В «противнях» допускались, впрочем, те мало-значительные изменения, какие оказывались нужными при писании, например, акта от лица поряжающего или порядчика, покупателя и продавца и т. п. В крестьянских порядных встречаются, например, такие клаузулы: «А записи есмя писали по противням», «да в том есмя меж себя и записи написали по противням и розняли» и т. п. Противни купчих, например, акты рода Монастыревых соответственно начинались словами: «се яз продал», «се яз купил» и т. п.¹⁹³ Такие акты назывались иногда также «грамматами противными»: в переписной книге домово́й казны патриарха Никона, например, значится: «патриарша меновная 165 году, что променил в доме Пречистые Богородицы сельцо Новое с деревнями на деревню Посникову в Московском уезде; меновная противная на деревню Посникову того-ж году».¹⁹⁴

4. Акты возобновленные заменяли собою подлинные: они содержали восстановленные тексты утраченных грамот, надлежащим образом удостоверен-

ные. Такие грамоты, утраченные по случаю ветхости, пожара, вражеского нашествия и т. п., возобновлялись по челобитью заинтересованных лиц после приказного сыска.

Акты, которые нельзя признать на основании вышеприведенных признаков подлинными, оказываются неподлинными. В составе их можно различать акты списанные и поддельные.

1. Акты списанные встречаются или в виде отдельных копий или в целых сборниках. а) Копии с отдельных актов назывались «списками» или «снимками», что и обозначалось в начале грамоты и на обороте ее, например: «список з даной слово в слово» или «снимок з духовной слово в слово», — причем на обороте последней значится: «снять список з духовной» и т. п. Термины «снимок» и «съем», однозначные с термином «список», реже встречаются.¹⁹⁵ Копии могли быть засвидетельствованными или простыми. Купчая Антония Римлянина, писанная, судя по косвенным указаниям, до 1147 г. и вызывающая некоторые сомнения, засвидетельствована царем Иваном Грозным 1573 года августа 15. Духовная Владимира Васильковича (внука Романа Мстиславича), князя Владимирско-Волынского (+ 1289 году), известна лишь в простой копии, занесенной на страницы нашей летописи по Ипатьевскому списку и т. п.¹⁹⁶ О значении некоторых копий можно судить хотя бы по тем актам, которые были представлены в Разряд, в Палату Родословных Дел, после отмены местничества, главным образом, в промежуток времени с 1682 года по 1690 год, и которые сохранились в списках: между ними имеется, например, одна рязанская купчая XIV века, подлинник которой находился в Солотчинском монастыре, «в казне»; к «подлинному ее списку» архимандрит руку приложил; далее купчие и заемные XV века и т. д.¹⁹⁷

В позднейших грамотах, особенно в правых, часто включались тексты старейших актов, предъявленных на суде. В одной правой грамоте Николаевскому

Корельскому монастырю 1571 года, например, внесено несколько частных актов в следующем порядке: 1) отступная; 2) отступная; 3) отступная; 4) данная; 5) порядная; 6) данная; 7) отступная (названная купчей); 8) отступная; 9) отступная, причем вышеуказанная крестьянская порядная – древнейшая из известных. В делах XVIII века, особенно тех, которые касаются землевладения, «почти постоянно встречаются в копиях документы XVI и XVII веков».¹⁹⁸

б) Сборники актов в копиях имеют существенное значение в тех случаях, когда могут быть признаны картулариями, в особенности такими, которые были засвидетельствованы в приказах (*diplomatoria*, *panchartae*, *chartularia*). Наиболее известными картулариями подобного рода следует признать известные сборники актов Троицкого Сергиева монастыря. О составлении их сохранились следующие известия: при архимандрите Адриане в 1642 году, по случаю доносов, из Москвы были присланы окольный князь Волконский и дворянин Панин с двумя дьяками и восемью подьячими; они должны были переписать все церковное имущество, деньги, запасы съестные и воинские, монастырских людей и скотный двор как в Троицком монастыре, так и во всех подведомственных ему монастырях. Вместе с тем переписаны были и все грамоты на монастырские вотчины, как окладные, так и жалованные великих и удельных князей и царей Московских. Возникший таким образом сборник вкладных грамот с присовокуплением прочих документов на владение вотчинами, или «вотчинная книга», разделяется на две части и содержит в себе 2375 актов разного рода. Сборник жалованных грамот великих и удельных князей и царей содержит в себе 588 грамот. Оба сборника скреплены по листам монастырскими властями и дьяками.¹⁹⁹ В одном из сборников Троицкого Сергиева монастыря смешанного содержания записано, между прочим, следующее известие, относящееся, надо думать, ко второй половине XVII века²⁰⁰: «По указу государей властей написа-

но с писцовых книг списков и з государевых жаловальных грамот и з данных и з духовных и закладных и купчих и з меновных записей на Троицкие вотчины и на всякие угодье и те списки справлены на Москве в Поместном приказе и привезены в монастырь за приписью дьяка Дмитрия Федорова да за подъяческими справками Максима Данилова, Леонтья Львова, Офонася Герасимова и переплетены в переплет и отданы в крепостную казну крепостному старцу Арону Покровскому.

- 2 книги Московского уезду
- 2 книги Дмитровского уезду
- 2 книги Переславского уезду
- 2 книги Серпейского уезду
- 2 книги Коломенского уезду
- 2 книги Ярославецкого Малого уезду
- 2 книги Оболенского уезду
- 2 книги Боровского уезду
- 2 книги Новосилского уезду
- 2 книги Калужского и Вереяского уезду
- 2 книги Звенигородцкого уезду
- 2 книги Серпуховского уезду
- 2 книги Каширского уезду
- 1 книга Медынского уезду
- 1 книга Рязанского уезду
- 1 книга Можайского уезду

Принято у слуги Василья Колмакова Галецкого стола с писцовых и с межевых книг и с крепостей списков за приписью диака Дмитрея Федорова.

Да книга за рукою крепосные казны старца Арона Покровского и те книги отданы в крепосную казну.

- 2 книги Новгородского уезду
- 2 книги Ярославского и Пошехонского уезда
- 2 книги Белозерского уезда
- 4 книги Костромского уезда
- 2 книги Галецкого уезда
- 2 книги Колмогорского уезда
- книга Варзуского уезду крепостем».

Такие же сборники существовали у Кирилло-Бе-

лозерского, Соловецкого и других, по крайней мере, крупных монастырей. Такие книги носили иногда специальное название: сборник актов Михаило-Архангельского монастыря в Великом Устюге озаглавлен, например, следующим образом: «Книга, глаголемая Путник, Устюга Великаго пречестныя обители Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго Ея введения в церковь и собор великаго в чудесех святаго архистратига Божия Михаила и прочих небесных сил безплотных, по благословению архимарита Варлама и по совету соборних старцовъ: старца келаря и уставщика Нифонта и казначеев старцов Исаии и Никиты и порядчиков старцов Наума, и Петра и всея братии, начата писати лета 7126 в великий пост на 4 недели в среду с подлинных путей монастырские вотчины и со всяких монастырских крепостей слово в слово. — Марта в 11 день». ²⁰¹

Возможно, что некоторые из светских лиц также вели подобного рода книги, т. е. своего рода частные картулярии. В одном из наших хранилищ рукописей находится, например, сборник списков с разного рода грамот, записей, купчих и проч., относящихся к роду Мещериновых. Известная книга Поганкина, вероятно, 1670-х годов, тоже, пожалуй, записная книга актов; сам Поганкин был состоятельным псковским купцом, чем, может быть, и объясняется, что они состоят, главным образом, из купчих и т. п. ²⁰²

Наконец, кроме цельных копий, неподлинны частные акты известны и в виде пересказов (регистров), сохранившихся, главным образом, в записных книгах крепостным актам, которые велись в Московских приказах и съезжих избах, по крайней мере, с конца XVI века. Некоторые из них изданы, например, записные книги крепостных актов — духовных, данных, купчих, заемных, полных, служилых кабал и т. п., явленных новгородскому дьяку Д. Алябьеву. ²⁰³

2. Акты поддельные. Вообще, можно признать источник поддельным, если можно приписать обманщику злое намерение подделать именно историчес-

кий источник, т. е. совершить подделку самого факта его существования как источника, и выдать результат своей подделки за действительно существующий источник или за его часть. В таком смысле некоторые акты, вызывающее сомнение, можно признать скорее поддельными, чем подложными. Более полувека тому назад, например, в провинциальных наших изданиях появился один акт, который вызывает подозрение о его подделке. «Се аз, — читаем мы здесь, — города Гдова, старых колымажных дел колымажник Савастьянка Севрюков, принял я, Савастьянка, вышеписанного города Гдова, к себе в дом вобья, а на долю ему, вобью, треть живота; а ежели добр будет вобья, то половину ему, вобью; а ежели Бог по душу [мою — А. Л.-Д.] пошлет, то и все ему, вобью. А ежели я, Савастьяшка, против него попячусь, и мне, попятчику, будет стыдно; и ему, вобью, самому меня попятить и взять на мне запячины, что указано будет. А на то колода людей. Лета 7090 (1582) года. В том Савастьянка Севрюков руку приложил». ²⁰⁴

В правовом смысле можно умышленно выдавать, посредством лжи или обмана, искусственный продукт за настоящий, если приписывать ему правовое значение, которого он, однако, не имеет; деяние подобного рода называется подлогом в широком смысле и характеризуется тем, что оно совершается исключительно благодаря «материализованной лжи» и направлено к тому, чтобы при помощи овеществляющего ее продукта посягнуть на известные правоохраненные интересы; с указанной точки зрения, рассуждают, например, о подлоге денежных знаков, печатей, документов и т. п. Впрочем, термин «подлог» чаще употребляется в еще более узком смысле, применительно к одним только «документам», т. е. к таким предметам или «писаниям», которыми символически удостоверяются юридические отношения, права и обязанности или события, имеющие юридическое значение. С последней точки зрения, под подлогом документа, преимущественно в криминалистическом смысле,

можно разуместь умышленное искажение истины в «писании» с целью употребить его под видом настоящего документа для посягательства на чьи-либо правоохраненные интересы.

Наши источники, конечно, упоминают о поддельных актах, которые называют иногда «нарядными» грамотами, крепостями, кабалами и т. п.;²⁰⁵ законодательство также предусматривало подделку грамот и печатей, а позднее и подделку гербовой бумаги, например, в Уложении и Уставе Воинском.²⁰⁶ Некоторые виды документов подвергались более частой подделке, чем другие, например, полные и служилые кабалы, вкладные, купчие, закладные и т. п. В уставной книге казначеев записан указ 1558 года ноября 30, в котором, между прочим, читаем: «...а которые люди впредь учнут наряжати на вольных людей полные и докладные, стакався с таможниками, а в том на них доведут, и тех людей и таможников казнити смертною казнью, как и головного татя».²⁰⁷ В позднейшее время акты подобного рода, а также служилые кабалы и т. п. подделывались в значительном количестве.²⁰⁸

С течением времени подделка вкладных, купчих, закладных и т. п. получила довольно значительное развитие.²⁰⁹ Древнейшая грамота, данная будто бы великим князем Дмитрием Донским Троицкому Сергиеву монастырю, а также запись во вкладной книге о даче им преподобному Сергию дворового места в Московском Кремле признаются подложными.²¹⁰ Аналогичные случаи известны и из южнорусской практики. Так, следует считать подложной грамоту великого князя Китая, во святом крещении Андрея Юрьевича (Боголюбского), якобы данную им Киево-Печерской обители в 1159 году, но, без сомнения, сочиненную Киево-Печерским архимандритом Мелетием Хреbtовичем-Литоворовичем-Богуринским (или по его поручению) с целью упрочить начинавшее подвергаться колебаниям влияние Киево-Печерской обители относительно Пустынно-Никольского монастыря; подлож-

ной является и грамота, приписываемая князю Роману и будто бы составленная им в XIII веке.²¹¹ Происхождение двух последних грамот объясняется следующими обстоятельствами. По случаю заключения вечного мира 1686 года Московское правительство приступило к описанию порубежных местностей Киевского уезда и повелело владельцам имений в новоприсоединенном крае представить свои крепостные акты в Киевскую приказную избу, которая должна была снять с них «списки» (копии), а подлинники возвратить владельцам. Таким образом возникла «Описная книга Киевского ограничения», составленная в 194 (1686) году капитаном Федором Соломеиным и подьячим Киевской приказной избы Федором Наковальниным. В предисловии к собранию крепостных актов киевских монастырей, присоединенном к книге, говорится, что по указу великих государей и по грамоте из Посольского приказа от 11 ноября 195 (1686) года «за приписью» дьяка Прокофия Возницына, велено у архимандрита Печерского монастыря и у настоятелей других киевских монастырей взять «списки» с «жалованных грамот» Московских царей, королевских «привилеев» и гетманских «универсалов» и прислать эти списки в Посольский приказ (Л. 69). Вслед за этим предисловием идут самые списки с актов, которые писаны на листах обыкновенного формата, разными почерками южнорусского письма конца XVII века. Они расположены систематически по монастырям, представившим акты. В каждом таком отделе акты расположены без системы хронологической или какой-либо иной. Каждый отдел подписан по листам настоятелем известного монастыря, а все собрание актов скреплено дьячьей подписью. Во главе поставлены акты Киево-Печерской лавры (Л. 1–37), по нижним полям которых идет такая скрепа: «к сим спискам Киево-Печерского монастыря архимандрит Варлаам Ясинский руку свою приложил, а подлинные крепости к себе в монастырь взял». Здесь помещено 23 лаврских акта, в том числе и вышеупомяну-

тые, надо полагать, подложные акты, а именно: документы «описной книги», а) № 9 «выпись из метрик Иеремеи Патриарха Константинопольскаго, привелею великаго князя Китая [sic – А. Л.-Д.] Андрея Юревича, внука Валодимерова, на место Василков з его принадлежностями на монастырь Печерский, и привелей Максима патриарха Константинопольскаго на ставропигион тому-ж монастырови, 6666 (1158) год» (Л. 9–14), б) №3 «привелей князя Романа Галицкаго, киевскаго, владымирскаго, луцкаго и иных земель обладателя, который записует землю Забудецкую, и проч.», 6748 (1240) года (Л. 2–3).²¹²

Ввиду усилившейся подделки крепостей правительство указом от 9 декабря 1699 года установило порядок исследования подписей на крепостных актах в случае возникновения сомнения или спора об их подлинности: «7208 года декабря в 9 день, Великий Государь, Царь и Великий Князь Петр Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержец, указал и бояре приговорили: которыя крепости явлены, или впредь кто явит в Поместном приказе, а писаны до сего Великаго Государя указа, а на те крепости спор и челобитье в Поместном приказе есть, а в том спорном челобитье учнут писать те крепости составными и воровскими, и руки у тех крепостей лживят, и про такия крепости разыскивать и руки свидетельствовать дьякам и подьячим, которые сидят в приказах, а не площадными подьячими, против того как по Уложению и по новоуказным статьям велено разыскивать по спорному челобитью про купчия и про закладныя и про записи». ²¹³

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

Документальное построение частных актов

Документальное построение частных актов изучает их как исторические явления в жизни народов, как продукты их культуры, как результаты местных и временных, бытовых и правовых отношений, которые они облачают в известные формы, и о которых можно судить по таким формам. Документальное построение выясняет, например, какую цель, более или менее согласную с пониманием данного общества, изучаемый акт преследует и в чьем интересе он составлен; какое именно правоотношение или юридическую сделку он запечатлевает или удостоверяет и что он содержит, простое ли изложение последовательных моментов ее осуществления или строгое логическое раскрытие образующих ее элементов; какую типическую форму он получает в обычае или законе и не развивается ли она под влиянием известных обстоятельств; каков его состав и насколько его части соответствуют его основной цели или уклоняются от нее, обнаруживая некоторую устойчивость или изменчивость в зависимости от данных условий места и времени; каковы главные разновидности его типа, обусловленные колебаниями подобного рода и характеризующиеся местными или временными формами некоторых из его частей, все же отличающихся от побочных, вставных или случайных его статей, и т. п.

В сущности, документальное построение исходит из более или менее общего, хотя и приближенного понятия о частном акте, и даже о данном его виде, для того, чтобы путем его анализа и синтеза научно конструировать его; притом аналитические и синте-

тические приемы его исследования взаимно дополняют друг друга: нельзя приступить к анализу, не придерживаясь какой-либо точки зрения на предмет, уже предполагающий некоторый его синтез; и, наоборот, нельзя прибегнуть к синтезу, не подвергнув предмет тщательному анализу, без которого взаимоотношение его элементов останется неясным; тем не менее, следует различать, конечно, анализ и синтез частного акта, в качестве логически отличных приемов его изучения. Обратимся к рассмотрению каждого из них в отдельности.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Анализ частного акта

При историческом анализе частного акта необходимо прежде всего установить, к какому месту и времени он относится, а затем уже подвергнуть его соответственному дипломатическому и юридическому рассмотрению.

Дипломатический анализ имеет в виду выяснить состав частного акта путем грамматического, графико-статистического и символически-аналитического метода; благодаря им он приходит к расчленению частного акта на протокольные части, клаузулы и т. п.

Юридический анализ занимается выяснением посредством юридических категорий состава той юридической сделки, которая лежит в его основе и расчленяет его на те составные ее элементы, которые более или менее отражаются и в клаузулах акта. Вышеуказанные методы находятся, конечно, в тесной связи между собою: в известной мере дипломатический анализ уже опирается на юридический; в свою очередь, юридический анализ предполагает дипломатический; тем не менее, для большей ясности мы ознакомимся хотя бы в самых общих чертах, с каждым из них в отдельности.

§ 1. Предварительный анализ частного акта: место и время его происхождения

Происхождение наших частных актов до сих пор еще очень мало выяснено: можно думать, что формы, по крайней мере, некоторых из них слагались под византийским влиянием, например, формы духовных,

которые, разумеется, писались большею частью при участии духовных лиц и удостоверялись органами духовной власти.²¹⁴ Следы такого влияния можно заметить, например, во времена митрополита Киприана, болгарина по происхождению, современника и друга известного терновского патриарха Евфимия. Митрополит Киприан был у нас одним из проводников того образовательного движения, которое возникло, конечно, под влиянием византийским среди южных славян; он занимался, между прочим, переводом греческой Кормчей на славянский язык и мог оказать некоторое воздействие на нашу дипломатику: следы его можно усмотреть, например, в «прощальной грамоте», читанной при его погребении и послужившей образцом для позднейших актов подобного рода: «сию грамоту, — по словам одного из старинных наших дипломатистов, — и прочие митрополиты русские, переписывая своею рукою, завещавали также по смерти, при погребении своем, прочитывать», что, действительно, в значительной мере оправдывается хотя бы сличением «прощальной грамоты» Киприана с духовной митрополита Ионы 1461 г. и т. п. Митрополиту Киприану принадлежит также «тавуларская грамота», или заемная кабала, которую он, вместе с ростовским архиепископом Федором, выдал в Цареграде «Николаву нотаре диорминефту» в тысяче старых рублей новгородских; она вслед затем попала, в копии, в известный сборник грамот митрополитов все-российских XVI-го века.²¹⁵ В какой мере, однако, такое влияние распространялось на другие типы русских частных актов, сказать трудно за отсутствием более детальных исследований и сличений их с греческими.

К какому бы виду акт ни принадлежал, историческое его изучение требует прежде всего приурочения его к данному месту и времени, чем и занимается топология и хронология акта: благодаря топологическому и хронологическому определению акта его можно вставить в соответствующие бытовые и пра-

вовые условия, с точки зрения которых и производится научное его построение как продукта данной культуры.²¹⁶

а) Топология акта.

Топология акта устанавливает место его совершения на основании прямых и косвенных показаний, заключающихся в его тексте. Даже в том случае, когда частный акт сам указывает на место его совершения, такие сведения далеко не всегда оказываются достаточными: совершители частного акта, большей частью местные жители, нередко подразумевали более общие географические данные касательно объекта своей сделки и довольствовались более частными ссылками на ближайшие места, названия которых могли с течением времени измениться или даже исчезнуть. Некоторые из частных актов не содержат, например, общих указаний на принадлежность их к данной местности и ограничиваются упоминаниями, вроде следующих: река Малая Юра, Кочком-озеро, Наль остров, Круглица гора, Глухой погост и т. п.; лишь после детального обследования можно прийти к заключению, что вышеприведенные названия относятся к Двине, и разыскать их на карте. При таких условиях исследователю приходится иногда тратить немало труда на то, чтобы приурочить старинные топологические указания к современным, тем более, что он до сих пор не располагает всеми нужными для того пособиями: подробными картами данного края, обстоятельными историко-географическими словарями, наглядными изображениями административных делений интересующей его местности и т. п.²¹⁷ Между тем, такие приурочения дают возможность усмотреть в общей совокупности актов некоторые их группы, характеризуемые местными их особенностями. Благодаря такому приему удалось, например, отметить некоторые своеобразные черты новгородских частных актов XII–XV веков, обнаружить отличие древнейших рязанских служилых кабал от позднейших московских и т. п.²¹⁸

Кроме старейшего деления на земли и княжества удельно-вечевое периода, от которого частных актов сохранилось очень мало, следует иметь в виду, по крайней мере, еще две из таких группировок, главнейшие. Более ранняя группировка сложилась в XVI—XVII веках и состояла в доцети Московского государства на следующие области, границы которых, впрочем, подвергались более или менее частным изменениям:

1) Северо-западные (Новгород, Ладога, Тихвин, Боровичи, Вышний Волочок, Осташков, Старая Русса и др.);

2) Поморские (Архангельск, Холмогоры, Каргополь, Тотьма, Великий Устюг, Сольвычегодск и другие; к которым можно причислить также города Вятские и Пермские);

3) Замосковные (Москва, Белозерск, Вологда, Солигалич, Кологрив, Нижний Новгород, Арзамас, Муром, Серпухов, Боровск, Верей, Старица, Торжок, Бежецк, Устюжна и др.);

4) Рязанские (Рязань, Зарайск, Шацк, Епифань, Венев и др.);

5) Понизовые (Василь, Темников, Алатырь, Казань, Самара, Саратов, Астрахань и др.);

6) Города от Литовской и Немецкой Украины (Смоленск, Великие Луки, Рославль, Псков, Гдов, Себеж и др.);

7) Города Заоцкие, Украины, Северские и Польские (Калуга, Медынь, Мещовск; Тула, Орел, Кашира, Кромы; Севск, Северск, Брянск, Путивль; Курск, Чернь, Данков, Воронеж, Новый Оскол и др.);

8) Города Сибирские (Верхотурье, Тобольск, Томск, Иркутск и др.);

9) Города Малорусские (Киев, Чернигов и др.).

Более поздняя группировка, отличавшаяся более искусственным характером, окончательно установилась со времени Учреждения о губерниях, 7 ноября 1775 года; о ней можно судить хотя бы по тому атласу Российской Империи, который был издан в 1792

году и содержит, главным образом, карты всех наместничеств, разделенных на уезды.

Акты, относящиеся к разным областям, даже позднейшего времени, все же представляют некоторые своеобразные черты, которые нельзя упускать из виду: поморские акты, например, продолжают отличаться от московских, и в составе их встречаются такие, которые едва ли попадаются среди других, например: отступные-посильные, складные записи и т. п.; вне центральной области крестьянские порядные продолжают совершаться в то время, когда в замосковных городах уже явно преобладают ссудные записи и т. п.

б) Хронология акта.

Хронология акта устанавливает время его совершения, которое следует отличать от времени его явки, в случае если таковая производилась.²¹⁹ Древнейшие частные акты, например, двинские пергаминные, большей частью не снабжены точной датой; в таком случае приходится определять ее более или менее приблизительно по косвенным признакам, а именно: по филиграни, по почерку, по данным языка, по именам князей, должностных лиц (между прочим, игуменов, воевод и т. п.), по печатям, по формуляру, а также по содержанию. Несколько более поздние акты обыкновенно снабжены датой: в старейших она большей частью проставляется в конце акта, в XVII веке уже заметно колебание: дата встречается и в конце, и, реже, в начале акта; в XVIII веке она уже стоит в начале его текста.²²⁰ При датировке старейших грамот придерживались, однако; разных летосчислений, которые требуют перевода на современное: в древней России счет времени, которого придерживались при датировке актов, в особенности частных, производился, главным образом, по византийской или, вернее, константинопольской эре от сотворения мира юлианскими годами, сперва по мартовскому, позднее по сентябрьскому стилю.

1) Мартовский стиль представляет из себя видоизменение византийской эры и начинается год с 1-го

марта; в таком счислении 25-е декабря 1-го года до Рождества Христова (т. е. того года, в котором было Рождество Христово) совпадает с 25 декабря 5508 года мартовского стиля от сотворения мира. 5509-й год этого стиля тянется от 1-го марта 1-го года по Р. Х. по 28 февраля (или в високосный год по 29 февраля) 2-го года по Р. Х. Такой счет водворился на Руси, вероятно, по принятии христианства и продолжал практиковаться до 1492 года.

2) Сентябрьский стиль представляет из себя счет времени по византийской эре в неизменном виде и начинает год с 1-го сентября. В таком счислении 25-е декабря 1-го года до Р. Х. христианской эры (или эры Дионисия) совпадает с 25 декабря 5509 года от сотворения мира по византийской эре. 5509-й год этого стиля тянется от 1-го сентября 1-го года до Р. Х. по 31 августа 1-го года по Р. Х. по христианской эре (или эре Дионисия). Система времяисчисления по сентябрьскому стилю стала входить в употребление, по крайней мере, в некоторых местах с начала XIV века, но получила более общее признание, вероятно, с 1492 года.²²¹ Такое летосчисление вызывало удивление иностранцев, посещавших Россию в XVII веке; «при летосчислении, — писал один из них, — москвиты по сию пору, согласно со счетом 70-ти толковников, считают года с древнейших времен, с начала мироздания, и начинают год с сентября месяца. Не так давно они еще не имели ни малейшего понятия об астрологах и математиках и провозгласили Олеария, знаменитого составителя истории Московской, чародеем, когда он, будучи в Москве, показал так называемую камер-обскуру. Теперь, впрочем, и те, и другие не только терпимы, но даже, по приказанию царя, ежегодно составляют на московском наречии подробные календари с предсказаниями и распространяют их в народе посредством печатания».²²²

Старая система летосчисления от сотворения мира и по сентябрьскому стилю представлялась, однако, произвольной, фиктивной и неудобной: она, в сущно-

сти, произвольно полагала, что мир создан за 5508 лет до Р. Х.; она фиктивно называла год, в течение которого уже родился Иисус Христос, первым годом до Р. Х.; она оказывалась крайне неудобной для деловых сношений с иностранными державами, между прочим, и при совершении частных международно-правовых сделок, например, при выдаче и уплате векселей и т. п. Ввиду соображений подобного рода Петр Великий решил изменить способ летосчисления: в силу его указа от 19-го декабря 1699-го года датировка актов стала производиться с 1-го января 1700 года по летосчислению от Рождества Христова.²²³ Впрочем, и после такой реформы в России продолжали считать юлианскими годами, несмотря на то, что григорианский календарь уже был введен во всеобщее употребление и через Польшу стал проникать и в южную Россию. Хотя Стефан Баторий, вслед за обнародованием папою Григорием XIII нового календаря (буллой от 13-го февраля 1582 года), и издал указ, обязывавший всех его подданных, не только католиков, но и иноверцев, принять этот календарь, но когда православные, поддерживаемые грамотами константинопольского патриарха Иеремии, отказались от этого, то король сделал уступку и двумя новыми грамотами (1584 и 1585 годов) предписал оставить православных в покое до тех пор, «пока между римским папою и греческими патриархами не будет окончательно решен спор об употреблении календаря».²²⁴ Тем не менее, римляне всеми силами старались внушить православным, что перемена календаря – дело маловажное и что потому нет препятствий к принятию нового календаря. Православные хорошо знали, что такой или иной календарь не есть член веры, но знали также, что правила соборов и святых отец под угрозой анафемы предписали не делать перемен и прибавок к праздникам, особенно к празднику Пасхи. Для них также подозрительной показалась настойчивость, с которою латиняне старались убедить в маловажности перемены календаря: православные нашли в этом по-

вод опасаться за целость веры. Видя, с каким усилием и искусством папы распространяют свою власть, они и во введении нового календаря склонны были видеть средство со стороны папы – заявить о своей власти и упрочить ее, поэтому справедливо боялись, чтобы, раз подчинившись этой власти, потом не быть доведенными до принятия всего римского учения. Руководствуясь этими соображениями, православные отказывались от принятия нового календаря. Тогда в разных местах начались притеснения от римлян. В Вильне не дозволяли православным отправлять богослужения и праздновать праздники по старому календарю, наносили укоризны и бесчестия, позорили и грабили тех, которые не держались новоисправленного календаря. Узнав об этом, король Баторий объявил (в 1584 году) во всеобщее сведение, что, если он распорядился о принятии нового календаря, то сделал это для порядка гражданских дел, а не в видах религиозного насилия, и потому приказывал не делать несогласным в вере притеснений в богослужении. Королевское повеление несколько не уменьшило ревности латинян. В той же Вильне насилия православным продолжались: принуждая их праздновать праздники по новому календарю, латиняне призывали их на суд и заставляли давать судебную присягу в дни, на которые по старому календарю приходились главнейшие праздники Восточной церкви. Русский митрополит Онисифор Девочка с православными членами виленской ратуши и некоторыми из посольства принужден был отправиться (1586 год) в Гродно с жалобой к королю. Удовлетворяя этой жалобе, Баторий грамотой, данной на имя чиновников и мещан города Вильны, подтвердил прежнее распоряжение о нечинении православным обид из-за календаря.²²⁵ Тем не менее, летосчисление по григорианскому календарю стало постепенно утверждаться и в пределах юго-западной Руси: здесь стало господствовать летосчисление гражданское, т. е. велось с 1-го января. Оно было в употреблении как в судах, так и в частной

жизни, как в сфере светской, так и в духовной. Примеров этому бездна, куда бы мы за доказательствами ни обратились. До настоящего времени изданы тысячи документов, относящихся до рассматриваемого нами периода; миллионы их в рукописном виде хранятся в архивах при археографических комиссиях. Если возьмем любую книгу с подобными документами, обыкновенно переплетенными погодно, то сразу же убедимся, что летосчисление ведется в них гражданское: везде год начинается с 1-го января и оканчивается 31-го декабря. То же самое видим и в письменных памятниках (грамотах, окружных посланиях и т. п.), принадлежащих лицам духовным. То же самое летосчисление видим и в изданных разными типографиями книгах как светского, так и религиозно-богослужебного характера, — убедиться в чем опять не трудно, так как издатели нередко в послесловиях к выпускаемым ими в свет книгам сообщали, когда, наконец, отпечатаны. Сопоставление всех этих заявлений опять таки приводит к несомненному убеждению, что издатели держались летосчисления гражданского (в некоторых случаях, — имеем в виду известные месяцы — сопоставление года от Рождества Христова с выставляемым весьма часто годом от сотворения мира и индиктом тоже может служить доказательством нашего мнения).²²⁶

Как бы то ни было, но при сопоставлении хронологических дат актов с разными стилями — юлианским и григорианским — приходится переводить юлианский год на григорианский, учитывая разницу между ними, возросшую с 10 до 13 дней. Известно, что папа Григорий XIII постановил добавить к 1582 году опущенные в счете по юлианскому счислению 10 дней к 5-му числу месяца октября, т. е. 5-е число октября велел считать 15-м. Следовательно, при переводе юлианских дат, относящихся ко времени с 5-го октября 1582 года и до 1700 года, на григорианские к юлианским прибавляли 10 дней; в XVIII веке, до 1800 года (исключительно) — 11 дней; в XIX веке — 12 дней, а в

наше время – 13 дней.²²⁷ При совершении такой операции не следует упускать из виду високосные годы, если прибавка касается последних чисел февраля. Впрочем, такой перевод юлианского стиля на григорианский находит себе лишь сравнительно ограниченное приложение к частным актам, например, к разным формам векселей.

§ 2. Дипломатический анализ акта

Дипломатический анализ акта устанавливает типический формуляр данной группы актов и состоит из следующих операций: а) расчленения каждого из них на его составные части – клаузулы; б) определения более или менее общих у него с другими актами той же группы или более или менее частных присущих ему клаузул;²²⁸ в) выяснения типического соотношения в сосуществовании или в преемстве клаузул данной группы актов. Рассмотрим каждую из вышеуказанных операций в отдельности.

а) Расчленение каждого акта данной группы на его составные части – клаузулы

Вообще, облакая данную юридическую сделку в письменную форму, каждый акт отражает в своем составе ее элементы в виде отдельных мыслей, которые запечатлеваются в соответствующих формах речи: периодах, предложениях и т. п. В более широком смысле каждая такая мысль, выраженная в акте отдельно от других, называется клаузулой. Впрочем, вступительная и заключительная часть акта обыкновенно называются начальным и конечным протоколом, ввиду чего термин «клаузула» получает более узкий смысл.

Начальный протокол в частных актах встречается редко: таковым можно признать то «богословие», которым обыкновенно начинаются духовные, напри-

мер: «Во имя Отца и Сына и святого Духа» (XIV век); или «Во имя Отца и Сына и святого Духа, молитвами пречистыя Богоматери Владычице нашия Приснодевы Марии» (1472 г.); или «Во имя живоначальные Троицы Отца и Сына и святого Духа»; или «Во имя Отца и Сына и святого Духа, святую Троицу единосущную и нераздельну» (1568–1570 гг.); или «Во имя пресвятые и безначальные и единосущныя и животворящия и неразделимыя Троицы, Отца и Сына и святого Духа, аминь» (1697 г.) и т. п.²²⁹

В конечный протокол обыкновенно включают «дату» (т. е. указания на место и время совершения акта) и «оценочные» формулы вроде, например, «feliciter» или «amen» и т. п. В наших частных актах «дата» ограничивается обыкновенно указанием на время совершения акта и, в сущности, может быть отнесена к их удостоверительной части. «Оценочные» формулы также встречаются лишь изредка, да и то не всегда на месте; в духовном завещании Пантелеймона Соловцова от 1-го февраля 1627 г., например, мы читаем: «И повели {Господи – А. А.} Владыко да отпустятца в мир душа раб твоих, раба твоего Пантелемона, и сына моего Ондreja, и жену мою Стефаниду, и сноху мою Марью и внуку мою Ульяну и да починут души их в вечных жилищах твоих со святыми твоими и со едином чадым [sic – А. Л.-Д.] Сыном твоим, с ним-же благословен еси с пресвятым и благим и животворящим ти Духом ныне и присно и во веки веков, аминь».²³⁰

Таким образом, в более узком смысле клаузулами можно называть лишь те части акта, которые входят в его состав помимо начального и конечного его протокола. Впрочем, понятие о клаузуле получает еще дальнейшее ограничение, если различать собственно юридические клаузулы, нужные для того, чтобы акт имел то именно юридическое значение, какое его совершители хотели приписать ему, от бытовых клаузул, содержащих указания на реальные условия совершения сделки. В духовной Панкрата Ченея, яв-

ленной в 1482 году, например, мы читаем: «Во имя Отца и Сына и святого Духа. Се яз раб Божий Панкрат Ченей пишу сию грамоту душевную в конце живота. А бил мя Михайла Скобелцин болшой с своими людьми с Куземькою да с Ивашком с Щокотом, да брата его человек Михайлов Меншево Дмитрок Зуй; а бил мя у своего села, а пойти ми с их рук. А долгу ми дать...» и т. д.²³¹ В данном случае мы имеем дело с такими частями, которые, очевидно, имеют разное значение: юридическое («пишу сию грамоту душевную в конце живота», «А долгу ми взяти...») и бытовое («А бил мя Михайла Скобелцын...»); части с юридическим значением в большей мере заслуживают названия клаузул, чем части с бытовым содержанием, имеющие, притом, вставочный характер.

В составе каждого частного акта можно различать несколько юридических клаузул отдельно обозначавших, например, 1) имена, фамилии и большей частью звания лиц, совершавших сделку, 2) род самой сделки и ее предмет, положим, известную вещь или имущество, часто с более или менее общим указанием его границы («что изстари к той земле потягло», «куда рука моя ходила», «куда топор и плуг и коса ходили», «по старым межам» и т. п.) или подробным описанием межевых признаков, 3) условия о цене, уплате и т. п., 4) подписи лиц, заключавших сделку или, по крайней мере, давших акт, 5) имена послухов, присутствовавших при совершении сделки или удостоверивших акт своими рукоприкладствами, 6) имя лица, писавшего акт, и 7) время написания акта.²³² Само собою разумеется, что в зависимости от данного рода акта вышеприведенная схема подлежала некоторым изменениям в своем наличном составе и дополнялась соответствующими новыми клаузулами: вкладные, укреплявшие отдачу имущества по душе самого жертвователя или его родных, обыкновенно содержали, например, условие о поминании его души, а также часто присоединяли к нему еще условие о записи его имени в «сенаник»; купчие и заем-

ные-закладные обыкновенно включают клаузулы о родовом выкупе, об очистке и т. п.

Входящие в состав акта бытовые клаузулы едва ли поддаются более точной квалификации: они зависели от более или менее случайных обстоятельств, при которых совершался акт.

При расчленении текста акта на образующие его клаузулы следует, по возможности, соотносываться с теми моментами, которые сами составители акта стремились различить в его составе, не подвергая его искусственному дроблению или более тонкому разграничению позднейшей юридической мысли: древние акты нередко выражают в одной клаузуле несколько условий юридической сделки, каждое из которых могло бы быть сформулировано в виде отдельной клаузулы; в духовной «раба Божьяго Сидора» XV века мы читаем, например: «...приказываю живот свой и очьцину свою, горную землю Июрмольскую и прикуплю свою, горную землю Июрмольскую и с грамотами – а та моя купля чиста – жене своей Настасьи, сыновем своим Остафью и Юрью...». ²³³ Такой синкретизм сам по себе характеризует, однако, старинное правосознание и сравнительно малую степень его развития, а потому и не может быть оставлен без внимания: в случаях подобного рода лучше сохранять сложную, часто слишком мало раскрытую клаузулу в целостности, различая в ней составные элементы; каждый из них представляет более или менее устойчивое выражение известной мысли, причем может совпадать и с юридическими элементами сделки. В поручных, например, условия, при которых наступает порука, – часть второй клаузулы – об ответственности. В других случаях, напротив, клаузулы не всегда ясно сознавались в их общем юридическом значении, а представлялись лишь в виде более частных его приложений: в поручных, например, клаузула, устанавливавшая самое поручительство, могла пониматься не в смысле поручительства вообще, а в смысле обеспечения ряда

более частных обязательств: 1) жить там-то; 2) делать то-то; 3) а живучи – в зернь не играть и т. п.

Простейший прием расчленения акта на клаузулы состоит в грамматическом анализе его текста; такой анализ должен, однако, сообразовываться со строем старинной речи, с ее грамматикой и синтаксисом; некоторые из таких особенностей (например, употребление союза «а» в начале новой фразы) уже были указаны выше.

Впрочем, установление клаузул данного акта становится более точным по сравнению его с другими актами той же группы и по выяснении их соотношения в его формуляре: лишь по производстве таких операций можно различать в нем клаузулы, общие у него с другими актами той же группы, и более или менее частные, присущие ему в отличие от других актов той же группы, а также яснее представлять себе смысл каждой из них в целой их совокупности.

б) Определение типических клаузул данной группы актов

Разложение данного акта на клаузулы дает представление о его наличном составе, но не может дать понятие о том, какие из них типичны, т. е. более или менее общи нескольким группам или данной группе актов, какие, напротив, оказываются более или менее частными, присущими, быть может, лишь некоторым или даже одному из актов данной группы, тому самому, который подвергся разложению; для того чтобы судить об общем или частном значении данной клаузулы, нужно, очевидно, сопоставить ее с аналогичными клаузулами других актов той же группы. В одной рязанской служилой кабале Аксиньи Дьяконовой, 1510 года, мы читаем: «Долож великие княгини Огрофены боярина Федора Ивановича Сунбула, се яз Оксинья Михайлова жена Дьяконова заняла есми, господине, у Ивана Олтуфьева сына Кончеива три рубли денег от Рождества Ивана Предотечи на год и те есми

денги дала мужу своему Михаилу Дьякону Борису сыну. А за рост мне у Ивана иду вана [sic – А. Л.-Д.] работать. А не похочю у него работать до сроку, и мне ему денги его дать все и с ростом по росчету, как дают на пять шестой. А полягут денги по сроце, и мне у него за рост работать по тому ж. А не отниматися мне у него от сея кабалы ни полетною ни изустною. А на докладе были Пакрат Михайлов сын Катов да Семен Тимофеев сын Денижников лета 7018. А подписал великие княгини дьяк Федор Матвеев. У подлинной печать на черном воску».²³⁴

Лишь сравнив приведенную служилую кабалу с другими актами, можно судить о степени общности или частности ее клаузул: так, например, последняя ее клаузула: «А не отниматися мне у него от сея кабалы ни полетною ни изустною» – встречается также в заемных кабалах и, значит, оказывается общей двум группам актов: заемным и служилым кабалам. Вместе с тем, однако, та же клаузула содержится далеко не во всех служилых кабалах: она имеется, например, в рязанских, новгородских и псковских, но отсутствует в московских. Сравнение нашего акта с другими, значит, показывает, что клаузула «а не отниматися мне...» может быть признана в известном смысле и относительно более общей и относительно более частной, чем обычные клаузулы наиболее распространенного типа служилых кабал, по крайней мере, в XVI–XVII веках.²³⁵ Аналогичный прием, разумеется, приходится соблюдать и при установлении большей или меньшей частности или единичности данной клаузулы. Возьмем хотя бы, например, служилую кабалу Китки Борова, писанную в Новгороде 19-го декабря 1597 года; здесь мы читаем: «Се яз Китко Ильин сын прозвище Боров, {с – А. А.} своею з женой с Анницею с Никитиной дочерью да с своими детьми, з Захарком, да с Федотком, да с Савкою, заняли есми у государя своего у Василья Тиханова сына Аврамова денег три рубли московских. А за рост нам у государя своего у Василья служити по вся дни во дворе, А

полягут деньги по сроце, и нам у государя своего. у Василья, за рост служить по тому-ж по вся дни во дворе» и т. д.²³⁶ В первой клаузуле приведенной кабалы срок займа вовсе не указан; но по одной этой служилой кабале мы не можем судить, представляется ли такая клаузула типичной; лишь привлеки к сравнению остальные служилые кабалы хотя бы той же записной книги, мы легко заметим, что чуть ли не все они формулируют вышеуказанную клаузулу с точным обозначением обыкновенно годового срока займа, и заключаем отсюда, что первая клаузула служилой кабалы Китки Борова вовсе не представляется типичной; напротив, она содержит индивидуальную особенность, быть может, вызванную небрежностью писца.

Сравнение случаев согласия и различия требует, однако, установления той группы, в пределах которой оно происходит, между тем пределы однородной группы частных актов, в особенности древних, текучи; далеко не все акты обладают достаточно ясными признаками, по которым их можно было бы отнести к той, а не иной группе, многие акты называются, например, «записями» или «договорными», но под такими терминами скрываются весьма разнообразные юридические сделки. Вообще, более или менее однородная по своему составу группа актов образуется, прежде всего, на основании более или менее специфических показаний самих актов, подлежащих некоторому контролю, производимому при помощи юридического анализа. Специфическое показание самих актов состоит а) или в том, что данный акт сам себя причисляет к определенному виду, т. е. писец, писавший его, или его совершители или его послухи называют его, положим, служилой кабалой или же заемной кабалой и т. п., причем наименование, данное ей писцом, в особенности площадным подьячим, имеет, конечно, преимущество перед наименованием, которое дают ей послухи, иногда впадающие в разноречие с другими показаниями или друг с другом; б) или в том, что данный акт причисляется к опреде-

ленному виду современными знатоками дела: дьяками, судьями и т. п.; с такой точки зрения, например, записные книги крепостных актов, явленных приказным или городовым дьякам, в которых они заносились под соответствующими названиями, представляют достаточно прочное основание для их квалификации; правые грамоты также содержат подобного рода сведения и т. д.; с) или в том, что данный акт квалифицируется путем соответствующего обозначения, например, надписи на обороте, каким-либо старинным архивистом, «крепостным старцем» и т. п. при регистрации его в том архиве, в котором он издавна хранится: на «затыли»²³⁷ или обороте частных актов, хранившихся в монастырях, попадаются, например, пометы XVI–XVII веков вроде следующих: «данная», «духовная», «купчая» и т. п. Следует иметь в виду, однако, что такие показания далеко не всегда представляются вполне надежными: а) сами акты иногда колеблются в своей терминологии: одна из поступных (купчих) 1671 года, например, называет себя то поступной, то отступной, что далеко не одно и то же;²³⁸ б) в известной «правой грамоте» 1565–1566 годов, выданной по делу С. В. Стромиллова с И. М. Чертовым, «кабала» последнего 1561 года о взятии им на срок у С. В. Стромиллова с сыном жалованных грамот для челобитья по своему делу названа «зарядной записью», надо думать, лишь на том основании, что суд придавал ей значение записи о неустойке, хотя сама грамота называет себя «кабалою», причем укрепляет саму сделку, обеспечиваемую неустойками – зарядом; с) - позднейшие списки, пометы и т. п. также далеко не всегда отличаются точностью своей терминологии: рядная между Евановой женой с сыном и деверем Обеканом Куровым сыном, XV век, называется в одном из ее списков XVII века «мировой грамотой», в другом, тоже XVII века, – ошибочно – «купчей» и т. п.²³⁹ Показания самих грамот о принадлежности их к данному виду, значит, подлежат проверке: они отчасти контролируются более точным пониманием юри-

дической природы самой сделки, которая укрепляется данным актом: она дает возможность установить более правильную группировку (см. ниже).

Таким образом, при изучении данной группы актов следует выяснить, все ли они в подлинных грамотах называются одинаково и, если нет, то какое название (по совокупности условий того времени) оказывается всего более подходящим. Тогда и нужно начинать изучение с такой именно подгруппы, вслед затем постепенно обращаясь к подгруппам с менее определенными наименованиями. По окончании такой работы можно, исходя из добытых результатов, заключать о принадлежности к данной группе и таких актов, название которых или слишком общее или ошибочное.

Лишь по образованию группы однородных актов можно приступить к подсчету случаев согласия и различия, который, ввиду большей частью довольно ограниченного их количества, можно только условно называть статистическим. Клаузулы, явно преобладающие в составе данной группы, и получают значение типических, т. е. средних, в отношении к которым можно рассматривать и наблюдаемые от них отклонения.

Типичность может обнаруживаться не только в постоянной, но и в развивающейся форме данной клаузулы: основные клаузулы служилых кабал московского типа, содержавшие условия о займе денег и службе за рост, например, сменяются с 1680-го года чисто формальным условием о добровольном челобитье в холопство. В других случаях можно наблюдать постепенный рост клаузулы, происходящий или путем механических прибавок к основному тексту, или путем внутренней переработки его содержания, отражающегося в соответственном изменении ее формы. В том случае, если удастся подметить относительное преобладание данной клаузулы в пределах известной местности или известного времени, можно признать ее местным или временным типом: в служилых кабалах

XVI–XVII веков, например, легко различить несколько местных типов – рязанский, новгородский и псковский, московский с несколькими разновидностями т. п., – а также несколько временных типов, в особенности: древнейший, еще в некоторых отношениях носящий на себе следы родства служилой кабалы с заемной кабалой; старший (до 1680 года), с обычными клаузулами о займе денег и о службе за рост, и позднейший (с 1680 года) – с клаузулой о добровольном челобитье в холопство и т. п.

Выявление типических клаузул технически производится при помощи графически-статистических таблиц, которые будут рассмотрены ниже в связи с подобным же обнаружением типического формуляра данной группы актов. Впрочем, не следует преувеличивать значение такого статистического подсчета: а) число частных актов, а значит, и отдельных клаузул, подвергаемых подсчету, в сущности, весьма ограничено: в лучшем случае, как, например, относительно купчих, мы располагаем всего лишь несколькими стами экземпляров, что, разумеется, недостаточно для прочного обоснования статистического вывода о «среднем»; такие подсчеты дают лишь более наглядную иллюстрацию более или менее значительной типичности данной клаузулы; б) сравнительно редкое появление данной клаузулы в составе текста акта еще не дает полного основания признать ее исключительной; клаузула, однажды встречающаяся, положим, в одном акте данной группы, может попасть в типический клаузальный состав, если она отражает обычай, который, однако, сам собою подразумеваемый, обыкновенно не упоминается в писанных актах, или, наоборот, может не попасть в типический клаузальный состав, если она исключительного или случайного содержания; например, в известных нам межевых (чистых) клаузула о непроступании межи редко встречается, но она все же может быть признана типичной; наоборот, клаузула о неотдаче земли в кортому, в виду исключительного характера условия,

едва ли попадет в типический клаузуальный состав межевой. Вместе с тем нельзя не заметить, что статистический подсчет еще не дает объяснения ни повторяемости, ни исключительности данной клаузуальной формы: она еще подлежит этиологическому исследованию, выясняющему причины и последствия таких явлений; неустойка, например, юридически не вытекает из сделки, но если она имеется в акте и можно объяснить ее тем, что в данной местности и в данное время приходилось обеспечивать сделку неустойкой, такая клаузула становится типической.

*с) Выяснение типического формуляра
данной группы актов*

Следует отличать характеризованное выше установление типических клаузул от построения типического формуляра: в известных случаях можно установить некоторые типические клаузулы данной разновидности, и все же приходится отказываться от построения типического ее формуляра, еще не сложившегося; ведь формуляр предполагает уже типическое соотношение клаузул, например, типический порядок их расположения в составе данной группы актов, что не всегда бывает. Типический формуляр устанавливается относительно данной группы актов, а не каждого из них в отдельности: он как бы вкраплен во всю их совокупность; он не претендует обнять все клаузулы, действительно встречающиеся в актах, и вместе с тем может оказаться слишком широким для других актов того же вида; в него входят не все клаузулы каждого акта, и могут оказаться такие, которые в данном акте не встречаются; следовательно, представляя из себя как бы средний вывод из известного числа наблюдений над формулярами отдельных актов, он может быть представлен одним из них, но может и не совпасть ни с одним из них в его целокупности: в пределах данного вида порядок расположения отдельных клаузул может колебаться и, значит, не всегда

соответствовать тому порядку, который принят в типическом формуляре; в купчих, например, клаузула о цене занимает разные положения в тексте акта, что может породить вышеуказанное несоответствие общего формуляра с единичными случаями. Положим, что нам дано несколько о актов $Q_1, Q_2, Q_3, \dots$ и что каждый из них соответственно разлагается на клаузулы $a_1, b_1, c_1, \dots; a_2, b_2, c_2, \dots; a_3, b_3, c_3, \dots$, так что

$$Q_1 = a_1 + b_1 + c_1 + d_1 + e_1 + f_1$$

$$Q_2 = a_2 + b_2 + c_2 + r_2 + s_2 + e_2$$

$$Q_3 = a_3 + b_3 + d_3 + u_3 + v_3 + e_3 \text{ и т. д.}$$

При сравнении клаузального состава Q_1, Q_2, Q_3 и т. д. можно различить три группы клазул.

1) Легко заметить, что некоторые из вертикальных рядов вышеприведенной таблицы обнаруживают значительную устойчивость, а именно:

$$a_1, b_1, \dots, e_1$$

$$a_2, b_2, \dots, e_2$$

$$a_3, b_3, \dots, e_3$$

причем $a_1, a_2, a_3, \dots$ может быть представлено типом a_n ; $b_1, b_2, b_3, \dots$ — типом b_n ; $e_1, e_2, e_3, \dots$ — типом e_n и т. п.

2) Несколько пристальнее всматриваясь в ту же таблицу, можно, сверх того, отметить меньшую устойчивость в вертикальных рядах:

$$c_1, d_1$$

$$c_2, r_2$$

$$d_3, u_3$$

с тем, однако, отличием: 1) что каждый из типов c и d представлен в двух, а не трех случаях, 2) что размещение их в соответствующих горизонтальных рядах (1 и 2; 1 и 3) — разное. Положим, что детальное обследование таких случаев относительно меньшей устойчивости все же признает возможным включить клаузулы типа c_n и d_n в общий формуляр акта.

3) Наконец, в клаузулах, обозначенных знаками f, r, s, u, v , нельзя усмотреть какого-либо типического характера; положим, что и более детальное обследование подтвердит такой вывод.

Принимая во внимание такие соображения, можно построить типический формуляр, обозначив его через Q_n , из более или менее типических клаузул a_n, b_n, c_n, d_n, e_n . Ввиду того, однако, что размещение некоторых из них колеблется, можно представить себе типический формуляр Q_n в виде системы типических клаузул a_n, b_n, c_n, d_n, e_n , что и дает его схематическое выражение в виде:

$$Q_n = \Sigma (a_n, b_n, c_n, d_n, e_n).$$

Соответственно раскрывая Σ и подставляя под n реальные его значения 1, 2, 3..., можно обратно получить $Q_1, Q_2, Q_3...$

Общая конструкция, изложенная выше, лежит в основе графически-статистического метода выявления типического формуляра данной группы частных актов и построения его таблицы.

Вышеизложенный анализ производится, конечно, при помощи известных методов согласия и различия, сопутствующих изменений и остатков; они более или менее комбинируются и в тех приемах статистического подсчета, который дает возможность установить степень частоты или редкости соответствующих клаузул, а значит и тот состав типического формуляра, который образуется из типических клаузул. Типический формуляр акта характеризуется, однако, типическим порядком расположения типических клаузул, который нельзя вывести из каждой из них, взятой в отдельности: он, разумеется, обусловлен, прежде всего, характером той юридической сделки, которая облекается в форму письменного акта, что уже предполагает юридический анализ его содержания; ввиду того, например, что в основе служилой кабалы лежит договор займа капитала со службою за рост, она должна последовательно включить клаузулы о контрагентах, вступающих в отношение должника к кредитору, величине занятого капитала и сроке займа; о том, что произойдет в случае просрочки долга и т. п.; такая последовательность действительно отражается в соответствующем типическом порядке расположе-

ния типических клаузул служилой кабалы. Договор купли-продажи, кроме обычных условий касательно контрагентов сделки и ее объекта, цены и т. п., содержал еще естественно связанные с древним бытом клаузулы об «очищении» отчуждаемого имущества от каких бы то ни было притязаний сторонних лиц и о родовом выкупе, что и наблюдается в действительности. Известная связь между некоторыми из клаузул данного типа актов также объясняет расположение соответствующих его частей: в том случае, например, если договор обеспечивался неустойкой, могла явиться мысль о том, сохраняет ли он силу по уплате таковой, что и подтверждалось особой формулой: «А ся запись и впредь запись» и т. п. Такие выводы требуют, однако, внимательной проверки, а иногда и существенного дополнения путем наблюдения: господствующий в пределах данной группы актов порядок расположения клаузул, устанавливаемый благодаря статистическому подсчету наблюденных случаев, очевидно, и должен быть признан типическим. Впрочем, те оговорки, какие были сделаны относительно подсчета отдельных клаузул, в еще большей степени относятся к подсчету их распорядков: последние могут оказаться гораздо менее устойчивыми, чем образующие их клаузулы, особенно в тех случаях, когда мы имеем дело с редко встречающимся видом актов; таковы, например, акты, которые обыкновенно называются общим термином «записи», но не подходят под более или менее сложившиеся типы, например, запись жениха Марка Клементьева невесте Омельфе Языковой о передаче ему, жениху, в собственность будущей жены его имущества в случае его смерти после брака, 1565–1566 гг.; или запись Иоакима Калашникова Алексею Углецкому о получении приданого и возвращении его в случае бездетной смерти жены в ее род, 1665 года; или запись Настасьи Лысковой-Чертовой митрополиту Даниилу о получении денег за растраченное приданое из вотчины мужа, взятой митрополитом за долги, 1525–1526 гг.; или

запись крестьянина Ивана Карпова, данная им протопопу Суздальского собора Петру с братией, о воспитании им, Иваном Карповым, пасынка Василия и отдаче его в крестьянство по вотчине его матери, 1678 г.; или запись Никиты Нелидова Григорию Завороткову о соблюдении условий коротомной, данной прежним владельцем на променянную землю, 1700 г.; или запись Кондратия Расторгуева архимандриту Воскресенского Новоиерусалимского монастыря Никанору с братией об уплате монастырю оброчных денег должными расписками самого монастыря, 1691 г.; или запись вологжанина Петра Григорьева купцу греку Петру Никулаеву, удостоверяющая выкуп его, Петра Григорьева, из плена с обязательством уплатить Петру Никулаеву выкупную сумму в 600 левов и т. п.²⁴⁰

Выявление типического формуляра данной группы актов значительно облегчается благодаря графически-статистическому методу расположения их клаузул в таблицы, которые наглядно обнаруживают соотношение клаузул данного вида. Вообще, графически-статистический метод анализа данного типа актов есть способ наглядного изображения более или менее устойчивого распределения или движения его элементов в пределах всей группы. При построении соответствующей таблицы она разграфляется в горизонтальном и вертикальном направлении, соответственно числу клаузул данной группы актов и числу самих актов; каждый акт в проанализированном составе его клаузул располагается в порядке места или времени на таблице, в одной и той же графе, составляющей горизонтальный ряд, причем каждая его клаузула, по возможности, помещается вместе с такими же клаузулами других актов той же группы в одной и той же графе, составляющей вертикальный ряд; каждый из таких рядов — горизонтальных и вертикальных — может оказаться более или менее непрерывным или прерывчатым, что явно обнаружит большую или меньшую устойчивость изучаемого типа формуляра. Таким образом, графически-статистический метод ана-

лиза типа данного рода актов сводится к построению двух таблиц, иллюстрирующих изменения, происходящие в формуляре актов в зависимости от места и от времени их составления; изложение технических приемов их построения потребовало бы слишком много времени для того, чтобы останавливаться на нем здесь; можно заметить только, что новейшие исследования о служилых кабалах, отступных и поступных, рядных и стоворных и т. п. основаны на приложении вышеозначенных принципов и приемов к изучению данных групп актов.²⁴¹

В образовании типического формуляра данной группы актов могут действовать двоякого рода факторы: обычно правовые и законодательные; общий формуляр некоторых видов актов вырабатывался в среде площадных подьячих или дельцов данного времени на почве обычного права и большей частью лишь в позднейшее время отчасти подвергался законодательной регламентации.²⁴² Такие выводы были сделаны, например, относительно служилых кабал: можно прийти к заключению, что площадные подьячие до того времени или не имели общего образца, по которому каждый из них должен был писать служилые кабалы, или, во всяком случае, не пользовались им одинаково, так как не соблюдали одной и той же формы при составлении акта. Судя по тому, что при внесении разнородных форм в записные книги крепостных актов, дьяки не делали затруднений и не требовали соблюдения одной и той же формы, можно предполагать, что обязательного для всех образца служилых кабал не существовало. Вместе с тем, однако, в колебаниях формы служилых кабал XVI—XVII вв. можно заметить и некоторое единообразие, если принять во внимание, что один и тот же подьячий обыкновенно придерживался в писанных им кабалах одной и той же формы. Действительно, наблюдая колебания в тексте вышеприведенных формул о службе во дворе, можно усмотреть, что они в довольно значительной степени зависят от личности

подьячего. В Новгородских кабальных книгах 1597 года, например, записано до 9 служилых кабал, а в книгах 1599–1600 гг. до 14 служилых кабал, составленных подьячим «Ондрюшкою» Федоровым: все они содержат одну и ту же формулу о службе за рост. Служилые кабалы другого подьячего «Третьячка» Никитина немногочисленны; их в тех же книгах записано только две: одна – в книге 1597 г., другая – в книге 1599–1600 гг., но каждая из них содержит клаузулу о службе без роста. Во всяком случае, на основании выше сделанных наблюдений, можно, кажется, прийти к заключению, что, если площадные подьячие при писании служилых кабал и после указа 1597 года не соблюдали одной и той же для всех равно обязательной формы, то все же, по крайней мере, каждый из них мог иметь нечто вроде частного «образцового письма», которому он и следовал при писании составляемых им актов, – впрочем, и в таком случае он не всегда придерживался одной и той же формы.

В то же время и частные лица, совершавшие юридические сделки, по-видимому, располагали такими же «образцовыми письмами»: в одном рукописном сборнике второй половины XVII века, содержащем, между прочим, переписку между неким Петром Игнатьевичем и Романом Вилимовичем, встречаются образчики заключения разных сделок, принятые, вероятно, во Пскове и, очевидно, представляющие из себя общие формы, так как они приведены без указания имен, надо думать, Петром Игнатьевичем в назидание Роману Вилимовичу; здесь имеются образцы «кабалы», «записи порядной извощицкой», «записи порядной, хто порядится льну поставить», а также «записи об отдаче торговым человеком сына своего иноземцу с тем, чтобы он кормил, одевал и обувал его, а сын мог бы отойти, отдавши платье и обувь ему, иноземцу»; в мировых записях, писанных для Архангельского монастыря «у города стрельцом» Гаврилкой Курдумовым 1630 года, обнаруживается, за

исключением, конечно, имен контрагентов и послугов, полное сходство и т. п.²⁴³

В Московский период нашей истории официальные формулярники, т. е. сборники образцов формуляров частных актов, вряд ли существовали: известен только один сборник митрополичьих грамот, дошедший до нас в нескольких списках; они хранятся в Синодальной Библиотеке (оригинал XV в.), а также в Публичной Библиотеке (из собрания графа Ф. Толстого) и в собрании гр. А. С. Уварова (из коллекции И. Н. Царского); отрывки такого же сборника помещены и в Четьях-Минеях митрополита Макария.²⁴⁴ Единственная общая мера касательно регулирования правительственной властью формуляров частных актов того времени касается служилых кабал и относится к 1680 году. Указ, установивший новый формуляр служилых кабал, появился вскоре после производства новой переписи и после известного указа о том, чтобы «всякие дела ведать одним воеводам». Этот указ, надо думать, был вызван желанием Московского правительства ввести, наконец, в формуляр служилой кабалы условия, соответствующие изменившемуся положению кабалных холопов, а также правилам, давно уже высказанным в прежних узаконениях, и его стремлением сделать такой формуляр общеобязательным. В царском указе Елецкому воеводе от 15 мая 1680-го года говорится, что «в городах записывали служилые кабалы... в губных избах губные старосты, а ныне указали мы, великий государь, служилые кабалы... записывать в городех воеводам и приказным людям по нашему, великого государя, указу и по Уложению, спрашивая перед собою на лицо и в рожу и в приметы, описывать именно, а в служилых кабалах денег и росту не писать». Таким образом, указ 1680 г., упраздняя клаузулу о займе, в то время, вероятно, уже имевшую скорее фиктивное, чем реальное значение, не подкрепляет этой меры ссылками на какой-либо предшествующий указ. Вместе с тем указ 1680 года вводит в устанавливаемую форму

служилых кабал известное условие о службе «по живот» господина, что видно из приложенного к нему «образцового письма», в котором было указано, «как служилые кабалы писать». ²⁴⁵

В эпоху преобразований общие правила писания частных актов, особенно в их удостоверительной части, начинают формулироваться и в законодательстве. Указом 30 января 1701 года, например, великий государь повелел «всякие крепости прилучающиеся в державе нашего государствия для пополнения в собрании нашей Великаго Государя казны, а паче для ослабы всенародныя волокиты и тягости и лучшаго усмотрения писать по прежнему своему Великаго Государя указу, в палатке Ивановския площади, особливо на то прибранным подьячим двадцати четверем человеком; а в приказах и в Ратуше никаких крепостей не писать, и ведать те крепостные дела и подьячих во Оружейной палате... А вместо послухов писать во всякие крепости по состоятельному своего Великаго Государя указу, прошлаго 208 года декабря 9 дня, свидетелей, людей добрых и знатных, усмотряя приличества крепостей, где сколько человек пристойно, и ручником в прикладыванье рук своих описывать имянно, что они такая сделки чинили при тех знатных свидетелях, также и свидетелям чины свои и зделки в прикладыванье рук своих описывать имянно ж, чтоб в том всякое усмотрительное было укрепление; а в больших крепостных делах незнатных и бездомовных людей имянно и в малых делех не описав чина, ни в какие крепости во свидетельство не писать, и того всего со опасным хранением смотреть крепостных дел подьячим; а буде их подьяческим для каких бездельных прибытков пронырством в письме крепостей явится какое поползновение, и таким из них по розыску чинить смертную казнь; а о собрании своей Великаго Государя казны за письмо крепостей и о пошлинах и о прибрании подьячих и о ином предложении, быть всему по вышеозначенным статьям, и записныя всяким крепостям книги изо всех приказов

и из Ратуши, с состоятельного 208 году указу, взять в Оружейную палату, и о состоянии сего своего Великого Государя именного указу послать памяти и с статей списки во все приказы и в Ратушу; а для домашнего прокормления тех крепостных дел подъячим давать своего Великого Государя жалованья из сборных денежной казны крепостных дел по усмотрению той казны собрания; и для показания в тех крепостных делах всякого усердия и верности, привести тех подъячих к вере, и с состоятельного своего Великого Государя указу и с статей дать им наказ за дьячиею приписью, написав в нем со всяким пополнением под жестоким страхом, и сей свой Великого Государя именной указ, записав в книгу, держать во Оружейной палате, и во всех городех державы Государствия своего чинить о всем по сему ж своему Великого Государя указу. А о письме в городах в различии всяких крепостей и о присылке во Оружейную палату записных крепостных книг, сколько в месяц и в каких делах и от кого и кому крепости писаны, и кто у тех крепостей свидетели, быть по состоятельному своему Великого Государя 208 году Декабря 9 дня указу». ²⁴⁶ Несколько позднее, 6 ноября 1705 года, обнародован другой указ, еще точнее регулировавший писание частных актов в их удостоверительной части. «Всякие крепости, — читаем мы здесь, — писать подобием всяких приказных дел, против прежде состоявшегося... именного указа на листах, а не на столбцах; руки прикладывать, кто дает на себя крепости до тех слов (как написано будет все дело по договору в крепости до тех слов) как писывалось прежде; а у сей купчей или записи или иной какой крепости свидетель, и не писав того, и не оставивая при последней строке места в ряд, как и выше писано, равными строками; а потом в ряд же, не оставивая, подписываться поручикам и свидетелям, а подъячему, которой крепости писал, подписываться после всех свидетелей. И под тем подъяческим именем, не оставивая ж места, о взятии с числа с нее денег и о

записке в книгу подписывать по обыкновению с годом и с числом и с именем своим надсмотрщику, а при начале крепости имен поручиковых не писать (а писать в оных тако от лица того, кто на себя крепость дает: а поручики по мне нижеподписавшиеся, и кто подпишется, тот и поручик). И сим определением подписываться с низу крепости велено для того, что многие прежде сего дав слово, что ручаться готовы, и, по их словам, имена их в запись напишут, а потом, хотя один из многих ручаться не похочет или куда отлучится и за тем переписываются крепости вторично, от чего чинились лишния продолжения и убытки». ²⁴⁷

Вышеприведенные указы еще не давали, однако, каких-либо общеобязательных форм для писания частных актов. Под влиянием великобританских и голландских порядков известный прожектер Салтыков, правда, уже в 1714 г. предлагал установить их ввиду фискальных целей; в одной из своих пропозиций — о печатных крепостях, о разных, сиречь о заемных кабалах, о вотчинных, о поместных записях и купчих, о духовных, о жалованных грамотах на поместья и вотчины и на всякие разные чины и о прочих всяких записях — он писал нижеследующее: «...велеть прежде написать образцы всяких вышеписанных крепостей со всякими окрестностями и осторожностью, что ни есть, чего касается в делах между всякого чина и состояния людей, а промежки для имян и чинов их и неустоек числа денежнаго, также числа годовоя, месячных и дневных; и велеть те крепости печатать литерами и потому продавать тем, которые будут каких требовать, по уреченному числу, в чем будет поспешность в делах таких, также и площадным будет не такой труд; а по сочинении таких крепостей, велеть их записывать в книги по старому указу, для всяких впредбудущих споров». ²⁴⁸

Предложение Салтыкова о введении «печатных крепостей» осталось, однако, без дальнейших последствий, и только позднее, в 1738 г. июня 8, была обна-

родована особая инструкция надсмотрщикам: она содержит ряд образцов для наиболее обычных документов: форм прихода-расходных, записных книг и счетов.²⁴⁹ Отсутствие утвержденных правительством формуляров восполнялось по-прежнему частными сборниками: старинные «письмовники» содержали, например, образцы разного рода писем, в том числе и купеческих; они получили довольно широкое распространение в XVIII веке.²⁵⁰ В приложении к книге «об актах крепостных», вышедшей в начале XIX века, например, были напечатаны образцы рядной, отдельной и раздельной; купчей и запродажной; заемного письма и векселя, заемной закладной и закладной, контрактов по найму людей и имущества, по отдаче в учение и порядку, а также формы «дареной записи», духовной и отпускнуной.²⁵¹

§ 3. Юридический анализ

В сущности, без предварительного понятия об общем характере той юридической сделки, которая облечена в письменную форму частного акта, нельзя уразуметь его смысл: юридический анализ уже нужен для того, чтобы признать данный документ частным актом, и с такой точки зрения мы рассматриваем, например, вышеуказанные «прощальные грамоты» или «заветы» духовных лиц. «Прощальные грамоты» митрополита Киприана 1406 года, «заветное писание» вятского и пермского архиепископа Ионы 1699 года и т. п. преподают духовно-нравственные размышления и наставления, которые по воле почивших пастырей церкви читались при погребении в назидание прихожанам и, в сущности, вовсе не содержат распоряжений о их имуществе на случай смерти. Между тем под «духовным завещанием» наш Свод понимает «законное объявление воли владельца о его имуществе на случай его смерти». «Прощальные грамоты» и «заветные писания», очевидно, не подходят под та-

кое определение, да и самими их составителями не назывались духовными завещаниями; значит, присвоенное им позднейшими писателями и издателями наименование – неправильно: строго говоря, их нельзя причислить к частным актам.²⁵²

При помощи юридического анализа можно также точнее провести границы между публичным и частным актом, усмотреть в публичном акте значение частного, поскольку он удостоверяет частные права, разграничить в некоторых смешанных по своему содержанию актах публичноправовые элементы от частных, например, в старинных духовных наших князей, в «выборах» в священники и т. п.²⁵³ Вместе с тем, пользуясь юридическим анализом, легче установить, в чем именно состоит юридическая сделка, о которой говорится в акте, укрепляет ли он возникновение какого-либо правоотношения, подобно, например, древней отводной, или его изменение, подобно, например, заемной-закладной, или его прекращение, подобно, например, одной записи о размене складными.²⁵⁴ Между тем общий характер юридической сделки уже обуславливает и порядок, в котором расположены клаузулы данного формуляра, а значит, и его построение (см. выше).

Для того, чтобы уразуметь сущность самих частных актов, необходимо иметь в виду то юридическое значение, какое приписывалось им в древности, и, исходя из него, выяснять их смысл. В сборниках актов встречаются, например, акты, которые редакторы называют отводными; далеко не все из них, однако, действительно являются таковыми, т. е. памятьми о реальном отводе земли, передаваемой в силу какого-либо юридического титула одним лицом другому: в «Актах Юридических» было напечатано 8 «отводных», но из них четыре оказываются разъезжими, а не отводными; в «Актах, относящихся до юридического быта» из шести «отводных» лишь одна может быть признана действительно таковою и т. п.²⁵⁵

Юридический анализ получает дальнейшее при-

ложение и при выборе того из старинных наименований акта, которое всего точнее выражает его юридическое значение, а не бытовое содержание: недавно, например, появилось любопытное исследование о будто бы новом виде «вымученных» служилых кабал; но такого вида нельзя установить: служилые кабалы назывались иногда «вымученными» по реальным условиям их возникновения, так как выдавались насильно, вымучивались господами у нуждающихся или беззащитных людей и т. п.²⁵⁶ Старинные наши акты часто сами себя называли не только по роду сделки, но и по конкретному содержанию ее объекта, что и приводило к двойному их наименованию, например: «по-емная деловая», «поскотины дельная» и т. п.²⁵⁷ В таких случаях главный термин нельзя заменять второстепенным, находящимся в довольно случайном отношении к объекту сделки: при квалификации «отступных-посильных», например, следует иметь в виду, что акты подобного рода, в сущности, отступные, вероятно, на «княщинные земли», которыми они владели не на праве полной собственности и объектом которых служило «посилье», в качестве того именно, к чему они приложили свой труд и от чего они при заключении сделки «отступаются» за известное вознаграждение.²⁵⁸ Бывали случаи, когда главный объект сделки настолько заслонялся второстепенным, что акт получал свое наименование по последнему из них; акт, содержащий договор найма с задатком, например, назывался иногда «задаточной памятью»; акт, удостоверявший взятие на срок одним лицом у другого жалованных грамот для предъявления их в суд и обеспеченный крупной неустойкой, именуется «зарядной записью» и т. п.²⁵⁹

Юридический анализ дает также возможность проводить различие между более или менее однородными актами, которые иногда смешиваются, или между составными элементами одного и того же акта. В одном из лучших сборников частных актов, например, было напечатано несколько актов под наименовани-

ем «порядные зарубежных выходцев», хотя они сами себя называют «ссудными»; в данном случае редактор смешал крестьянские порядные с ссудными записями, что едва ли могло бы случиться, если бы он обратил внимание на то, что в основе порядных, в сущности, лежит договор найма, и притом в старейших – найма земельного участка, а в основе ссудных – договор займа, надо полагать, беспроцентного, хотя каждый из таких договоров и осложнялся другими условиями; слишком мало различая юридическую природу вышеназванных видов, он смешал один из них с другим, чем ввел в заблуждение даже позднейших историков права.²⁶⁰ В составе одного и того же вида актов также приходится различать некоторые элементы, разнородность которых ускользает от внимания исследователя, пренебрегающего юридическими категориями. Старинные купчие, например, часто оказываются вместе с тем и отводными: «при купле-продаже (земли) считалось излишним составлять об отводе особую грамоту: описание договора и описание отвода (т. е. акта реальной передачи самого земельного участка) соединялось в одной грамоте. Действительно, в целой массе купчих мы находим указание на акт отвода, на отводчика и на свидетелей отвода». В таких случаях сами акты признают себя и купчими, и отводными в известной клаузуле: «а ся купчая и отводная на ту землю».²⁶¹

Аналогичного рассмотрения требуют и некоторые записи, более или менее сложные по своему составу, например, запись о пожизненном владении половиной монастырского села и другой половиной того же села, променянной вкладчиком с обязательством продать выменянные в другом уезде пустоши и вырученные деньги дать вкладом в тот же монастырь, 1674 г. сентября 28.²⁶²

В некоторых случаях юридический анализ дает иное определение акта, чем дипломатический, а именно в тех, когда юридическая сделка, запрещенная или затрудненная законом, прикрывалась более приемле-

мой формой акта другой разновидности: вкладные в монастырь, например, прикрывали иногда купчие на земли, заключение которых было запрещено известными указами.

Наконец, юридический анализ облегчает понимание и того развития, которое обнаруживается в данном виде актов, его типическом формуляре и т. п.

Выше было уже указано различие между памятью, в смысле акта с осведомительным характером, и крепостью, в смысле акта с удостоверительным характером, различие которых, очевидно, основано на юридическом анализе их значения, причем оно, может быть, намекает и на то преемство, в каком указанные формы следовали во времени, т. е. дает некоторое понятие о развитии частного акта вообще и главнейших его периодах. С такой точки зрения можно рассматривать и историю отдельных видов частных актов, например, купчих. Древнейшие известные нам купчие XIV—XV вв. писались от лица покупателя, а не продавца: в одной из белозерских купчих, писанных до 1427 года, притом лишенной (судя по печатному ее тексту) удостоверения, например, мы читаем: «Се яз Кирило игумен купил есмь у Иван у Евсевиева сна в дом Прчстыи Бци и чстнаго ея успения и своеи брати и кто будет по мне игумен землю Захарьинскую со всеми оучасткы, что потянуло к тои земли, и с пожнями и куды топор ходил и куды коса ходила, и с наволоком с Зориньским, что на Порозобице на реки». ²⁶³ Аналогичный формуляр часто встречается и в новгородских купчих XIV—V вв.; он составлен по схеме: «Се купи» такой-то у такого-то (далее следует описание земли и ее межи)... «А на то послухи...». Такая грамота, очевидно, имела скорее значение памяти о происходившей сделке купли-продажи, послухи которой могут в случае нужды быть вызваны в суд для свидетельствования того, что она (т. е. сделка купли-продажи) действительно состоялась, чем значение формального доказательства против возможных притязаний со стороны прежнего соб-

ственника продавца. Последующие купчие с XVI века, наоборот, пишутся от лица продавца, причем начинают снабжаться его подписью, а также рукоприкладствами послухов; такое превращение объясняется, надо думать, тем, что купчая стала формальным актом о передаче продавцом своего права покупателю и уже обладает доказательной силой на суд.²⁶⁴ Юридическая конструкция акта, как видно, оказывала непосредственное влияние на формуляр акта, дипломатическим анализом которого, значит, нельзя удовлетвориться.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Синтез частного акта

Синтез акта состоит в выяснении того, что придает ему некоторое единство: цель, ввиду которой акт составлен, обуславливает, например, то, а не иное соотношение его элементов; интерес, удовлетворению которого он служит, придает ему более или менее цельный характер и т. п. В самом деле, с такой именно точки зрения легко понять, почему данный акт является, положим, духовной, а не вкладной, заемной, а не служилой кабалой, закладной, а не купчей и т. п.; почему в данном акте понадобились те, а не иные клаузулы, и, наоборот, опущены другие и т. п. Если исходить, например, из предположения, что порядные в крестьянство писаны преимущественно ввиду интересов землевладельцев, а не самих крестьян, то станет понятным, почему они содержат, главным образом, обязательства крестьян по отношению к помещикам, а не обязательства помещиков по отношению к крестьянам; лишь очень немногие из них (да и те поморских уездов) предусматривают те правонарушения, какие могут последовать со стороны землевладельцев, а не одних только поряжающихся в крестьяне или половники, и сопровождают их соответствующими санкциями.²⁶⁵ Аналогичные наблюдения можно сделать над заемными. Если исходить из положения, что древнерусский заем был договором, устанавливавшим известные отношения к вещи, а не к лицу, и что содержание договора заключалось в том, что должнику на время давались деньги или потребляемые вещи (например, рожь), а не в том, что должник обязывался возратить их назад в том же количестве и качестве, то и некоторые проблемы и особенности наших древних заемных станут понятными. Ввиду

того, что наш старинный договор займа имеет только вещное действие, а не обязательственное, и что он устанавливает передачу денег, а не обязанность заплатить взамен их равноценную им сумму денег, такая обязанность, лежащая вне его и вытекающая не из договора, а из правила о возвращении собственнику взятых у него вещей, часто даже не упоминается в заемных кабалах; например: «Се яз Яким Перфирьев сын, да яз Ярыга Дмитриев сын заняли есмя у старца у Ионы... ржи четыре четверти с января 11 да до Семена дня без насоп. А поляжет хлеб по сроце, ино дать на пять шестая. А где ся кабала застанет, тут по ней и правеж...» В тех же случаях, когда отдача долга упоминается, она в качестве не необходимой части договора все же играет в нем второстепенную роль и соответственно оговаривается в самом акте как своего рода альтернатива или подробность: пашенный крестьянин Исак Марков, занявший 80 рублей у старца Якутского Спасского монастыря Савватия в 1678 году, например, обязался в срок «Христова Велика дни» того же года «за те деньги дать» своему кредитору полтораста пудов ржи; но тут же прибавляет: «а буде я Исай на тот срок ржи не отдам... и отдать мне, Исаю, те деньги назад лицом».²⁶⁶

Соответственно вышеуказанному различию между актами с осведомительным характером и актами с удостоверительным характером, можно думать, что и единство акта достигалось в них различным образом. Память о происшедших юридических событиях, очевидно, должна была иметь в виду «драму» или дело совершения их преимущественно в той последовательности, в какой они происходили в действительности; драматизм, состоявший в смене одних действий другими, частью до возникновения, частью при совершении сделки, соответственно отражался и в самом акте; он отличался скорее повествовательным, чем собственно юридическим характером. В одном из документов, названном «списком з даные» и попавшем в известный сборник Кирилло-Белозерского монастыря, на-

пример, мы читаем: «Княж Федоров Белозерского боярин был Семен Баба в Чюровских а те пожни были того боярина Семена и у того Семена женился Иван Есипль сЫрдомы и те пожни дал в приданых и на того Ивана ударила беда и тот Иван те пожни продал попу Саве Ирдомскому и у того попа отрода не было и его попад(ь)я Настас(ь)я велела те пожни дати в Кирилов монастырь по своих душах». ²⁶⁷ Трудно сказать, представляет ли из себя вышеприведенный документ настоящую данную, тем более, что список не указывает на его удостоверение; но и в качестве памятной заметки о данной попадьи Настасьи он, очевидно, передает ее содержание, последнее, однако, явно отличается повествовательным характером, единство акта – в рассказе о том, какой судьбе подверглись пожни белозерского боярина Семена Бабы, пожертвованные попадьей Настасьей в Кирилло-Белозерский монастырь.

К нарративному элементу примешивается иногда элемент императивный, все еще не переходящий в юридическую форму. В данной чернеца Алексея Николаевскому Чухченемскому монастырю на земли на Малом острове, XV века, например, мы читаем: «Се далъ Алексъ чернець стму Николи і веке землю Захаркинскую і пожни куплю свою на Малом островки в нижном конци с верхънего конца орамая земля от Степановы земли Федоровича і пожня лог і кут весь, а очны своеі оучастокъ весь свої приказаль Василеі братьї володете до моего живота, а по моем животе отдайт[е – А. Л.-Д.] братья моя очну мою отдайте земли і пожни стму Николи і веки». ²⁶⁸

Такой же драматический характер отчасти сохранился и в более древних актах с удостоверительным характером, например, в отводной Кирилло-Белозерскому монастырю на деревню Петроковскую, 1448–1468 гг.; здесь мы читаем: «Се яз Григорей Львов сын, что дал есмь пустошь, деревенку в Кивойце Петроковскую в дом Пречистой Богородици в Кирилов монастырь игумену Касияну с братьею, по своих роди-

телех, — а на отвод той пустоши дал есми ключника посельского Баткова, черньца Федюка Старого Онтонова. И Федюк чернец отвел ту землю старцу Игнатью Туру Кирилова монастыря: от Кивой реки, подле курган, по враг к лесу, да лес к великому мху, по великой мох к великому бору, да со мху долом прямо через поперек бору к грановитой сосне, от грановитое сосны прямо на долок, на мошок к реке Кивою вниз до того-ж врага, что подле кургана. А на отводе были... А сю грамоту отводную писал...».²⁶⁹ Такой же характер безыскусственного рассказа носит на себе одна из старейших меновных, изложенная следующим образом: «Се яз Иларион, келарь Сергеева монастыря, менил есмь с игуменом с Афанасьем Стромьньским пустошми: взял есмь оу него пустошь Касьяновскую оу Сольци оу Переяславские на Хупани, а ему есмь дал в Воре пустошь Белавиньскую монастырскую. А на то послуси: Михаило Офонасьевич да Сергей старец казначеи, да Васьян старец Хихилев. А грамоту писал сам игумен Афанасеи Стромьньский».²⁷⁰

В более развитой форме акт с удостоверительным характером, именуемый «крепостью», логически раскрывает юридическую идею той сделки, которую он удостоверяет: взамен рассказа о том, что происходило при совершении ее, он заключает в себе совокупность связанных между собою важнейших ее условий, проистекающих из нее юридических последствий и т. п. В противоположность той данной [? — А. Л.-Д.], которая приведена была выше, возьмем, например, несколько позднейшую данную Михаила Дехова Архангельскому монастырю на его «жеребий» в Касокурье 1550 года, формулированную следующим образом: «Се яз Михаило Дементиев сын Дехов дал есми святому архистратигу Михаилу в дом вотчину свою в Касокурьи свои жеребеи шестую долю, что ми от брати з делу досталось на поминане. А поминал бы пожаловал игумен Архангилской с крилосом Михаила Василя Еуфимя. А в очищени тем пожням тому жеребю яз Михаило. А на то послуси Василеи Михайлов сын

Хвостянского да Пахом Ермолин сын. А данную грамоту писал Миронец Климентиев сын лет 7058-го августа в 7 день». ²⁷¹ Впрочем, синтетическая связь обнаруживается не только между элементами одного и того же акта, но и между несколькими актами, особенно теми, которые можно назвать дополнительными или соотносительными друг к другу.

Вообще, если из двух актов один формулирует реальную или мыслимую часть другого в более развитом ее виде, последний называется дополнительным актом. ²⁷²

Положим, что акт А состоит из частей $a_1, b_1, c_1, d_1, \dots, k_1, \dots, n_1$ и что, следовательно, $A = a_1 + b_1 + c_1 + d_1 + \dots + k_1 + \dots + n_1$. Если часть k_1 развилась в особый акт К, то последний и оказывается дополнительным к А актом. Впрочем, смотря по тому, какая именно часть А выражена в К, последний получает более или менее значительный смысл. Ясно, что в качестве дополнительного акта К не может заменить главный акт — А: ведь k не может быть главной частью А, ибо в таком случае выделение k из А равносильно было бы уничтожению А, что не соответствует условиям задачи; следовательно, k должно быть такой частью А, которая имеет более или менее второстепенное значение, что соответственно отражается и на К. Второстепенное значение К выясняется в отношении его к k : если составные части А суть клаузулы, и, следовательно, k имеет клаузальный характер, то К получает разный смысл в зависимости от того, а) представляет ли К раскрытие того реального содержания, которое примышляется в k ; б) содержит ли К самую клаузулу k в более развитой ее форме, удостоверяемой им.

В случае (а) К, в сущности, имеет скорее характер прилагаемого к А документа, разъясняющего реальное содержание его клаузулы k . В рядных, устанавливающих условия о приданом, например, перечисление его нередко выделяется в особый документ, где подробно описывается имущество невесты. Такую

роспись к рядной едва ли можно признать, однако, особым актом: она состоит из простого перечня различных частей имущества, которые выдаются за невестой; документ подобного рода не получает, однако, вида формального акта, который сам по себе удостоверял бы совершение какой-либо сделки. Аналогичные росписи к раздельным, к духовным и т. п. также известны: к духовной гостя Г. Фетиева приложено даже несколько таких росписей.²⁷³

В случае (b) К получает значение такого именно акта: клаузула к выражается в нем в ее юридическом значении и обыкновенно в более развитом, чем в А виде; документ надлежащим образом удостоверен и т. п. К своей духовной, писанной около 1486 года, князь Михаил Андреевич Верецкий присоединил восемь дополнительных актов с удостоверительным характером; каждый из них излагает или развивает в самостоятельной форме одну из клаузул основного акта и содержит распоряжение относительно особой части его имущества; в основном акте, например, князь Михаил Андреевич приказывает «долг свой заплатить и все розправити по своем животе» великому князю Ивану Васильевичу, присовокупляя: «а где ми что долгу дати, ино тому список за моею печатью и за подписью дьяка моего»; а в дополнительном акте, который сам себя называет «приписным списком», он подробно излагает свои распоряжения касательно уплаты его долгов и невзимания «его денег в его селех в ростех и в пашни и на ком ни буди», удостоверяя «сесь список» приложением своей печати и подписью его духовника Ивана «печатника».²⁷⁴ В порядных, например, часто встречается условие о подмоге; такое условие, правда, в очень редких случаях составляло содержание отдельного акта, именуемого подможной записью.²⁷⁵ В «сдаточных» на поместья вдова, сдавшая свой прожиточный участок лицу, которое отбывало с него государеву службу, обыкновенно выговаривала себе право получать от него прокормление и т. п.; такая клаузула развивалась иногда в са-

мостоятельный акт. Данные, купчие и т. п. обыкновенно содержали клаузулу о родовом выкупе («а роду нашему не выкупити» и т. п.), а также клаузулу об «очистке» земли от притязаний на нее сторонних лиц; встречаются, однако, и особые «отписи» об отказе родственников от права выкупа отчуждаемого имущества и еще чаще «очищальныя записи» и т. п.²⁷⁶ На обороте купчей на село Курьяново Волоцкого уезда, проданное Дмитрием Оладьиным князю Ивану Хованскому, 1546 года продавец пишет: «по сей купчей грамоте [заклучавшей и клаузулу об очищении земли — *А. Л.-Д.*] я Дмитрей свою вотчину и село Курьяново продал и запись в очищение дал...». Впрочем, бывали случаи, когда в основном акте одна из таких клаузул отсутствовала и получала выражение в особом акте. Таковы, например, приписанная к двинской данной чернеца Алексея Николаевскому Чухченемскому монастырю на земли на Малом острове отступная его родственников Игнатия Ларионова и других лиц тому же монастырю на его вотчину на Нарье и в других местах, XV века; предъявленная Иваном Шереметевым вместе с заемной-закладной князя Андрея Ноздроватого «очищальная запись» 1544 (7052) г., в которой он писал: «а явитца на ту отчину мою кабала или иная которая крепость ни буди, и мне, князю Ондрею, та вотчина очищати, а Ивана убытка не привесть» и т. п.²⁷⁷

Такая синтетическая связь еще более заметна в пределах группы актов, облакающих какое-либо юридическое целое в письменную форму, причем каждый из них соответствующим образом отражает в себе одну из его частей: акты подобного рода можно назвать соотносительными. Соотносительные акты писались, например, по поводу вклада в монастырь: вкладчик выдавал монастырю вкладную на пожертвованное им имение, а монастырь, по крайней мере, во многих известных нам случаях, в особой «памяти» или записи [? — *А. Л.-Д.*] свидетельствовал о получении им вклада. Во «вкладной» Микулы Кистенева

Троице-Сергиеву монастырю 1616 года, например, мы читаем: «и Троецким властем пожаловати на тот мой двор прислати из монастыря мне монастырская казенная вкладная». Такие вкладные, выданные монастырем вкладчику, действительно, сохранились, например, важская вкладная, выданная игуменом Богословского монастыря с братией вкладчику Ивану Пышке за его вклад, с указанием тех условий, на которых он может быть принят в монастырь, и т. п.²⁷⁸ При заключении брака обыкновенно писали два акта – рядную и сговорную: рядная содержала договор о приданом, сговорная определяла, главным образом, срок свадьбы.²⁷⁹ При порядке в крестьянство на какой-либо «жеребей» землевладелец выдавал, правда, в очень редких случаях, крестьянину «запись, что ево не изгонити и никакова насилства над ним не учинить», соотносительным актом которой являлась, конечно, порядная, выдаваемая крестьянином помещику.²⁸⁰ При переоброчке земли, впрочем, осложненной некоторыми новыми условиями, также составлялись «обменные письма», составленные от лица каждой из сторон и излагавшие взаимные их права и обязанности: такими «письмами» или «договорными крепостями» обменялись, например, архиепископ Устюжский Александр и гость Василий Грудцын на деревни Сигово, Кишкоедово и Ирхино в 1692 году.²⁸¹

В некоторых случаях исполнение юридической сделки или ее юридические последствия порождали составление актов, которые можно также причислить к соотносительным. В 1598 году, например, Авдей Шешенин выдал Николаевскому Корельскому монастырю данную отпись по духовной Семена Колобынина на половину его пожни в Заозерье. В случае просрочки заемных-закладных писались иногда особые поступные на заложенное имущество. В одном из известных случаев такой акт писан на обороте просроченной закладной Никиты Некрасова Моисею Конанову 1612 года, причем, вероятно, ввиду того, что должник поступает в пользу кредитора своей землей «в

дернь», сам акт называет себя «подеренком». Приведем его текст: «Се яз Никита Стафеев сын Некрасов не могл есми на срок 35 рублей денег подняти и яз Никита по сей закладной то свое владенье, вотчину свою на Шетове горе, в Медведевской деревни в трети два жеребья, и подернил за теми ж денгами Мосею Конанову сыну. А подернил ту свою землю в дернь без выкупа и без пятки; да и дела мне Никиты нет до той до своей земли и до всех угодей и до двора и до подворной земли. А на то послуси: Тимофей Кирилов сын Павлова да Иван Григорьев Дубинин, оба с Пукшенги. А подеренок писал Николской дьячек Пукшенские волости Ивашец Дементиев лета 7121 году декабря в 30 день».²⁸²

Наконец, синтез актов можно иллюстрировать еще процессом их слияния: в одном и том же акте, например, данной или купчей, в сущности, соединялись элементы данной и отводной, или купчей и отводной. В одной данной Матвея Иванова, писанной по приказу отца своего и «в брата место» на отцовскую вотчину, после описания ее местоположения на Вагине острове да на острове на реке Большой Двине мы читаем: «А ся данная грамота и отводная на ту нашу вотчину...». Гораздо чаще такая связь обнаруживается между купчими и отводными: в новгородской купчей Киприана Павлова на вотчину Павла Григорьева на Ижме, XV века, мы, например, читаем: «...А на то послухи: Василей Григорьевичь, Тимофей Яковличь, Иван Васильевичь. А на отводе земли был: Василий Филимоновичь, да Иван Федоровичь да Степан Омосовичь...». Наличие разных свидетелей, присутствовавших при совершении сделки купли-продажи и отвода, ясно показывает, что они различались друг от друга; но вместе с тем из вышеприведенного примера, подкрепляемого многими другими, видно, что описание договора и описание отвода соединялось в одной и той же грамоте. Такое сочетание, надо думать, оказывало влияние и на формуляр купчих, представлявших из себя вместе с тем и отводные «на ту

землю»: известны, например, купчие, в которых указываются лишь послухи сделки, а не послухи отвода, причем отводчик земли («а землю завел», т. е. сам продавец) иногда упоминается, а иногда не значится; и, наоборот, встречаются купчие, в которых нет имен послухов, бывших при заключении сделки, и приведены имена послухов при отводе; такие пробелы, может быть, объясняются тем, что в случаях подобного рода послухи сделки и послухи отвода были одни и те же и что имена их соответственно подразумевались.²⁸³

В связи с вышеуказанными принципами и методами синтеза частных актов нельзя не указать еще на следующий: подобно всякому другому проявлению социальной жизни, частный акт, вообще, является продуктом данной культуры и, значит, получает в своих элементах или в своих отношениях к другим актам более или менее выдержанное единство в зависимости от большей или меньшей цельности той культуры, которая обусловила его строение и развитие. С такой точки зрения, наши древнейшие частные акты отражают на себе, например, разнообразие тех культурных областей, к которым они принадлежали, и постепенно отливаются в единообразные условные формы по мере политического объединения отдельных культурных центров под политическим главенством Московских государей. До возвышения Москвы можно различить, например, особые типы актов новгородских, традиционные черты которых отражаются в поморских, а также московских и т. п. По водворении Московского самодержавия местные особенности все более подчиняются общим нормам, и московские типы получают преобладание над остальными. В частности, такой процесс легко заметить, например, относительно служилых кабал: древнейшие из известных нам служилых кабал — рязанские — отличаются некоторыми чертами от позднейших московских, например, клаузулами, родственными с теми, какие встречаются в заемных (см. выше); но рязанский тип вслед за тем вытесняется московским. Между служи-

лыми кабалами Новгородско-Псковской области нельзя не заметить некоторого сходства. В отличие от «московского» типа, например, основной их текст состоит обыкновенно только из двух клаузул: вторая и третья клаузулы сливаются здесь воедино, благодаря чему и смысл их несколько изменяется. Тем не менее, между обеими группами нет полного сходства: в новгородских актах выражение «за рост» часто встречается, в псковских оно, кажется, вытесняется другим, а именно «за деньги»; такое предположение подтверждается еще тем, что псковские формы (а именно те, в которых имеются пояснительные указания на «истину и рост») соответствуют формам с выражением «за деньги». Московские формы служилых кабал постепенно проникают, однако, и в Новгородско-Псковскую область: при просмотре служилых кабал XVII века легко убедиться, что форма M_2 пользовалась значительным распространением: она встречается и в новгородских кабальных книгах 1597–1600 гг. и 1646–1650 гг., и, несколько позднее, в псковских книгах; в книге 7127 года, в которой мне не попалось служилых кабал формы M_1 , можно, например, указать целый ряд актов, или подходящих к форме M_2 , или близких к ней по формулировке третьей клаузулы; такая же форма часто встречается в псковских книгах 7134–7136 гг. и других годов, в том числе и в несколько позднейших, например, 7151–7152 гг.; судя по отдельным экземплярам, можно указать сходные формы и среди служилых кабал: московских, коломенских, костромских, ярославских, кашинских, хлыновских, каширских, тульских, бельских, зарайских, арзамасских и астраханских. Наконец, со времени введения Московским правительством в 1680 году общеобязательного формуляра для писания служилых кабал они пишутся большей частью по одному и тому же образцу. В самом деле, можно указать, например, на служилые кабалы, писанные по такой форме и на Ивановской площади в Москве, и в замосковных городах: Переяславле Залесском,

Суздале, Угличе, Кашине, Галиче, Костроме и Лухе; в многих южных, преимущественно украинских, городах: Туле, Кашире, Алексине, Белеве, Болхове, Перемышле, Козельске и Землянске; и в рязанских и понизовых городах: Переяславле Рязанском и Зарайске, а также в Нижнем Новгороде. Вместе с тем легко заметить, что подьячие одного и того же поселения в течение рассматриваемого времени почти не уклонялись от формы, изложенной в указе 1680 года. Можно привести, например, целый ряд служилых кабал, писанных разными подьячими Ивановской площади в 1680–1685, 1687, 1690–1694 и 1698 гг. и не обнаруживающих существенных уклонений от официально-го образца; то же единообразие и в служилых кабалах, писанных например, в Кашине в 1682 и 1689 гг., в Суздале в 1687 и 1693 гг., в Болхове в 1684 и 1688 гг. и в Белеве в 1689 и 1697 гг. Подьячие нижегородской площади: «Федька» Андреев, «Родька» Гаврилов, Николай Колмаков, «Ивашко» Кромин и «Андрюшка» Павлов в 1686–1687 гг., видимо, придерживались одного и того же образца. Таким образом, по мере политического объединения Московского государства водворяется и большее единообразие в форме служилых кабал, свидетельствующее о господстве позднейшего московского типа над всеми остальными.²⁸⁴

Аналогичная зависимость типа частного акта, в его целокупности, от данной культуры обнаруживается и при изучении двух видов крестьянских договоров с землевладельцами – порядных и ссудных: в то время, как порядные продолжают господствовать в Новгородско-Псковской и Поморской области, они уже уступили место в Замосковных городах ссудным. Впрочем, являясь продуктами культуры, данные типы актов могли зависеть не только от местных, но и от временных ее образований, что видно, например, кроме вышеприведенных примеров, из сопоставления древнейших новгородских или московских купчих с позднейшими и т. п.²⁸⁵

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Краткий очерк русской дипломатики частных актов, изложенный выше, намечает лишь в самых общих чертах ее содержание и объем: можно было бы, например, войти в гораздо более подробное рассмотрение составных частей частного акта и тех изменений, каким они подвергались по мере его развития; остановиться на подробном анализе формуляров важнейших разновидностей частных актов и проследить влияние, оказанное на них законодательными мерами; выяснить во всестороннем синтезе связь, в какой они находились с бытом и правом данного времени, а также их эволюцию и т. п. Впрочем, сделанных выше наблюдений и выводов, быть может, достаточно для того, чтобы в заключение высказать несколько замечаний касательно общего значения русских частных актов для понимания нашей исторической действительности.

Ввиду слабости государственной власти частные акты в древности являлись в значительной мере продуктами народного творчества: отражая в себе потребности и интересы обыденной жизни общества, они возникали из ее недр; государственная власть, постепенно получавшая самодержавный характер, все же оставалась на ее поверхности, была не в силах проникнуть в ее глубь и подчинить себе ее течение; она мало заботилась даже о выработке формуляров частных актов; в течение Московского периода нашей истории, например, правительство установило чуть ли не один только официальный формуляр служилых кабал, да и то лишь позднейшим указом 1680 года; остальные оставались почти не регулируемыми даже в последующем периоде: они складывались, скорее, на почве обычного народного права, хотя, разумеется, должны были сообразоваться с текущим законодательством.

По своему назначению и происхождению тесно связанные с народной жизнью частные акты содержать много ценных сведений о народной жизни: материальной и даже духовной.

Старинные наши частные акты имеют большое значение для истории хозяйственного быта. Духовные князей и частных лиц содержат, например, подробные сведения о движимом и недвижимом имуществе завещателей, о тех имущественных отношениях, какие существовали между ними и другими членами семьи, а также зависимыми от них «людьми» и сторонними лицами, об устройстве их хозяйства и т. п. Таковы, например, духовные великого князя Ивана Калиты 1328 года, Александра Белеутова 1472 года и др.²⁸⁶ Вкладные и данные, купчие и заемные-закладные и т. п. дают наглядное понятие об обращении поземельной собственности, о концентрации ее в руках крупных владельцев и т. п. Сборники Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского монастыря, акты Шереметевых и Дехтеревых, а также многих других лиц красноречиво свидетельствуют о таких операциях. Полные и служилые кабалы, жилые, порядные и ссудные дают понятие о развитии крепостного права, на почве которого стало складываться капиталистическое производство. В старинных записных книгах сохранилось много актов подобного рода: один из новгородских землевладельцев – Воин Афанасьевич Новокщенов, например, предъявил дьяку Д. Алябьеву 15 полных и докладных, а также 12 служилых кабал XV–XVI вв., по которым можно судить о его рабовладельческом хозяйстве и т. п.²⁸⁷ В свою очередь складные и позднейшие договоры об образовании компаний указывают на рост промышленного капитала, например, складная запись Максима Боковикова и Сергея Губина на торговлю в сибирских городах 1700 года, договор Апраксина, Толстого и Шафирова об образовании ими компании и т. п.²⁸⁸ Менее значительными, конечно, оказываются те же старинные наши частные акты для истории духовного быта. В духов-

ных, например, имеются распоряжения касательно образов и книг завещателя, которые иногда тут же перечисляются; таковы, например, духовная Мясоеда Вислого 1568–1570 гг., духовная Федосьи Ивановны Воложской 1652 (7160) г. и др.²⁸⁹ Сведения о грамотности попадают иногда и в других актах: в одной данной Чудову монастырю братьев Саввы, Федора и Ивана Семеновичей Муховых мы читаем: «А у сее данные моей Саввиновой Тороповой и моей братии Федоровой и Ивановой рук нету, потому что яз Тороп грамоте учился да не доучился и писати не умею, а братья моя Федор и Иван оба грамоте не умеют же; а вперед, будет братья моя грамоте и писати научатся, и им руки свои к сей данной приложить и в мое в Савиново в Торопово место».²⁹⁰ В некоторых случаях частные акты вскрывают нам и более глубокие нравственные переживания русского человека: в одной из дополнительных духовных князя Михаила Андреевича Верейского, писанной около 1486 года, мы читаем: «А что мои люди, кого буду чем пожаловал, пожалованьем и деревнями, – и государь бы мой князь великий после живота моего жалованья не порушил, чтобы мои люди после моего живота не заплакали».²⁹¹ Можно указать и на такие частные акты, которые, подобно, например, казенной вкладной (см. выше) Тихвинской обители вкладчику Ивану Феоктистову, давшему ей вкладом три короба стекол в 1679 году, явно претендуют на достоинства тогдашнего литературного стиля.

«При даянии же том своем усердном, благоговейный той муж Иоан, усерднейшу веру к Богу и к добродетелем желание неуклонное простираючи, просил тоя святыя обители настоятеля и братии, да соблаговоят ему под пастырством своим в той святой богоспасаемой ограде, егда время его призовет и святость их благоволит, жити: и да будет ему нетокмо телесное, но и душевное благодатишное спасительное пристанище от волн многмятежных мира сего святая та обитель; и аще усмотрять благоразсудне в нем удос-

тояющее его смиренномудрое послушание, с терпением, и беззловидную кротость и прочая яже монахом приличествующая, да облекут его во святой ангельский чин монашескаго образа, или да пребывает яко смотреливым своим разсуждением они богодохновеннии повелят отцы во всяком послушании и служении монастырьском, с терпением, безленостно и безропиво, питая тело свое крупичи избывающими от святых их трапезы, где их преподобное разсуждение повелит. Разрешшей же ся от телесе душе его, да сотворят память яко волить святость их и да впишется имя его в литию и в синодик в той святой обители, во еже бы святыми церковными молитвами и поминанми умилостивляючи Бога о душах отшедших, душе его от уз незрения лица Божия чрез грехи сплетенных ослабу приобрести, тело же его да предасться сродней земли при святей церкви в той же святей обители, да и от сих некую приметь утеху душа, якоже держит святая церковь. И к' сему его усердному и богоугодному со смирением прошению, духовный настоятель святых сей обители преподобный отец священноархимандрит Варсонофей с братьею неинако быти судиша, яко и сам Спаситель рода человека Господь Иисус Христос Бог наш, глаголяй "грядущаго ко мне не иждену вон", сего благоговейна мужа Иоана даяние прияти и по предваршим его прошениям в животе к душеполезным подвигом управляти, а по смерти душу его во святей сей обители поминати; живу ж ему суцу, егда волит во святой той обители во всяком послушании и благопокорении терпеливно и в службах монастырьских люботрудно без прекословия ко всем жителствовати, благоволиша». ²⁹²

В частных актах встречаются иногда весьма характерные данные, касающиеся социальных отношений. В свою духовную 1627 года Пантелеймон Соловцов, пожертвовавший много вкладов в нижегородские церкви и монастыри, счел нужным внести следующие строки:

«...такоже и сирот моих, которые мне служили,

мужей их и жен и вдов и детей, чем будет оскорбил во своей кручине, боем, по вине и не по вине, и к женам их и ко вдовам насилством, девственным растленьем, а иных есми грехом своим и смерти предал, согрешил во всем и перед ними виноват: простите меня грешного и благословите и разрешите мою грешную душу в сем веце и в будущем, а вас, государей моих, во всем Бог простит и благословит в сем веце и в будущем; також крестьян моих и крестьянок, чем кого оскорбил в своей кручине, лаею и ударом и продажею, по вине и не по вине, во всем перед ними виноват: простите мя и благословите и разрешите мою грешную душу в сем веце и в будущем, а вас, государей моих, во всем Бог простит и благословит в сем веце и в будущем». ²⁹³

В данной посадника Новгородского Василия Степановича в дом святого Иоанна Богослова XV века имеется следующая клаузула:

«Да еще есми придал остров Онтропьев весь, что есми у Обакума купил; а то церкви святому Иоанну Богослову во обитель общежительство игумену, кто ни будет у святого Иоанна Богослова и ввеки. А игумен, кто ни будет у святого Иоанна Богослова, держати ему общее житие; а чернцов игумену держати, как его сила иметь; а чернцов игумену держати в монастыре, кто игумену люб; а игумену и чернцем, живучи в монастыре святого Иоанна Богослова, собин им не держати; а пойдет игумен проц из монастыря, ино ему дати уцет чернцам». ²⁹⁴

Вообще, находясь в ближайшем соприкосновении с жизнью, частные акты заключают в себе иногда любопытные бытовые подробности. В записи об образовании одной артели для сбора таможенных и проезжих пошлин в Арзамасе и двух уездных селах, 1654 года, мы читаем:

«А буде какие сторонние и тутошние Арзамасцы и уездные люди всяких чинов люди учнут платить государевы пошлины или нам в почесть ударить челом каким таваром нибудь, и одному тем из нас трех

таварыщов не покарыстоватца, опытай артели украдом тихонка не свозить, и сторонними людьми не посылать; а которые Арзамасцы и Арзамаского уезду всякие сторонние торговые люди с своих товаров учнут платить государеву пошлину, и таму нашему таварыщу имать таможенну пошлину в правду, другу не дружить, а недругу не мстить и в том хитрости никакие не чинить, за щеку и в мошну артелных денег нам траим таварыщам: мне Якову, и мне Потехе, и мне Тамиле, и нашим приемным таварыщам Акинфею, да Григорью, да Филипью не класть, и хитрости в денежном сборе никакие не учинить».²⁹⁵

В договорной памяти в трапезники Николаевской церкви Кодлаской волости Василия Болтинских 1696 года в числе его обязанностей, между прочим, значится и следующая:

«...да мне же трапезнику по всякой год трапеза мыть по дважды, ко Христову Рожеству да на святую Пасху» и т. п.²⁹⁶

Помимо быта, из частных актов мы, разумеется, почерпаем сведения о праве и, прежде всего, о том, что сами стороны при заключении сделки считали важным и заносили в соответствующий акт. Вместе с тем частные акты дают некоторое понятие о системе и эволюции права.

а) В сущности, частные акты уже предполагают некоторую систему сравнительно точных понятий. Вообще, частное право возникает под влиянием потребностей гражданского оборота, которые каждым членом общежития чувствуются острее и чаще тех, какие связаны с его политической жизнью. Частные права возникают, главным образом, на почве имущественных отношений, и каждый член общежития имеет более или менее близкое, лично его интересующее касательство к ним. Правда, при установлении имущественных прав в древности вообще и у нас в частности исходили скорее из периферии таких отношений, чем из их центра: они возникали ввиду ограждения имущественных интересов данных лиц в букваль-

ном смысле (знаки при захватном землепользовании, межи, изгороди-жерди и т. п.) или в переносном смысле (путем предупреждения правонарушения в виде неустойки, посредством судебной защиты и т. п.) и в гораздо меньшей степени определялись в качестве известных юридических сделок и т. п.; тем не менее, и в нашем старинном быте, по крайней мере, в более или менее нормальном его состоянии, интерес к таким отношениям острее и чаще чувствовался, чем, положим, обязанность уплатить какой-либо государственный налог или отбывать какую-либо государственную повинность, чем сношение с земской или съезжей избой и т. п. Благодаря таким условиям частноправовые понятия становятся сравнительно более точными и тоньше оттеняют правовую мысль, чем публичные, что и предполагает уже наличность некоторой их системы, хотя бы она и не была опознана в полной мере.

Различие между полным и неполным правом собственности, например, отражалось в существовании двух различных видов актов: купчих и отступных (посильных); способы приобретения права собственности также удостоверялись различными актами: жалованными вотчинными грамотами, купчими, меновными, вкладными, данными и т. п. В числе договоров и обязательств различали, например, записи о запродаже имущества от других их разновидностей, заем с уплатой роста от займа с отработкой роста, что, соответственно, отражалось в заемных и служилых кабалах, наем имущества, укрепляемый оброчными, кортомными, мытными, празговыми и другими, от его «сдачи» по «сдаточной» или «сдавчей», личный наем по жилой записи от подряда по «подрядной» и от доверительного поручения, совершаемого, например, по договорной записи между тяглым миром и «мирским посыльщиком», наследование по духовному завещанию от права на приданое по рядной записи и т. п.

б) Частные акты дают понятие о естественном росте правовых понятий, т. е. о непрерывности эволю-

ции права. Такая *Naturwüchsigkeit* дает возможность изучать развитие частных актов в реальной обстановке гражданского оборота, выяснять условия места и времени, отразившиеся на юридических формах, и их взаимозависимость и т. п., а также устанавливать непрерывно следующие друг за другом стадии развития таких форм. Весьма поучительно, например, наблюдать постепенное превращение служилой кабалы из обязательства должника служить за рост в самопродажу, а затем и простую отдачу себя в рабство, или следить за процессом вытеснения крестьянской порядной (арендного контракта) ссудной (долговым обязательством), переходящей в отдачу себя в крестьянство вечно.

с) Частные акты дают также понятие о процессе правообразования: роль сущей в нашем древнем гражданском процессе все еще очень мало выяснена; подобно судьям в древнем уголовном процессе, которые являлись, скорее, официальными свидетелями судебного поединка, или поля, происходившего между сторонами, они и в гражданском процессе вряд ли выступали деятельными творцами юридических форм; помимо судей можно указать и на другие органы творчества в области частного права: судя по некоторым данным, площадные подьячие, составлявшие частные акты, принимали некоторое участие в выработке их форм и таким образом в известной степени творили частное право; не будучи, конечно, равными по своему значению древнеримским преторам или позднейшим английским «justice»'ам, создавшим английское «common law», площадные подьячие все же играли некоторую роль в процессе правообразования, до сих пор почти никем не отмеченную, пока не сменились в XVIII в. нотариусами; наконец, сами стороны, надо думать, не оставались пассивными в таком процессе: их участием объясняются некоторые из клаузул разных видов актов.

Впрочем, древнерусские частные акты свидетельствуют вместе с тем и о недостаточном развитии рус-

ского правосознания и его юридических форм: оно еще не выработало системы частноправовых понятий, которая способна была бы к органическому развитию.

а) В самом деле, древнерусские грамоты, касающиеся гражданского права, не всегда можно признать настоящими актами: некоторые из них скорее запечатлевают в памяти совершение известной сделки и имена присутствовавших при ней свидетелей, чем утверждают ее в юридическом смысле в качестве актов, имеющих сами по себе доказательную силу на суде; следовательно, такие документы еще не обладают полнотой юридического значения.

б) Некоторые из древнерусских частных актов составлены еще настолько неясно, что представляют большие затруднения для правильной их интерпретации: известная «рядная» Тешаты XIII века вызвала, например, самые разнообразные толкования, взаимно исключаящие друг друга, но до сих пор все же остается по природе укрепляемой ею сделки довольно загадочной.

в) Многие древнерусские частные акты далеко не включают всех условий сделки, что отражается и на их формулярах: полагаясь на обычное право, действовавшее в данной местности и в данное время, они в некоторых случаях ограничиваются глухой ссылкой на обычай или даже просто подразумевают его. В одной записи помещика своему крестьянину, 1647 года, мы читаем: «...и держати ево мне Ивану во крестьянех, как протчие дворяне крестьян у себя держат» и т. п.²⁹⁷

г) При одновременном заключении нескольких сделок, более или менее тесно связанных между собою, их укрепляли иногда одним актом, в котором они иногда переплетались без надлежащего их разграничения. Такое совмещение иногда чрезвычайно затрудняет квалификацию самого акта, а значит, и составление его заголовка.

Следует заметить, наконец, что частные акты дают иногда весьма наглядное представление о той грани-

це, которая в данном месте и в данное время проводилась между частным правом и публичным правом; они показывают, что в древности область частного права часто бывала шире последующего его объема и включала в себя такие нормы, которые вслед за тем перешли в область публичного права. Достаточно припомнить, что крепостное право превращало свободных лиц, по крайней мере, в известной степени, в объекты имущественных прав и делало их предметами сделок, укрепляемых купчими, закладными и т. п.; или обратить внимание на то, что проезжие или отпускные на работу, выдаваемые господами своим крепостным, заменяли паспорта и т. п. Духовные московских князей, Ивана Калиты и других, например, содержат наряду с волеизъявлениями касательно движимого и недвижимого имущества завещателя такие распоряжения, которые относятся к публичному праву, и наоборот, акты публичные, например, местного самоуправления иногда настолько богаты элементами частноправного характера, что невольно возникает сомнение, к какой области права они действительно относятся; выборы в священники содержат, например, много условий касательно платы за их услуги мирской общине.

Вышеуказанные особенности древнерусских частных актов обнаруживают все еще слабое развитие русского правосознания и его юридических форм.

Быстротечное время, отмеренное нам для совместных наших занятий, на исходе и не позволяет мне расширить тот небольшой круг чтений, который был посвящен мной краткому очерку русской дипломатии частных актов. Я заканчиваю его не без чувства некоторого смущения: меня волнует и тревожит сознание, что я не дал вам всего того, что хотел и должен был бы дать вам; но меня утешает мысль, что мне довелось вместе с вами принять участие в крупном культурном начинании: в деле архивного строительства русской истории. Я не могу не оценить значение наших занятий и с еще более общей точки зре-

ния: мне кажется, что они в известной мере способствовали созданию прочной основы для духовного общения между нами, а такое общение, особенно в наше время, имеет громадное значение: оно вводит нас в высокую область единения мысли и работы духа, без которых не может наступить и настоящее обновление нашей социальной и политической жизни.

13 ноября 1918 г.

Примечания

¹ В новейшей французской литературе выражение «исторический источник» иногда заменяется термином «документ» (document), причем под «документом» разумеют «следы человеческих мыслей и действий»; такие следы могут быть «непосредственными» (вещественными) и «посредственными» (письменными), см., например: *Langlois C. V., Seignobos C. Introduction aux études historiques. Paris, 1898. P. 1; Seignobos C. La méthode historique appliquée aux sciences sociales. Paris, 1901. P. 17–19.* Едва ли желательно, однако, пользоваться таким чрезмерно широким словоупотреблением: один из вышеназванных авторов сам замечает, что термину «документ» часто придают более узкое значение «писания»; см.: *Seignobos C. Op.cit. P. 19, 43.*

² *Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. СПб., 1913. Вып. 2. С. 385–387.*

³ В немецкой литературе термин «Urkunde» употребляется в более широком смысле; он обозначает всякий материальный предмет, служащий для показания или свидетельствования о чем-либо, причем, однако, значительно суживается в его применении к «правовой жизни»; с такой точки зрения под понятие «Urkunde» подводят, напр., межевые знаки, таможенные пломбы и т. п., а под понятие о «подлоге документов» и подделку этих предметов, что сохранилось до позднейшего времени в словоупотреблении некоторых немецких уголовных кодексов. Впрочем, терминология подобного рода стала довольно редкой, и под

словом «Urkunde» теперь чаще всего разумеют написанный документ. См.: *Rietsch F. Handbuch der Urkundenwissenschaft. Aufl. 2. Berlin, 1904. S. 1–6.* В английской литературе «record» уже употребляется в последнем смысле и в особенности применяется к актам; см. еще ниже С. 40–41. Материальные предметы, свидетельствующие о правовом значении данного действия, можно называть описательно, напр., знаками удостоверения (печати) и т. п.

⁴ В некоторых местностях Московского государства вместо термина «грамота» (в широком смысле) употребляли термин «письмо», хотя, впрочем, такое название для обозначения архивных документов встречается «очень редко». В сметной книге города Торопца 7150 г., напр., значится: «в житнице – письмо в сундуке и в коробьях: государевы грамоты и отписки розных годов и судные и всякие дела»; или в сметной книге Великих Лук 1789 г. замечено, что «письма старые прежних воевод» перенесены были из приказной избы на гостиный двор; см.: *Оглоблин Н. Н. Провинциальные архивы в XVII в. // Сборник статей по архивоведению / Под ред. И. И. Зубарева. СПб., 1910. Т. I. Ч. 1. С. 123–124.*

⁵ По определению нашей Академии наук, документ – «это письменный акт, служащий доказательством или свидетельством чего-либо; деловая бумага, относящаяся к канцелярскому производству»; см.: *Словарь русского языка / ОРЯС АН. СПб., 1895. Т. I. С. 1088.* Определение это не совсем удовлетворительно, так как в нем отождествляются термины «документ» и «акт», которые, однако, не совпадают. Об обязательности письменной формы для важнейших частных актов см. ниже.

⁶ Старинные «формулярники», сообщенные Н. В. Калачовым, см.: *Калачов Н. В. Старинные формулярники XVII–XVIII веков // ЛЗАК. 1862. Вып. 1. С. 34–49.*

⁷ Дополнения к АИ. Т. VI. С. 170–171 (№27). Ср.: *Курдюмов М. Г. Описание коллекции П. И. Савваитова // ЛЗАК. 1915. Вып. 27. С. 147 (№960), 156 (№1007).*

⁸ АЮБ. Т. III. Стб. 185–186 (320); *Курдюмов М. Г. Описание коллекции П. И. Савваитова... С. 54 (№351).*

⁹ АЮ. С. 462–465 (№428); АЮБ. Т. I. Стб. 544–547 (№83); ПСРЛ. Т. XXI. С. 441; Библиографическая Летопись. Пг., 1917. Вып. 3. С. 167; *Верюжский И. П. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской*

епархии. Вологда, 1880. С. 385–386 («завет» преподобного Иннокентия Комельского (ум. 1521, марта 19)).

¹⁰ Курдюмов М. Г. Описание коллекции П. И. Савваитова... С. 42 (№294).

¹¹ АЭ. Т. I. С. 69–72 (№92); Псковская Судная Грамота / Изд. имп. Археографической комиссии. Под наблюдением Н. Д. Чечулина. СПб., 1914. С. 1.

¹² *Ficker I.* Beiträge zur Urkundenlehre. Innsbruck, 1877. Bd. I. SS. 60–63, 226–266, 340–345; *Posse O.* Die Lehre von Privaturkunden. Leipzig, 1887. SS. 66–75, 82–84. Вообще, следуя примеру Зиккеля (*Sickel T. von.* Acta regum et imperatorum Karolinorum digesta et enarrata. Wien, 1867–1868. Bd. I. S. 2.), автор придает термину «Urkunde» значение, аналогичное с тем, какое у нас приписывается термину «акт», и, наоборот, сближает акт с *notitia* (см. ниже). Жири, напротив, признает термин «акт» «наиболее всеобъемлющим из тех, которые можно употреблять для обозначения совокупности дипломатических источников»; см.: *Giry A.* Manuel de diplomatique. Paris, 1894. P. 10. Но такое словоупотребление едва ли соответствует тому, которое принимают, например, составители «Французских Пандект», говоря об «*actes authentiques*», «*actes de l'état civil*», «*actes notariés*» и т. п.; см.: *Riviere M., Fremont R.* Pandectes francaises. Paris, 1886. T. I. P. 483, 552, 647. Английское выражение «act» обыкновенно служит для обозначения декрета, исходящего от какого-либо законодательного учреждения, парламента и т. п. Выше употребляемые термины «акт с осведомительным характером» и «акт с удостоверительным характером» указывают лишь на характерный признак каждого из видов, что не исключает некоторого смешения их в действительности; ниже те же виды называются сокращенно: осведомительным и удостоверительными актам.

¹³ *Brunner H.* Carta und Notitia // Festgabe für Mommsen. Berlin, 1877. Ср.: *Idem.* Zur Rechtsgeschichte der römischen und germanischen Urkunden. Berlin, 1880. Bd. I. SS. 8–17, 211–244.

¹⁴ ПСЗ. Т. II. С. 89 (1677–1677 г., февраля 23). Г-н Шумаков пришел к заключению, что «память» – один из «прихотливейших и неустойчивейших древнерусских юридических терминов», но сам он отмечает, по крайней мере, для частной памяти, весьма существенные признаки, на которые будет указано ниже; см.: *Шумаков С. А.* Обзор грамот Коллегии Экономии. М., 1899–1917. Вып. 4. С. 1.

¹⁵ *Павел Алеппский*. Путешествие патриарха Макария в Россию / Пер. Г. Муркоса // ЧМОИДР. 1898. Кн. 4. С. 142–143. Если понимать приводимое известие в том смысле, что сам царь писал свои резолюции на челобитных, то, по крайней мере, в виде общего правила, оно неверно; возможно, что здесь речь идет о докладчике.

¹⁶ ПСЗ. Т. IV. С. 134–139 (№1833).

¹⁷ Уложение. С. 45–46 (X. 142), 96 (XVIII. 46) и др.; АЮ. С. 377–378 (№351–352), 379–383 (354–357); АЮБ. Т. II. Стб. 687–688 (№230, XI), 722–726 (№233); АИ. Т. III. С. 392–393 (№232), 395–396 (№236); АГР. Т. II. Стб. 31 (№115); Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 1: 1500–1699 гг. // РИБ. Т. XII. СПб., 1890. Стб. 571. Наказные памяти получали иногда характер инструкций; см.: Уложение. С. 118 (XXI. 4). Ср.: АЮ. С. 361 (№336); Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 2. // РИБ. Т. XIV. СПб., 1894. Стб. 41, 233, 327. Памяти по разным делам см.: АЮ. С. 373–375 (№347).

¹⁸ Уложение. С. 38 (X, 100), 44–45 (X, 137, 139) и др.; АЮ. С. 98 (№55, 56); АЮБ. Т. II. Стб. 729–730 (№235). Ср.: *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 117–120 (Глава VII. Статьи 37–40). Знание «доезжей памяти» (ср.: Уложение. С. 41 (X, 120), 45 (X, 141)) выясняется хотя бы из следующего текста: «и по их де исцову челобитию по приказу Большого Дворца послан по наказу от места подъячей для досмотру порченых гранных признаков и досмотру своего доезжую память он, подъячей, за руками окольных людей и за своею рукою в приказе Большого Дворца подал». См.: АГР. Т. II. Стб. 727 (№177); Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 1: 1500–1699 гг. // РИБ. Т. XII. Стб. 707. Ср. еще: Сборник грамот Коллегии Экономии / Ред. А. С. Лаппо-Данилевский, М. А. Дьяконов, А. А. Шахматов, С. Ф. Платонов, А. И. Андреев. [С]Пб., 1922. Т. I: Грамоты Двинского уезда. Стб. 79 (№76).

¹⁹ АЮБ. Т. II. Стб. 726–729 (№234). Можно было выдавать память в приеме другой памяти, о чем, см.: Там же. Т. II. Стб. 730–732 (№236). В XVIII веке вместо термина «память» стали употреблять соответствующий ей термин «промемория»; ср.: Записка о сношениях правительственных мест // [РГИА] Гос. Арх. XVI. 170, п. 2. [– по первому изд.].

²⁰ *Wattenbach W.* Das Schriftwesen im Mittelalter. Aufl. 2.S. 44–74; *Срезневский И. И.* Материалы для слова-

ря древнерусского языка. СПб., 1893-1912. Т. I. Стб. 761-762. Автор «Материалов» оставил без внимания текст из Новгородской летописи по Синодальному списку; см.: Новгородская летопись по Синодальному списку / Изд. имп. Археографической комиссии; Под ред. П. И. Савvaitова. СПб., 1888. С. 191. Иосиф Волоколамский в X главе своего Устава упоминает о книгах, писанных па бересте в Троицком Сергиевом монастыре. В Публичной Библиотеке, по словам митр. Евгения, есть расписка XVII-XVIII вв. на бересте (ТОИДР. 1826. Ч. 3. С. 26-27). О делах, писанных на бересте в Сибири, еще в XVIII веке (1776 г.) см.: ПСЗ. Т. XX. С. 450-453 (№14538). Ср. еще: *Неволин К. А.* Полное собрание сочинений. СПб., 1857-1859. Т. IV. С. 50.

²¹ *Срезневский И. И.* Материалы... Т. II. Стб. 871-873.

²² Псковская Судная Грамота... С. 4 (Статья 14). Ср. выражение «закладная доска»: Там же. С. 7 (Статья 28).

²³ Там же. С. 4 (Статья 14), 5 (Статья 19), 8 (Статья 30), 17 (Статья 75), 21 (Статья 93). Ср.: Там же. С. 7-8 (Статьи 28-29). Некоторые исключения в пользу торговых оборотов см.: Там же. С. 10 (Статья 38). Ср.: Там же. С. 22 (Статья 103).

²⁴ Уложение. С. 105 (XX. 18).

²⁵ Там же. С. 60 (X, 250). Уложение упоминает также о других крепостях, например, о духовных и о крепостях на холопов; оно говорит и о записях: сговорных и рядных, жилых и порядных, поступных и заемных, поручных и третейских, а также мировых, которыми мировая сделка «укрепляется». См.: Уложение. С. 73 (XV. 1 и 2), 105 (XX. 21), 107 (XX. 32), 110 (XX. 61). В деловой практике того времени один и тот же акт назывался иногда и «памятью», и «записью». См.: АЮБ. Т. I. Стб. 692-694 (№112, III). Ср. еще: *Шумаков С. А.* Сотницы, грамоты и записи. М., 1902-1913. Вып. 3. С. 114-116.

²⁶ Сб. актов Кирилло-Белозерского монастыря. [Копии с актов и грамот Ч. I.] // ОР РНБ. Ф.573 (Собрание СПб ДА) ¹/₁₆. Л. 313. Из Белозерских князей с именем Федора известны: Федор Михайлович (1293-1314) и Федор Романович (1375-1380).

²⁷ *Мейчик Д. М.* Грамоты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции. Их форма, содержание и значение в истории русского права. М., 1883. С. 120.

²⁸ Сборник грамот Коллегии Экономии... Т. I. Стб. 152 (№155).

²⁹ Известия Русского Археологического общества. 1863. Т. IV. Ст. 372; *Шумаков С. А.* Обзор грамот... Вып. 4. С. 1.

³⁰ Там же. Вып. 2. С. 5.

³¹ *Дьяконов М. А.* Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве. Юрьев, 1895–1897. Вып. 2. С. 1–3 (№2). Ср. еще «память з духовные грамоты» князя Михаила Васильевича Горбатого; духовная была явлена митрополиту Даниилу в 7043 году июля 17; «память з духовные» помечена 7044 годом; см.: Владимирский историко-статистический сборник / Под ред. К. Н. Тихонравова. Владимир, 1869. С. 128–130.

³² Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 2. // РИБ. Т. XIV. Стб. 323–324. Г-н Шумаков указывает еще на то, что первоначальный набросок «записи» назывался иногда памятью; см.: *Шумаков С. А.* Мена // ЖМНП. 1906. Ноябрь. С. 126.

³³ Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 2. // РИБ. Т. XIV. Стб. 948–955; *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя древней Руси. 4-е изд. СПб., 1912. С. 317. «Паметца» могла быть присоединена к порядной 1634 года по случаю перевода всего порядка на Торопа Ворачева в 1639 году.

³⁴ Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца. Казань, 1882. Т. I. С. 241. Ср.: АЮБ. Т. II. Стб. 667–669 (№230, II).

³⁵ АИ. Т. I. С. 252–253 (№154, III) (1555 г.) и др. Подлинные государевы указы вместе с подлинными памятниками, по крайней мере, судя по практике Поместного Приказа, вклеивались в «столпы», см.: Указная книга Поместного приказа / Под ред. В. Н. Сторожева // Описание документов и бумаг МАМЮ. Кн. 6. СПб., 1889. С. 135. Термин «указная книга» см., например: АИ. Т. III. С. 392–393 (№232); АГР. Т. II. Стб. 606 (№159). В древнерусском языке слово «указ» употреблялось иногда в смысле «доказательство»; в Изборнике, по рукописи XIII века, например, мы читаем: «краючеся ножи до крве и исплняют капища крвью, моужства оуказ стваряюще». См.: *Срезневский И. И.* Материалы... Т. I. Стб. 1177.

³⁶ ПСЗ. Т. II. С. 590–617 (№1074); Т. IV. С. 134–139 (№1833) и др.

³⁷ См. выше: С. 46.

³⁸ Уложение. С. 75 (XVI. 12), 107 (XX. 38). Об отноше-

нии такого деления частных актов к различным способам их укрепления см, ниже Отд. III. гл. I.

³⁹ Уложение. С. 61 (X. 253). Вместе с тем Уложение различает гражданские иски, имеющие крепостное основание, от тех, которые такового не имеют; см., например: Там же. С. 95 (XVIII, 34 и 36). Ср.: *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. СПб., 1897–1900. Т. IV. Стб. 310–312; *Пахман С. В.* О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, в историческом их развитии. М., 1851. С. 201–208.

⁴⁰ Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Собр. и изд. А. И. Юшков. М., 1898. Ч. 1. С. 269 (№250); Уложение. С. 96 (XVIII, 46).

⁴¹ Сб. Кирилло-Белозерского монастыря [Копии с актов и грамот Ч. II.] // ОР РНБ. . Ф. 573 (Собрание СПб ДА) А ¹/₁₇. Л. 370 об.–371 об.; Акты Велико-Устюжского Михайло-Архангельского монастыря / Изд. В. П. Шляпиным. Великий Устюг, 1912–1913. Ч. 1. С. 28–29 (№18), 45–47 (№33), 48 (№35), 75–76 (№62), 209–210 (№171), 219–220 (№177). Впрочем, такие случаи указывают лишь на то, что частные памяти могли быть засвидетельствованы, а не на то, что они в качестве таковых должны были быть удостоверены.

⁴² Там же. Ч. 1. С. 213–214 (№174).

⁴³ Предлагаемое теоретическое разграничение не исключает, конечно, возможности смешения указанных признаков на практике: в договоре казны с подрядчиком, например, хотя бы казна и имела в виду «общее благо», подрядчик действует ввиду своей выгоды, не говоря о том, что оба они находятся в отношении контрагентов друг к другу, и т. п.

⁴⁴ *Thon A.* Rechtsnorm und subjectives Recht. Weimar, 1878. S. 108–120. Краткое обозрение главнейших попыток разграничения публичного права от частного см. также в сочинениях: *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. 9-е изд. СПб., 1914. С. 167–180; *Петражицкий Л. И. фон.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. 2-е изд. СПб., 1910. Т. II. С. 647–687, 712–726; *Тарановский Ф. В.* Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917. С. 223–239. Несмотря на то, что со времени древнеримских юристов протекло много столетий, понятие о праве и о главнейших его разновидностях все еще нельзя признать

окончательно установленным. Высказанное Ульпианом различие между публичным и частным правом, смотря по тому, чью пользу оно имеет в виду — пользу ли всего государства или отдельных лиц, — в настоящее время уже нельзя считать общепризнанным. Впрочем, романисты продолжают исходить из различения «интереса совокупности» от «интереса отдельных лиц»; см., например: *Dernburg H. Pandekten. Aufl. 4. Berlin, 1894. Bd. I. §§46–48.* Германисты указывают на различие отношений между людьми, носителями воли, как социальными существами, причем, соответственно, отмечают субординацию и координацию таких отношений и полагают, что публичное право есть всякое право, которое касается государства как целого, или его членов, а частное право есть всякое «индивидуальное право» и, сверх того, то «социальное право», которое не включено каким-либо государственно-правовым актом (*Satz*) в публичное. См. *Gierke O. Deutsches Privatrecht. Leipzig, 1895. Bd. I. S. 28–29.* В своем известном учении о праве как интересе, пользующемся правовой защитой, Иеринг различал публичное право от частного не только по «интересу», но и по способу его судебной защиты, производимой по инициативе органов государственной власти или частных лиц: с такой точки зрения, «иск становится критерием частного права». См.: *Ihering R. von. Geist des römischen Rechts. Aufl. 2. Leipzig, 1871. Bd. III. S. 338–340.* Тон обосновал и подробнее развил теорию Иеринга, причем особенно выдвинул различие между публичным и частным правом по способу их судебной защиты; см.: *Thon A. Op. cit. S. 120–146.* Построение нашло поддержку со стороны Н. Дювернуа: *Дювернуа Н. Л. Из курса лекций по русскому гражданскому праву. СПб., 1895. С. 33–57 (Введение).* Признак субординации и координации или централизации и децентрализации юридических отношений, одновременно с Гирке, но с большею систематичностью, был разработан в сочинении: *Petrazycki L. von. Die Lehre vom Einkommen. Berlin, 1895. Bd. II. S. 469 ff; Петражицкий Л.И. фон. Указ. соч. Т. II. С. 688–712, 727–745.* Автор исходит из рассмотрения «психического действия права» и, в сущности, различает две системы правового регулирования человеческого поведения: централизованную и децентрализованную — путем соответствующих его «мотиваций»; вместе с тем «по различию объектных представлений» (об «общем благе» о «своем благе» и т. п.) он делит «подлежащие правовые яв-

ления, мнения, убеждения и подлежащие проекции: нормы власти, права власти и т. д. на социально-служебные или публичноправовые и свободные (от подлежащего служения) или частноправовые». Обзорение других положений, соответственно характеризующих каждую из различаемых областей права, см.: Там же. С. 741–744. Учение Л. Петражицкого об основном принципе деления права было сочувственно встречено И. Покровским в сочинении: *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. Пг., 1917. С. 9–19 и т. д. Кроме вышеуказанных главнейших направлений, признак разграничения частного права от публичного по субъектам юридических отношений, являющихся их целью, был развит Иерингом; см.: *Ihering R. von.* Das Zweck im Recht. Aufl. 2. Leipzig, 1884. Bd. I. S. 464. Под некоторым влиянием Иеринга Дюги пытается различать те же сферы по способам правовой санкции, которая прямо не применима к государству и получает такое приложение к отношениям между частными лицами; см.: *Duguit L.* Traité de droit constitutionnel. Paris, 1911. T. I. P. 61–66. Различие публичного права от частного, в сущности, по содержанию было предложено уже Д. Аустинном; см.: *Austin J.* Lectures on jurisprudence. 4th ed. London, 1873. Vol. 2. P. 770–787.

⁴⁵ Псковская Судная Грамота... С. 2 (Статьи 4, 5). Ср.: Там же. С. 17–18 (Статья 77).

⁴⁶ Уложение. С. 17–18 (Предисл.), 29 (IX. 10), 31 (X. 2) и др.

⁴⁷ Там же. С. 120 (XXI. 23–25); *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений... Т. IV. С. 247–249, 266, 269, 271, 273, 275 и др. О случаях, когда дела уголовные судились судом гражданским, а гражданские дела – уголовным, см.: Там же. С. 269–271; *Ланге Н. И.* Древнее русское уголовное судопроизводство. СПб., 1884. С. 117–119, 13–135, 175–176. Ср. еще: *Линовский В. А.* Исследование начал уголовного права, изложенных в Уложении царя Алексея Михайловича. Одесса, 1847. С. 3, 115, 120, 122 и др.

⁴⁸ Уложение. С. 20 (II. 3), 96 (XVIII. 46).

⁴⁹ *Оглоблин Н. Н.* Провинциальные архивы в XVII веке... С. 175–185.

⁵⁰ ПСЗ. Т. VI. С. 141–160 (№3534). Ср.: *Лаппо-Данилевский А. С.* Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времен Смуты и до эпохи преобразований // Голос Минувшего. 1913. №12. С. 5–38; Отд. отт.

С. 25 и след. Схоластическое учение о «коммутативной справедливости», регулирующей частные отношения людей друг к другу, и о «легальной и vindикативной» справедливости, которая лежит в основе взаимных отношений между государем и подданным, уже излагалось в Киевской Академии в конце XVII века, вероятно, Стефаном Яворским; но оно не имело широкого распространения, тем более, что указанное в тексте различие получило широкое признание. Ср.: Там же. С. 11–13.

⁵¹ ПСЗ. Т. V. С. 89–90 (12786, п. 3), 203–453 (№3006); Т. VII. С. 147–150 (№4344). Ср.: *Дювернуа Н. Л.* Указ. соч. С. 53. Позднее такие дела называли «гражданскими»; см.: *Ланганс Ф.* Словарь юридический, или Свод российских узаконений по азбучному порядку. М., 1788. С. 29.

⁵² *Горюшкин З. А.* Руководство к познанию российского законоискусства. В 4 частях. М., 1811–1816. §§119, 2156 и др. Ср.: *Коркунов Н. М.* З. А. Горюшкин, российский законоискусник // ЖМЮ. 1894–1895. №7; Отд. отт. С. 26–33.

⁵³ *Куницын А. П.* Право естественное. СПб., 1818/1820. Вып. 1. С. 77–79; Вып. 2. С. 43: «Государственное право есть наука об отношениях между верховною властью и подданными, проистекающих по началам права из цели общественного соединения». См.: *Сперанский М. М.* Руководство к познанию законов. СПб., 1845. С. 27–29, 39–40. Под влиянием учения о естественном праве Сперанский полагал его в основу положительного права и выводил из него гражданское право, нормы которого охраняются государственным правом. «Законы общежительные, – по его словам, – не действительны, когда они противны законам естественным; они по самому существу их не что иное должны быть, как приложение законов естественных, приложение, укрепленное действием верховной власти, внешними наградами и понуждениями». С такой же точки зрения Сперанский рассуждал о законах гражданских: «собственность лица» или «власть человека над собственными его силами, как душевными, так и телесными», а также «собственность имущества» или власть человека над тем, что произведено или приобретено его силами «присвоены человеку от Бога, как естественное достояние его разума и воли; посему начало их не есть в общежитии, но в общежитии они принимают вид определенный. Собственность лица здесь ограничивается свободой других и приемлет значение состояния. Собственность имущества ограничивается первенством со-

держания и совершенною независимостью предмета и получает вид и значение владения гражданского; но, стесняясь в пространстве, та и другая власть здесь становится достовернее под защитою верховной власти». В «составе общежития» Сперанский признавал необходимым и «установление верховной власти», без которой «ни собственность личная, ни собственность имущества существовать не могут» и которая лежит в основе законов государственных.

⁵⁴ *Кукольник В. Г.* Российское частное гражданское право. СПб., 1815. Ч. 1. С. 7–8. Автор был профессором физики и сельского хозяйства в С.-Петербургском Педагогическом Институте и профессором римского права в «вышнем училище Правоведения». См. также: *Вельяминов-Зернов В. Ф.* Опыт начертания Российского частного гражданского права. СПб., 1821–1823. Ч. 1. С. 44–45.

⁵⁵ Основания Российского права, извлеченные из существующих законов Российской Империи, издаваемые Комиссией составления законов. СПб., 1818. Т. I. С. 3–4, 8 (§§6, 7, 20).

⁵⁶ Обзорение исторических сведений о Своде законов. СПб., 1833. С. 118–119.

⁵⁷ Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового уложения / Под ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 121–122 (статьи 444–446); *Васильев И. В.* Новейшее руководство к познанию российских законов. М., 1826–1827. Ч. 2. С. 36–37.

⁵⁸ *Дильтей Ф. Г.* Исследование юридическое о принадлежащем для суда месте... М., 1779. С. 95–129.

⁵⁹ *Giry A.* Manuel de diplomatique... P. 823. К лицам с правительственным характером автор не без основания причисляет «сеньоров, епископов и городские общины» средневековья. См.: *Erben W., Schmitz-Kallenberg L., Redlich O.* Urkundenlehre. München-Berlin, 1907. Bd. I. S. 18–19. Ср. еще: *Мейчик Д.* Указ. соч. С. 2–3.

⁶⁰ *Posse O.* Die Lehre von den Privaturkunden... S. 67.

⁶¹ *Мейчик Д. М.* Указ. соч. С. 13.

⁶² Там же. С. 12.

⁶³ АЮ. С. 384–385 (№359, I).

⁶⁴ АЭ. Т. I. С. 8 (№13).

⁶⁵ Псковская Судная Грамота... С. 3 (Статья 12), 15 (Статья 61). Чтение 12-ой статьи, предложенное И. Энгельманом, может, однако, вызвать некоторое сомнение: в руко-

писи пробел меньше того, какой понадобился бы для помещения поставленных в прямые скобки слов.

⁶⁶ АЮ. С. 38–42 (№19); Сборник грамот Коллегии Экономии... Т. I. Стб. 448–452 (№433).

⁶⁷ *Мейчик Д. М.* Указ. соч. С. 55 и Приложение IV. №1 и 5. Ср. еще: *Шумаков С. А.* Обзор грамот... Вып. 1. С. 47–50, 84; Вып. 2. С. 17, 32–38 и др.

⁶⁸ СГГД. Ч. 1. С. 33–35 (№22). Смещение подобного рода еще не дает, однако, основания утверждать, подобно Б. Н. Чичерину, что «наследование у Московских князей происходило по частному праву»: такое наследование уже предполагало бы различие ими частного права от публичного.

⁶⁹ *Курдюмов М. Г.* Описание коллекции П. И. Савваитова... С. 22–23 (№158).

⁷⁰ Опись рукописей и книг Музея Археологической комиссии при Псковском губернском статистическом комитете / Сост. И. А. Шляпкин. Псков, 1879. С. 11–12 (Приложение); АЮ. С. 273–274 (№260, I).

⁷¹ СГГД. Ч. 1. С. 33–35 (№22); АЮ. С. 435 (№409, X) и др.; Записная книга крепостным актам XV–XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву / Изд. имп. Археологической комиссии; Под ред. А. С. Лаппо-Данилевского // РИБ. Т. XVII. СПб., 1896. Стб. 188–190 (№513); АЮБ. Т. I. Стб. 687–691 (№111).

⁷² *Лихачев Н. П.* Из лекций по дипломатике. СПб., 1905–1906. С. 24–25.

⁷³ *Rosenmund R.* Die Fortschritte der Diplomatie seit Mabillon, vornehmlich in Deutschland und Oesterreich. München, 1897; *Erben W., Schmitz-Kallenberg L., Redlich O.* Op. cit. Bd. I. S. 3–17 и др.

⁷⁴ Сборник грамот Коллегии Экономии ... Т. I. Стб. 128–129 (№129), 518–520 (№469), 581 (№517), 670–671 (№543); АЮ. С. 130 (№90). Прежние владельцы выдавали иногда новым особые «отписи» с обязательством предъявлять, в случае надобности, старые грамоты на отчуждаемое имущество; см.: Сборник грамот Коллегии Экономии... Т. I. Стб. 105–106 (№103).

⁷⁵ АЮ. С. 116–117 (№71, XXVI); АЮБ. Т. II. Стб. 405–408 (№148, XXI).

⁷⁶ Сборник грамот Коллегии Экономии... Т. I. Стб. 91–92 (№89), 666–667 (№539), 684–685 (№553).

⁷⁷ [Сб. документов Кириллова монастыря] // ОР РНБ.

Ф.573 (Собрание СПб ДА) А ¹¹/₄₈. Л. 121 об.

⁷⁸ Сборник грамот Коллегии Экономии... Т. I. Стб. 33–34 (№38); АЮБ. Т. II. Стб. 379–381 (№147, ХХХ); ПСЗ. Т. II. С. 79 (№668). Старые крепости, передаваемые новому владельцу, снабжались иногда соответственными надписями; см.: АЮБ. Т. II. Стб. 364–365 (№147, ХХIV).

⁷⁹ СГГД. Ч. 1. С. 148 (№66); АИ. Т. I. С. 82 (№40); *Мейчик Д. М.* Указ. соч.. Приложение III, №3. В напечатанном здесь судном списке 1496–1498 гг. говорится, между прочим, об одной данной (см.: *Муханов П. А.* Сборник [документов по русской истории] Муханова. М., 1836. С. 600–601 (№321)), что она «у государя у великого князя в казне» (*Мейчик Д. М.* Указ. соч. С. 105). См.: АЭ. Т. I. С. 340–342, 344–346, 348, 350, 355 (№289, ящики: 47, 67, 80, 122, 134, 138, 145, 156, 186, 195, 231). Можно думать, что этот архив находился при Посольском приказе: «книги» Ивана Михайлова, на которые встречаются ссылки в самой описи, разумеется, были приняты во внимание при ее составлении, вместе с добавлениями, сделанными в «старой переписной тетради» Андрея Васильева, надо думать, 1562–1563 годов; опись, напечатанная в АЭ, относится, по всей вероятности, к началу 1570-х годов; при некоторых из записей о вышеуказанных ящиках значится, что «государь взял их к себе» или «взял» из них некоторые акты; см., например: Там же. Т. I. С. 32 (№47), 104–110 (№138), 126–127 (№156). Ср. еще: *Лихачев Н. П.* Библиотека и архив Московских государей в XVI столетии. СПб., 1894. С. 49–53, 60–66.

⁸⁰ АЮБ. Т. I. Стб. 718 (№118, I). Здесь, в записи, данной митрополиту Феодосию Гридею Карауловым и Иваном Кожиным о неосвоении озер, пожалованных им митрополитом для рыбной ловли (1461–1464 гг.), мы читаем: «а сю есмя свою грамоту господину в казну дали против его господиновы жалованные грамоты»; ср. еще: АЮБ. Т. II. Стб. 344 (№147, VIII) и др.; Синодал. Библ. №276 (173) // [РГИА] [– по первому изд.]; ОР РГБ. Собрание И.Беляева, №127 [– по первому изд.]; Переписная книга домовою казны патриарха Никона // ВМОИДР. 1852. Т. XV. Материалы. С. 69–95.

⁸¹ Сб. Троицкого Сергиева монастыря. №666 (опись грамот и крепостей с дополнениями до 1695 года) и др. // ОР РГБ; [– по первому изд.]. ОР РНБ. Ф.550 (Основное собрание рукописной книги). Q IV 113/2 (опись грамот и крепостей Кирилло-Белозерского монастыря 1613 г.) и др.; *Гор-*

ский А. В. Историческое описание Свято-Троицкого Сергиевы лавры / С прил. архим. Леонида (Кавелина). М., 1879 и др.; Успенский Н. П. Охранная опись рукописям Кирилло-Белозерского монастыря // Вестник Археологии и Истории. 1899. Вып. 12. С. 119–217; 1901. Вып. 14. С. 280–354. Здесь описан вотчинный архив монастыря (XV–XVIII вв.), за исключением тех его частей, которые попали в Публичную Библиотеку и в Библиотеку Петроградской духовной академии, – о частных см., в особенности: Вестник Археологии и Истории. 1899. Вып. 12. С. 131–132, 133–134. Перечень здесь неполный; ср.: Вестник Археологии и Истории. 1901. Вып. 14. С. 354. Старинную опись архива Соловецкого монастыря см.: Материалы для русской истории / Под ред. С. А. Белокурова. М., 1888. С. 35–80 и др. Менее значительные монастыри могли, конечно, иметь свои архивы; см., например: Опись Николаевского Корельского монастыря // АИ. Т. I. С. 285–286 (№158); Отписные и крепостные книги Николаевского Чухченемского монастыря // Сборник грамот Коллегии Экономии... Т. I. Стб. 436–440 (№425); Жизневский А. К. Древний архив Краснохолмского Антониева монастыря // Древности Московского Археологического общества. 1880. Т. VIII. С. 50–51, 60–65 и др. Ср. «заседную память» в: АЮБ. Т. II. Стб. 659–660 (№227) и т. п.

⁸² Барсуков А. П. Род Шереметевых. СПб., 1881–1904. Кн. I–VIII; Розыскные дела о Федоре Шаковитом и его сообщниках / Изд. имп. Археографической комиссии. СПб., 1884. Т. IV. С. 199, 222–276; Архив князя Ф. А. Куракина / Под ред. М. И. Семевского. СПб.–Саратов, 1890–1902. Кн. I–X. Ср.: Калачов Н. В. Фамильный архив князей Куракиных // Сборник Археологического института. 1886. Т. V. Вып. 2. С. 1–15; Архив князя С. М. Воронцова. М., 1870–1895. Кн. 1–40. Об архиве Паниных см.: Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1892–1908. Т. I. Кн. 2. С. 1107–1109. Впрочем, перечисленные издания кн. Ф. А. Куракина и кн. С. М. Воронцова, к сожалению, не дают понятия о вотчинных документах их владельцев. Об архиве А. И. Безобразова см.: Лаппо-Данилевский А. С. Обзор документов вотчинного архива стольника А. И. Безобразова // ЛЗАК. 1916. Вып. 28. С. 31–33. Подробное обозрение «фамильных и частных архивов и библиотек в России» см. в соч.: Иконников В. С. Опыт русской историографии. Т. I. Кн. 2. С. 1072–1349.

⁸³ [Грамоты и крепости Кирилло-Белозерского монастыря] // ОР РНБ. Ф.550 (Основное собрание рукописной книги). Q IV 113/2 Л. 398 об.; АЮ. С. 4–7 (№3).

⁸⁴ АЮБ. Т. III. Стб. 150 (№312, IV); Сборник грамот Коллегии Экономии... Т. I. Стб. 342–343 (№350). В выше упомянутой записи членов Арзамасской артели (см.: С. 67) выдача отданного на сохранение акта ограничена особого рода условиями, отчасти намекающими на мотивы отдачи ее на хранение третьему лицу: «а сию запись, читаем мы здесь, излюбя, положили за третьего, города Арзамаса за Воздвиженского попа Ивана Васильева, и тому нашему третьему выдать сию нашу запись правому на виноватого, как спор учинитца, с воеводцкого доклада, при добрых людех, всем нам вместе, а одному из нас никому отнюдь не выдавать»; см.: АЮБ. Т. I. Стб. 687–691 (№111).

⁸⁵ Псковская Судная Грамота... С. 4 (Статья 14), 10 (Статья 38).

⁸⁶ АГР. Т. I. С. 36 (№34); АЮ. С. 21 (№11); *Лихачев Н. П.* Библиотека и архив Московских государей... С. 53–55.

⁸⁷ *Лихачев Н. П.* Из лекций по дипломатике. С. 23, 31. Дело относится к 1565–1566 годам.

⁸⁸ Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Собр. и изд. А. И. Юшков // ЧМОИДР. 1898. Кн. 2–4. С. VI–VIII (и отдельно: М., 1898). Впрочем, судя по описи, делам, вынесенным из Разряда во время пожара 1626 года, в его архиве не числилось особых фондов частных актов, упоминается одна поручная; см.: *Лихачев Н. П.* Библиотека и архив Московских государей... С. 53–81. В описании документов Разрядного приказа встречаются дела, касающиеся сыска крестьян и холопов, межевания и т. п., в составе которых могли бы оказаться и частные акты; см., например: Описание документов и бумаг МАМЮ. Кн. 11. СПб., 1899. С. 31, 106, 155, 191, 209, 473 (поручные) и др.; Кн. 14. СПб., 1905. С. 169, 385, 212, 350, 408 и др.

⁸⁹ АИ. Т. I. С. 417–422 (№221); Т. III. С. 103–104 (№92, XXII).

⁹⁰ Краткое описание примечательных книг и рукописей, находящихся в архиве при Мастерской и Оружейной палате // ВЕ. 1827. №16. С. 256–257.

⁹¹ АЮБ. Т. II. Стб. 77–83 (№129, II), 385–412 (№148); АЮ. С. 420 (№397); *Греков Б. Д.* Описание актовых книг

Археографической Комиссии // ЛЗАК. 1916. Вып. 28. С. 7, 61, 68.

⁹² ПСЗ. Т. XX. С. 994–997 (№15074); Т. XXI. С. 690–693 (№15530). Печатные пошлины взимались сперва в Печатном приказе, а с 1722 года в Печатных конторах (Петербургской и Московской), упраздненных указом 15 декабря 1763 года. Государственный Московский архив старых дел был официально открыт 13 марта 1783 года.

⁹³ Описание документов и бумаг МАМЮ. Кн. 5. СПб., 1888. С. 153–218 (о челобитчиковых делах особенно С. 178–182), 399–445.

⁹⁴ Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пг., 1916–1917. Т. I. С. 361–425.

⁹⁵ *Иванов П. И.* Описание Государственного Архива старых дел. М., 1850. С. 27–29, 45–56, 72–73; Памятная книжка Московского Архива Министерства Юстиции. М., 1890. С. 47, 57, 61–62, 69–73 и др. О Разрядном архиве см. выше: С. 77, прим. 8. Ср.: *Лаппо-Данилевский А. С.* План издания архивных документов XVI–XVIII вв., выработанный адъюнктом А. С. Лаппо-Данилевским // Протоколы заседаний ИФО имп. Российской Академии наук за 1901 г. [СПб., 1902].

⁹⁶ Памятная книжка Московского Архива Министерства Юстиции... С. 38–52.

⁹⁷ Там же. С. 149, 150 и др.

⁹⁸ *Лебедев Д. П.*: 1) Собрание историко-юридических актов И. Д. Беляева. М., 1881; 2) Описание собрания рукописей Я. П. Гарелина // Отчет Отделения рукописей Московского Публичного и Румянцевского Музеев за 1886–1888 г. М., 1889. С. 1–86.

⁹⁹ Архив Межевой Канцелярии // РВ. 1868 (Современная летопись) №33, 37, 38, 42, 46; 1869. №10. См.: Отд. отт. М., 1868. Статья I. С. 6, 7; Статья II. С. 25, 29; Статья IV. С. 9 (об «экономических примечаниях»), 32.

¹⁰⁰ Сборник Московского Главного архива МИД. Вып. 2. М., 1881. С. 137–138 и др.

¹⁰¹ *Калайдович К. Ф., Строев П. М.* Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве, в библиотеке тайного советника, сенатора... графа Ф. А. Толстого. М., 1823 (первое и второе прибавление к нему издано П. М. Строевым в СПб. и М. в 1825 г. и 1827 г.); Отчет Императорской Публичной Библиотеки за 1852 г. СПб.,

1853. С. 42–52; Отчет Императорской Публичной Библиотеки за 1876 г. СПб., 1878. С. 25–26 и др.

¹⁰² АЮ. С. III; Архив П. М. Строева / Изд. имп. Археологической Комиссии; Под ред. С. Ф. Платонова и М. Г. Курдюмова. Пг., 1915–1918 (РИБ. Т. XXXII–XXXV); *Барсуков Н. П.* Рукописи Археологической Комиссии. СПб., 1882; *Курдюмов М. Г.* Описание актов, хранящихся в архиве Императорской Археологической Комиссии // ЛЗАК. 1908. Вып. 19; 1909. Вып. 21; 1911. Вып. 23; 1914. Вып. 26; 1915. Вып. 27. Тут же описаны акты Кунгурские и Соликамские, акты Муромского и Бежецкого уездного судов, акты Тульского губернского правления и Каширского городнического правления, также поступившие в Комиссию. Документы, попавшие туда же из Вятской казенной палаты, судя по описанию М. А. Островской, не относятся к частным актам; см.: *Островская М. А.* Описание документов, поступивших в Археологическую комиссию из Вятской казенной палаты // ЛЗАК. 1907. Вып. 18.

¹⁰³ Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1868–1912. Т. I и др. Ср.: *Островская М. А.* Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI–XVII веках. СПб., 1918. С. 24, 26, 30 и др.

¹⁰⁴ Вестник археологии и истории. 1893. Вып. 8. С. 15.

¹⁰⁵ Сборник Археологического института. 1880. Вып. 3. С. 55–82; 1881. Вып. 5. С. 45–56.

¹⁰⁶ *Викторов А. Е.* Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890. С. 132, 169, 195, 283–284, 316 и др.

¹⁰⁷ Описание актов собрания графа А. С. Уварова. Акты исторические. М., 1905; *Иконников В. С.* Новые коллекции рукописей в России // Киевские Университетские Известия. 1889; *Маркевич А. И.* Описание актов, принадлежащих графу М. М. Толстому. Одесса, 1881.

¹⁰⁸ Сборник материалов, относящихся до архивной части... Т. II. С. 210–214.

¹⁰⁹ *Лихачев Н. П.* Из лекций по дипломатике... С. 21–31.

¹¹⁰ *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной Библиотеки. М., 1855–1869. Отд. 2. Ч. 3. С. 814–815 (№338). В начале сборника (Л. 1–13) краткий отрывок из Барония о Михаиле Кирулларии, и слово на бывшее чудо в Колассаях Фригийских от всеславного архистратига Михаила. В разных мес-

тах сборника – выноски, поправки и приписки монаха Евфимия; не ему ли принадлежал сборник?

¹¹¹ «Рукописи императрицы Екатерины II» // [РГИА] X, №19 Л. 311. [– по первому изд.].

¹¹² Очерк деятельности Комиссии печатания государственных грамот и договоров. М., 1877.

¹¹³ *Евгений (Болховитинов)*. Примечания на грамоту великого князя Мстислава Володимировича и сына его Всеволода Мстиславича, удельного князя Новгородского, пожалованную Новгородскому Юрьеву монастырю // ВЕ. 1818. Ч. 100–101. № 15–16, 20. С. 200–255.

¹¹⁴ *Калайдович К. Ф.* Замечания и объяснения двух грамот Новгородских // ВЕ. 1812. Ч. 61. №3. С. 204–232. Грамоты были напечатаны Х. А. Шлецером там же, см: ВЕ. 1805. № 23–24.

¹¹⁵ *Саларев С. Г.* Описание разного рода российских грамот // ВЕ. 1819. Ч. 103–104. № 4–5 (в особенности № 5, С. 29–38).

¹¹⁶ Об актах крепостных, завещательных, договорных, заемных и вексельных... М., 1819.

¹¹⁷ *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878.

¹¹⁸ Деятельность Археографической Комиссии в царствование государя императора Александра II (19 февраля 1855 г.–19 февраля 1880 г.). СПб., 1880; Пятидесятилетие Археографической Комиссии. СПб., 1885; Семидесятипятилетие Императорской Археографической Комиссии (1834–1909). СПб., 1909.

¹¹⁹ *Беляев И. Д.*: 1) Списки судные и прочие // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России / Под ред. Н. В. Калачева. 1855. Кн. 2. Пол. 1. Отд. 3; 2) Законы и акты, устанавливающие в древней Руси крепостное состояние... // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России / Под ред. Н. В. Калачева. 1859. Кн. 2; 3) Юридические акты XIV–XV веков // ВМОИДР. 1853. Кн. 16. Ср.: *Он же*. Способ восстанавливать полинявшие и вытершиеся чернила в древних рукописях / ВМОИДР. 1849. Кн. 4.

¹²⁰ *Калачев Н. В.*: 1) Предисловие к сообщению Лакиера о крепостной книге XVI века // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. 1855. Кн. 2. Пол. 1. Отд. 2; 2) Договоры вольных людей конца XVII века // Архив исторических и практических сведений, относя-

щихся до России. 1859. Кн. 1. С. 83–90; 3) Старинные формулярники XVII и XVIII веков. С. 40–49; 4) Рядные // Труды Московского Археологического общества. 1865–1867. Т. I. Вып. 2. С. 67–72.

¹²¹ *Лихачев Н. П.*: 1) Из истории дипломатики (XIX в.) / изд. М. И. Белавенцем. СПб., 1905–1906; 2) Из лекций по дипломатике...

¹²² *Шумаков С. А.*: 1) Грамоты и записи // Большая Энциклопедия / Под ред. С. Н. Южакова. СПб., 1901–1903. Т. VII. С. 429–434, 702–703; Т. IX. С. 511–513; 2) Грамоты и записи // Обзор грамот Коллегии Экономии. Вып. 4. С. 1–43.

¹²³ Там же. С. 19.

¹²⁴ Там же. С. 11.

¹²⁵ Там же. С. 17.

¹²⁶ Там же. С. 8.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же. С. 22, 25.

¹³⁰ Там же. С. 35, 36.

¹³¹ *Лаппо-Данилевский А. С.*: 1) [Введение к записной книге крепостных актов XV–XVI веков, явленных в Новгороде дьяку Д. Алябьеву] // РИБ. Т. XVII. С. I–XXX; 2) План издания архивных документов XVI–XVIII веков // Протоколы заседаний ИФО имп. Российской Академии Наук за 1900 г. [СПб., 1901]; 3) План издания архивных документов XVI–XVIII веков // Протоколы заседаний ИФО имп. Российской Академии Наук за 1901 г. [СПб., 1902]; 4) Отчет о подготовительных работах для издания Сборника грамот Коллегии Экономии // Протоколы заседаний ИФО имп. Российской Академии Наук за 1901 г. [СПб., 1902]; 5) Отчет о подготовительных работах для издания Сборника грамот Коллегии Экономии // Протоколы заседаний ИФО имп. Российской Академии Наук за 1905 г. [СПб., 1906] (то же см.: ИАН. V серия. 1902. Т. XVII. №5; 1903. Т. XIX. № 4–5; 1905. Т. XXII. №1; VI серия. 1907. Т. I. №1; 1908. Т. II. №2; 1909. Т. III. №4; 1910. Т. IV. №3; 1911. Т. V. №4; 1912. Т. VI. №3; 1913. Т. VII. №4); 6) Служилые кабалы позднейшего типа // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете. М., 1909. С. 719–764; 7) Печати последних Галичско-Владимирских князей и их советников // Болес-

лав-Юрий II, князь всей Малой Руси: Сборник материалов и исследований, сообщенных О. Гонсиоровским, А. А. Куником, А. С. Лаппо-Данилевским. СПб., 1907. С. 211–311.

¹³² Сборник статей, посвященных Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916 (ИО. 1916. Т. XXI).

¹³³ *Прозоровский Д. И.* Чтения по истории славяно-русской палеографии (курс лекций, читанных в Археологическом Институте). СПб., 1892. Главные труды по славяно-русской палеографии: *Соболевский А. И.*: 1) Славяно-русская палеография. Лекции. СПб., 1893. (литографированное издание); 2) Образцы славяно-русского древлеписания. СПб., 1893. (литографированное издание); 3) Сборник снимков с славяно-русских старопечатных изданий. Материалы для истории славянского книгопечатания XVII века. СПб., 1895; *Срезневский И. И.*: 1) Палеографические исследования памятников русской древности // ИАН по ОРЯС. 1858. №6. С. 257–275; 2) Древние памятники русского письма и языка. Дополнения к ним и снимки // ИАН по ОРЯС. 1863. №10; 3) Древние русские книги. Палеографический очерк. СПб., 1864; 4) Обзор материалов к изучению славяно-русской палеографии // ЖМНП. 1867. Январь. С. 76–111; 5) Палеографические наблюдения по памятникам греческого письма // Сборник ОРЯС АН. 1876. №15; 6) Славяно-русская палеография XI–XIV веков // ЖМНП. 1881. Ч. 213; 1882. Ч. 222; 1884. Ч. 231–236 (Отд. отд. СПб., 1885).

¹³⁴ *Срезневский И. И.* Договоры с греками // Известия ОРЯС АН. 1898. Т. III. С. 259–295.

¹³⁵ *Capelli A.* Lexicon abbreviaturarum. Leipzig, 1901.

¹³⁶ АЮ. С. 426–427 (№405). Ср. №252 (Там же. С. 267), неверно названный «заемная служилая кабала».

¹³⁷ АЮ. С. 214–216 (№203).

¹³⁸ Главное пособие: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1912. Т. I–III. Вып. 4 третьего тома содержит дополнения ко всему труду. Кроме того, существуют словари местных говоров и наречий, напр.: *Подвысоцкий А. И.* Словарь областного Архангельского наречия. СПб., 1885 и др. См. также: *Горбачевский Н. И.* Словарь древнего актового языка Северо-западного края и Царства Польского. Вильна, 1874.

¹³⁹ *Мейчик Д. М.* Указ. соч. С. 123.

¹⁴⁰ Сборник грамот Коллегии Экономии... Т. I. Стб. 2–3 (№2), 10 (№11), 11 (№12), 27–28 (№30).

¹⁴¹ Там же. Т. I. Стб. 5–6 (№6), 27–28 (№30).

¹⁴² [Трутовский В. К. Тешата и Якым и их взаимные отношения // Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой. М., 1916. С. 328–338].

¹⁴³ Записная книга крепостным актам XV–XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву... Стб. 52–53 (№148). Ср.: Уложение. С. 108 (XX, 44).

¹⁴⁴ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. С. 524–525.

¹⁴⁵ Там же. С. 385–386.

¹⁴⁶ Там же. С. 527–529, 533–563.

¹⁴⁷ Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV веков). СПб., 1863. Ср.: Лихачев - Н. П. Из лекций по дипломатике. С. 152–199. Несмотря на показания источников о «досках», автор утверждает, что в России «до половины XIV столетия пергамин был единственным материалом как для рукописей, так и для грамот» (Там же. С. 172–173).

¹⁴⁸ СГГД. Ч. 1. С. 35–37 (№23); Палеографические снимки с русских грамот, преимущественно XIV в. / Под ред. А. И. Соболевского и С. Л. Пташицкого. СПб., 1903. №1. – Древнейшая бумага, называемая бомбициной, без особенного труда отличается от позднейшей, но она едва ли употреблялась в России.

¹⁴⁹ Шахматов А. А. Исследование о Двинских грамотах XV в. СПб., 1903. С. 1–5. Автор склонен отнести лишь одну купчую Филиппа Григорьева у Мефодия и Семена Яковлевых детей к времени до 1393 года; см.: Там же. Ч. 2. С. 132–133 (№105) (подлинник в Археографической Комиссии (перг. №11)).

¹⁵⁰ ПСЗ. Т. XX. С. 450–453 (№14538). Ср.: Неволин К. А. Полное собрание сочинений. Т. IV. С. 50.

¹⁵¹ Лаптев И. П. Опыт в старинной русской дипломатике. СПб., 1824. Автор собрал до 170 «заводских клейм бумаг», из коих представил несколько в таблицах со времени введения в России употребления бумаги по 1701 год, и попытался, таким образом, выяснить способ узнавать по ним время, в которое писаны старинные рукописи. См.: Тромонин К. Я. Изъяснение знаков, видимых в писчей бумаге. М., 1844 (кроме заимствованных, прибавил 113 своих таблиц). Всего больше по части изучения бумажных знаков сделал Н. П. Лихачев. Его труды: Лихачев Н. П.: 1) Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве.

СПб., 1891; 2) Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. 3: Предметный и хронологический указатели. Альбом снимков. СПб., 1899; 3) Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Приложения: таблицы, поясняющие в хронологическом порядке изменение формата и строения бумаги // Издание Общества Любителей древней письменности. СПб., 1899. Ср. еще: *Он же*. Из лекций по дипломатике... С. 183–266. И. М. Каманин в своем реферате «Метрический метод в палеографии и результаты его приложения к изучению южнорусского устава XVI–XVII веков» указал на то, что между шириной и высотой букв, расстоянием их между собой и расстоянием между строками существует всегда определенное отношение, которое в известный период времени изменяется, и эти изменения могут служить показателями возраста рукописи. См.: *Каманин И. М.* Метрический метод в палеографии и результаты его приложения к изучению южнорусского устава XVI–XVII веков // ИТУАК. 1906. № 39. С. 120.

¹⁵² *Шахматов А. А.* Указ. соч. Ч. 2. С. 3, 25–27 (№15).

¹⁵³ АЮ. С. 448–450 (№418); Сборник грамот Коллегии Экономии... Т. I. Стб. 523–524 (№474).

¹⁵⁴ *Срезневский И. И.* Древние памятники русского письма и языка...(под 1380 годом); *Мейчик Д. М.* ГУказ. соч. С. 63–65, 128.

¹⁵⁵ *Шахматов А. А.* Указ. соч. С. 3, 5; АЮ. С. 429–430 (№409, I).

¹⁵⁶ *Татищев В. Н.* Толкования на Судебник царя Ивана Васильевича // Продолжение Древней Российской вивлиофики. 1786. Ч. 1. Стб. 28.

¹⁵⁷ Сборник грамот Коллегии Экономии... Т. I. Стб. 3 (№3), 21–22 (№23), 22–23 (№24), 28–29 (№31), 30 (№33), 31–32 (№35), 33 (№37).

¹⁵⁸ *Посошков И. Т.* Сочинения. М., 1842–1863. Ч. 1. С. 59.

¹⁵⁹ Письма русских государей и других особ царского семейства / Изд. имп. Археографической комиссии. М., 1848. Т. I. С. 33; *Завитневич В. З.* Палинодия Захарии Копыстенского и ее место в истории западнорусской полемики XVI и XVII вв. Варшава, 1883. С. 178; Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. II. Стб. 94–95 (№74) (ср. Стб. 267–269 (№184) и др.).

¹⁶⁰ Розыскные дела о Федоре Шакловитом... Т. I. С. 839, 842.

¹⁶¹ АИ. Т. II. С. 405–406 (№340). У князя Д. И. Шуйского было еще два перстня с печатами.

¹⁶² *Кильбургер И. Ф.* Краткое известие о русской торговле в царствование Алексея Михайловича / Пер. с нем. Б. Г. Курца. Киев, 1915. С. 123, 138.

¹⁶³ АЮ. С. 120 (№74), 146 (№111), 150–151 (№121–122).

¹⁶⁴ Там же. С. 120 (№74); АЮБ. Т. I. Стб. 726 (№119, I).

¹⁶⁵ АЮ. С. 120 (№73).

¹⁶⁶ АИ. Т. III. С. 101 (№92), 308 (№167). Лица, прикладывавшие руку за другого, иногда назывались «ручниками»; см.: *Посошков И. Т.* Завещание отеческое. СПб., 1893. С. 189.

¹⁶⁷ АЮБ. Т. I. Стб. 543–544 (№82).

¹⁶⁸ АЮ. С. 436–439 (№ 410 и 411).

¹⁶⁹ *Шахматов А. А.* Указ. соч. Ч. 2. С. 61 (№41), 100–102 (№ 81, 82), 112–114 (№90) и др.

¹⁷⁰ См. ниже. С. 125.

¹⁷¹ *Шахматов А. А.* Указ. соч. Ч. 2. С. 5–6 (№3), 49–50 (№31), 137–138 (№109), 141–42 (№112).

¹⁷² ПСЗ. Т. II. С. 78 (№665).

¹⁷³ Там же. Т. III. С. 597–598 (№1673) и др. Ср.: Там же. Т. VI. С. 131–132 (№3521); Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода... Т. V. Стб. 1–3 (№1); Полное Собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания. СПб., 1881. Т. V. С. 12–13 (№1477).

¹⁷⁴ *Лихачев Н. П.* Из лекций по дипломатике... С. 23, 27.

¹⁷⁵ Уложение. С. 59–61 (X, 246–250, 252, 253).

¹⁷⁶ ПСЗ. Т. IV. С. 1 (№1740). Ср.: Там же. Т. IV. С. 42–43 (№1794), 335–336 (№2087), 345–346 (№2099).

¹⁷⁷ Там же. Т. IV. С. 134–139 (№1833), 154–159 (№1838) и др. О писчих избах в городах см.: Там же. Т. IV. С. 166–167 (№1851).

¹⁷⁸ *Дмитриев Ф. М.* История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о Губерниях. 2-е изд. М., 1899. С. 278–287.

¹⁷⁹ Записная книга крепостным актам XV–XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву. С. XII–XIII; Стб. 131 (№359).

¹⁸⁰ Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ... Ч. 1. С. 30 (№32) и др.

¹⁸¹ Судебник 1497 года // Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. М., 1985. С. 56 (статья 18, 20); Судебник 1550 года // Там же. С. 115–116 (статья 77).

¹⁸² Уложение. С. 103 (XX, 2), 104–105 (XX, 7–14, 16), 107 (XX, 37, 38), 108–109 (XX, 45, 48), 112 (XX, 72–74).

¹⁸³ Там же. С. 74 (XVI, 6), 88 (XVII, 31), 89 (XVII, 35, 38), 90 (XVII, 39), 92 (XVII, 54), 94 (XVIII, 17); ПСЗ. Т. I. С. 840 (№475); Т. II. С. 571–575 (№1060); Т. III. С. 167–168 (№1854).

¹⁸⁴ Уложение. С. 103 (XIX, 40); ПСЗ. Т. IV. С. 200 (№1919).

¹⁸⁵ Там же. Т. II. С. 205 (№759).

¹⁸⁶ Там же. Т. IV. С. 200 (№1920).

¹⁸⁷ Там же. Т. IV. С. 224 (№1941).

¹⁸⁸ Там же. Т. IV. С. 243 (№1962), 271–272 (№1997), 336 (№2088).

¹⁸⁹ Там же. Т. VII. С. 90 (№4266).

¹⁹⁰ Сборник грамот Коллегии Экономии... Т. I. Стб. 550–551 (№ 494, 495).

¹⁹¹ Там же. Стб. 6–7 (№7).

¹⁹² АЮ. С. 173 (№154); Сборник грамот Коллегии Экономии... Т. I. Стб. 585–586 (№521), 602–603 (№535).

¹⁹³ Сводный текст крестьянских порядных XVI века, составленный слушательницами Санкт-Петербургских Высших Женских курсов. СПб., 1910. С. 46; АЮ. С. 82 (№31); *Мейчик Д. М.* Указ. соч. С. 114.

¹⁹⁴ ВМОИДР. 1852. Кн. 15. С. 75.

¹⁹⁵ Сборник грамот Коллегии Экономии... Т. I. Стб. 121 (№119), 337–338 (№346); Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 2 // РИБ. Т. XIV. СПб., 1894. Стб. 847, 851.

¹⁹⁶ *Амвросий (Орнатский)*. История Российской Иерархии. М., 1807–1815. Т. VII. С. 123–126; Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. Стб. 897 и след. (под 6795 годом).

¹⁹⁷ Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ... Ч. 1. С. 30 (№32), 39 (№44) и др.

¹⁹⁸ АЮ. С. 53–58 (№23); Памятная книжка Московского Архива Министерства Юстиции. С. 149.

¹⁹⁹ *Горский А. В.* Указ. соч. С. 127–128.

²⁰⁰ [ОР РГБ]. Собрание Троицкой Сергиевой Лавры. Оп. 1906 года. Отд. 13. № 637. Л. 214–216. [– по первому изд.]. Предшествующие записи относятся к 7193 году, последующие упоминают акт 7160 года.

²⁰¹ Акты Велико-Устюжского Михаило-Архангельского монастыря. Ч. 1. С. 5. Сборник копий с грамот на земельные владения Симонова монастыря, «писанный скорописью большею частью в 1666 году и не позднее самого

конца XVII века», назван «книгой копийной»; см.: *Попов - Н. П.* Рукописи Московской Синодальной Библиотеки. М., 1905–1910. Вып. 2: Симоновское собрание. №58.

²⁰² *Калайдович К. Ф., Строев П. М.* Указ. соч. Отд. II. С. 430 (№271). Книга Поганкина, хранящаяся в Псковском Археологическом музее, издана К. Г. Евлентьевым. См.: Книги псковитина, посадского торгового человека Сергея Иванова сына Поганкина / Под ред. К. Г. Евлентьева. Псков, 1870.

²⁰³ Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. 1855. Кн. 2. Пол. 1. Отд. 2. С. 9–70. См. также: РИБ. Т. XVII. СПб., 1896. Кн. 2. С. I–XXX; Стб. 1–214; С. 1–50.

²⁰⁴ Ярославские Губернские Ведомости. 1850. №25; Владимирские Губернские Ведомости. 1860. №43; Олонецкие Губернские Ведомости. 1874. №82. См. также: ЧМОИДР. 1863. Кн. 1 (сборн.). С. 1.

²⁰⁵ АЮБ. Т. I. С. 201; Уложение. С. 60–61 (X, 252). Оспоренные акты назывались «лживленными», см., напр.: АЮ. С. 27 (№13), 58 (№24).

²⁰⁶ Уложение. С. 22–23 (IV, 1–4); Артикул воинский. Гл. XXII. Статья 201 // Российское законодательство XIX–XX веков. Т. 4. М., 1986. С. 364; Описание документов и бумаг, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода... Т. II. Стб. 49 (№ 50).

²⁰⁷ АИ. Т. I. С. 251–272 (№154), 417–422 (№221, XIV).

²⁰⁸ Подложные грамоты см.: *Попов А. Н.*: 1) Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 448–450; 2) Обзор хронографов русской редакции. М., 1866–1869. Т. II. С. 201, 227–229. Ложные крепости см.: Уложение. С. 42 (X, 124), 61 (X, 259), 105 (XX, 20), 106 (XX, 23–25), 115 (XX, 103). Подделка отпускных также практиковалась; см.: Памятная книжка Московского Архива Министерства Юстиции... С. 47.

²⁰⁹ ПСЗ. Т. III. С. 666–667 (№1714).

²¹⁰ *Арсений*, иером. О вотчинных владениях Троицкого монастыря при жизни его основателя, преподобного Сергия // ЛЗАК. 1884. Вып. 7. С. 139–175.

²¹¹ Материалы для истории западнорусской церкви / Под ред. С. Т. Голубева. Киев, 1891. Вып. 1. №9. С. 71 и след.; [РГАДА] Киевск. повытья Кн. 10. [– по первому изд.]. Ср.: ОР РГБ. Собр. И. Д. Беляева. №1626. Л. 1–1 об.

²¹² *Оглоблин Н. Н.* К вопросу о начале Киевской Академии // Киевская Старина. 1886. Т. XIV. С. 485–487.

²¹³ ПСЗ. Т. III. С. 678–679 (№1732). Ср.: *Желябужский И. А.* Записки / Предисл. И. П. Сахарова. СПб., 1841. С. 74–76.

²¹⁴ *Heisenberg A., Wenger L.* Byzantinische Papyri, Leipzig, 1914. Mit 37 Taf. (VI века); Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana / ed. F. Miklosich et J. Müller. T. I–VI. Wien, 1860–1890.; *Ferrari G.* I documenti greci medioevali di diritto privato della Italia meridionale. Leipzig, 1910.

²¹⁵ ПСРЛ. Т. XXI. С. 441 (Степенная книга под 1406 годом); Библиографическая летопись. Пг., 1917. Вып. 3. С. 167. Ср.: митр. *Евгений (Болховитинов)*. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской церкви. СПб., 1818. Т. I. С. 323; АИ. Т. I. С. 473–474 (№252).

²¹⁶ Термин «топология» представляется более удачным, чем термин «топография», имеющий более специальное значение, и вполне соответствует термину «хронология», чем и объясняется принятая ниже терминология.

²¹⁷ Карты России по естествознанию: геологическая карта Европейской России, изданная Геологическим Комитетом в 1897 году, масштаб – 60 верст в дюйме; гипсометрическая карта Европейской России, составленная А. А. Тилло в 1899 году, 60 верст в дюйме; карта бассейнов внутренних водных путей Европейской России, составленная А. А. Тилло, 60 верст в дюйме; гидрографическая карта Европейской России, составленная при Главном Управлении Путей Сообщения в 1846 году, 100 верст в вершке; карта железных, водяных и шоссейных путей сообщения Европейской России, изданная Министерством Путей Сообщения в 1910 году, 40 верст в дюйме; этнографическая карта Европейской России, составленная П. Кеппенем и изданная Императорским Русским Географическим Обществом в 1851 году, 3-е издание в 1855 году, 75 верст в дюйме; этнографическая карта Европейской России, составленная А. Ф. Риттихом в 1875 году; Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии, составили Я. И. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Я. Ушаков в 1915 г.; карта важнейших отраслей производительности Европейской России, составленная при Центральном Статистическом Комитете в 1872 году, 60 верст в дюйме. См. также: Географический Лекси-

кон Российского Государства... / Сост. Ф. А. Полуниин; Под ред. Г. Ф. Миллера. М., 1773; Новый и полный географический словарь Российского Государства... / Сост. Л. М. - Максимович и А. Щекатов. М., 1807-1809 Ч. 1-7; Списки населенных мест, представленные губернаторами в Статистический Комитет Министерства Внутренних Дел в 1859 и 1860 годах (напечатаны не все); Географическо-статистический словарь Российской Империи / Сост. Я. Семенов и др. СПб., 1863-1875. Т. I-V; Географический словарь России / Под ред. Д. И. Рихтера. СПб., [1909-1911]. Дополнительные сведения см. в следующих трудах: *Амвросий (Орнатский)*. История Российской иерархии; Историческое описание находящихся в России епархий, монастырей и церквей... 2-е изд. СПб., 1825; Полное собрание исторических сведений о... монастырях и примечательных церквах в России / Сост. А. Ратшин. М., 1852; Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской Империи, с библиографическим указателем / Сост. и изд. В. В. Зверинский. СПб., 1890. Ч. I-III. Ср. еще: *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам.. СПб., 1902; *Покровский И. М.* Русские епархии в XVI-XIX вв., их открытие, состав и пределы. Т. I-II. Казань, 1897-1913.

²¹⁸ *Неволин К. А.* История российских гражданских законов. СПб., 1851. Т. II. С. 54-55; *Лаппо-Данилевский А. С.* Служилые кабалы позднейшего типа. С. 719. Об «областных особенностях» белозерских мировых см.: *Шумаков С. А.* Обзор грамот... Вып. 2. С. 17.

²¹⁹ *Muralt E. de* Essai de chronographie Byzantine. Т. I-II. St.-Petersbourg, 1855-1871; *Хавский П. В.*: 1) Хронологические таблицы. В трех книгах. СПб., 1848. 2) Сокращенные хронологические таблицы. М., 1856 и др.; *Степанов Н. В.* Календарно-хронологический справочник // ЧМОИДР. 1917. Кн. 1. С. 1-310. Там же указаны и другие весьма полезные труды автора по хронологии наших летописей. По исторической хронологии см.: *Wichmann B. von.* Chronologische Uebersicht der russischen Geschichte. Leipzig, 1821. Bd. I. Erster Theil: 1672-1727; Zweiter Theil: 1727-1762. О счете индиктами см.: *Seeck O.* Die Entstehung des Indictionscyklus // Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1909. Bd. XII; *Rühl F.* Die Constantinischen Indictionen // Jahrbuch für klassische Philologie. 1888. Bd. XV. Счет индиктами иногда встречается в наших

грамотах, например, в некоторых «договорных» князьях; см., напр.: СГГД. Ч. 1. С. 65–68 (№36 – 1402 г.), 86–90 (№43, 44) и др.

²²⁰ АЮ. С. 458–459 (№423 – 1608 г.). Здесь дата в начале духовной.

²²¹ *Степанов Н. В.* Указ. соч. С. 1–2. Впрочем, редактор вышеназванного труда – Д. Лебедев – признает невероятным, что Дионисий (эра которого и считается христианской) полагал Рождество Христово 25-го декабря 1-го года до Р. Х. = 5509 κατὰ ῥωμαίων (по константинопольской эре), Благовещение, следовательно, 25-го марта того же 1-го года до Р. Х., но 5508 κατὰ ῥωμαίων (по константинопольской эре) – слишком за 9 месяцев до начала своей эры от «всплощения Господа». Священник Д. Лебедев указывает и на другие веские основания думать, что Дионисий полагал Благовещение 25-го марта 1-го года своей эры = нашего 1-го года по Р. Х. = 5507 κατὰ ῥωμαίων. в день пасхальной XIV-ой луны пасхального полнолуния и Рождество Христово – 25 декабря 1-го года по Р. Х. = 5508 κατὰ ῥωμαίων. См.: Там же. С. 299. Кроме мартовского года Н. Степанов признает еще возможность употребления в России «ультра-мартовского года», стиль которого имеет нумерацию годов, превышающую нумерацию годов мартовского стиля на 1.

²²² *Рейтенфельс Я.* Сказание светлейшему герцогу Тосканскому Козьме третьему о Московии / Пер. с лат. // ЧМОИДР. 1906. Кн. 3. Отд. 3. С. 159.

²²³ ПСЗ. Т. III. С. 680–681 (№1735).

²²⁴ *Макарий (Булгаков).* История Русской церкви. СПб., 1868–1910. Т. IX. С. 428–433; *Завитневич В. З.* Указ. соч. С. LXXV. Все грамоты патриарха Иеремии в 1584 году были напечатаны в Острожской типографии, а недавно вновь изданы при книге: *Малышевский И. И.* Александрийский патриарх Мелетий Пигас и его участие в делах русской церкви. Киев, 1872. Т. II. С. 84–100 (Приложение III).

²²⁵ *Скабаланович Н. А.* Об Апокрисисе Христофора Филалета. СПб., 1873. С. 151–152.

²²⁶ Труды Киевской Духовной Академии. 1884. №3. С. 443.

²²⁷ Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами / Под ред. Ф. Ф. Мартенса. СПб., 1874–1909. Т. I. С. 4; Т. VI. С. 249, 277 и др.

²²⁸ Вар. автора: b) определение клаузул, более или менее общих данной группе актов.

²²⁹ АЮ. С. 429–436 (№409), 436–438 (№410), 454–457 (№421), 460–461 (№426); АЮБ. Т. I. Стб. 549–552 (№84, II). Ср.: *Giry A. Manuel de diplomatique*. P. 577.

²³⁰ АЮБ. Т. I. Стб. 555–561 (№86, I).

²³¹ АЮ. С. 439–440 (№412).

²³² *Пахман С. В.* Указ. соч. С. 202–203.

²³³ АЮ. С. 433 (№409. IV).

²³⁴ Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ... Ч. 1. С. 66 (№78). Ср.: Там же. С. 32 (№35 – заемная), 79 (№93), 83 (№98), 85–86 (№102), 91–92 (№106–108).

²³⁵ Там же. С. 32 (№35), 66 (№78) и др.

²³⁶ Новгородская кабальная книга 7106 (1597) года // РИБ. Т. XV (сборный). СПб., 1894. С. 47.

²³⁷ АЮБ. Т. II. Стб. 364–365 (№147, XXIV).

²³⁸ *Сибирцев И. М.* Исторические сведения из церковно-религиозного быта г. Архангельска в XVII и первой половине XVIII века. Архангельск, 1894. С. 33–35.

²³⁹ АЮ. С. 271 (№257, VI); АЮБ. Т. II. Стб. 448 (№151, III).

²⁴⁰ АЮ. С. 419 (№394), 420–421 (№397, 398); ВМОИДР. 1852. Т. XV; *Спасский Г. И.* Чердынские юридические памятники с 1606 по 1718 г. // Там же. 1857. Кн. 25. С. 139; АЮБ. Т. I. Стб. 726–727 (№119. II); Ярославские Губернские Ведомости. 1857. №37; ЧМОИДР. 1875. Кн. 3. С. 742 (№21); Известия Русского Археологического общества. 1863. Т. IV. С. 372 (№1).

²⁴¹ *Лаппо-Данилевский А. С.* Служилые кабалы позднейшего типа... С. 719–764; *Андреев А. И.* Отступные грамоты // ИО. 1916. Т. XXI. С. 131–181; *Шилов А. А.* Поступные записи // ИО. 1916. Т. XXI. С. 262–311; *Котляров Г. М.* Рядные-сговорные записи XVI–XVII вв. // ИО. 1916. Т. XXI. С. 182–223 и др.

²⁴² На западе, официальные сборники формуляров существуют, начиная с VII века; мы имеем сборники VIII, IX–XII, XIII, XIV веков. См.: *Rozières E. de. Recueil général des formules usitées dans l'empire des Francs du V au X siècle*. Т. I–III. Paris, 1859–1871; *Zeumer K.* *Formulae aevi merovingici et karolini*. Hannoverae, 1882; *Langlois C. V.* *Formulaire de lettres du XII, du XIII et du XIV siècle*. Paris, 1890–1897.

²⁴³ Сборник грамот Коллегии Экономии. Т. I. Стб. 673–674 (№546), 676–677 (№548).

²⁴⁴ *Лихачев Н. П.* Из лекций по дипломатике. С. 121.

²⁴⁵ *Лаппо-Данилевский А. С.* Служилые кабалы позднейшего типа... С. 758.

²⁴⁶ ПСЗ. Т. IV. С. 134–139 (№1833).

²⁴⁷ ПСЗ. Т. IV. С. 326–329 (№2080). Некоторые формы, например, рядные и стговорные, были в то время вовсе «оставлены»; см.: Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1889. Т. II. С. 349 (№615); ПСЗ. Т. IV. С. 191–192 (№1907).

²⁴⁸ *Салтыков Ф. С.* Изъявления, прибыточные государству. Гл. VIII // *Павлов-Сильванский Н. П.* Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897. Ч. 2. С. 16–17.

²⁴⁹ ПСЗ. Т. X. С. 505–509 (№7594).

²⁵⁰ *Курганов Н. Г.* Письмовник, содержащий в себе науку российского языка, со многим присовокуплением разного учебного и полезно-забавного вещесловия. 2-е изд. СПб., 1777; 9-е изд. СПб., 1818. Другой сборник подобного рода был озаглавлен «Наставление, как сочинять и писать всякие письма к разным особам» (1-е изд. М., 1765; 3-е изд. Ч. 1–2. М., 1773). Третье появилось под заглавием «Кабинетский и купеческий секретарь» и заключало в себе «собрание наилучших и употребительнейших писем о всяких материях и на всякий случай»: *Сокольский И.* Кабинетский и купеческий секретарь. Ч. 1–2. М., 1788 (2-е изд. Ч. 1–3. М., 1795).

²⁵¹ Об актах крепостных, завещательных, договорных... Ч. 1. С. 79, 86, 90, 94, 97, 99, 102, 110, 118, 119, 120, 122, 125, 127, 137, 138 (ср. выше). Такие же образцы присоединялись и к более научным руководствам по русскому гражданскому праву, например, к «Опыту» Вельяминова-Зернова, который, в приложении к своему труду, напечатал «образцы» духовного завещания, а также отдельной, поступной и раздельной записи. См.: *Вельяминов-Зернов В. Ф.* Указ. соч. Ч. 2. С. 187–197.

²⁵² Библиографическая летопись. Пг., 1917. Вып. 3. С. 167; АЮ. С. 153 (№128); Свод законов гражданских. 2-е изд. Пб., 1867. С. 230 (Статья 1010).

²⁵³ См. выше: С. 66.

²⁵⁴ *Сидоров Н. И.* Складные записи // ИО. 1916. Т. XXI. С. 260–261.

²⁵⁵ АЮ. С. 159–163 (№138–145); АЮБ. Т. II. Стб. 563–568 (№178). Ср.: *Ельашевич В. Б.* Очерк развития форм земельного оборота в России // Известия Санкт-Петербургского Политехнического института имп. Петра Великого. Отд. наук эконом. и юрид. 1912. Т. XVII. С. 225.

²⁵⁶ *Новомбергский Н. Я.* Вымученные кабалы в Московской Руси XVII столетия // ЖМЮ. 1915. Май. С. 288–338; Июнь. С. 192–247.

²⁵⁷ РИБ. Т. XIV. Стб. 219; Труды Археографической комиссии Московского Археологического общества. М., 1898–1913. Т. II. Вып. 2. С. 275–276.

²⁵⁸ Сборник грамот Коллегии Экономии... Т. I. Стб. 56 (№62), 65 (№72), 66 (№73) и др.; Акты Велико-Устюжского Михайло-Архангельского монастыря. Ч. 1. С. 7–9 (№1), 9–10 (№2), 12–14 (№4), 22–23 (№12), 24–25 (№14) и др.; *Андреев А. И.* Отступные грамоты... С. 170–171.

²⁵⁹ *Богословский М. М.*: 1) Земские челобитные в древней Руси // Богословский Вестник. 1911. Январь. С. 143 (прим.); 2) Земское самоуправление на русском севере в XVII в. М., 1912. Т. II. С. 62 (прим. 1). См. выше правую грамоту по поводу дела И. Чертова с С. Стромиловым: С. 68.

²⁶⁰ АЮ. С. 214–216 (№203).

²⁶¹ *Ельяшевич В. Б.* Указ. соч. С. 229.

²⁶² Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1880. Кн. 5 (май). С. 65–68.

²⁶³ *Мейчик Д. М.* Указ. соч. С. 120 (№VIII, 1).

²⁶⁴ АЮ. С. 110–119 (№71 – всего 37 купчих). Впрочем, они уже содержат момент удостоверения в формуле: «а у печати стоял...» – и присоединении к ним вислой печати; купчие от лица продавца см.: АЮ. С. 40 (№19 – 1522 г.) и др.

²⁶⁵ Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 1 // РИБ. Т. XII. Стб. 116; Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 2 // Там же. Т. XIV. Стб. 100–104, 409–412.

²⁶⁶ АЮ. С. 265 (№245), 266 (№247), 267 (№250, 251), 268 (№253), 269 (№255); АЮБ. Т. II. Стб. 2–3 (№125, III); *Беляев П. И.* Древнерусское обязательственное право // Юридический Вестник. 1917. Кн. 18. С. 98.

²⁶⁷ Сб. Кирилло-Белозерского монастыря [Копии с актов и грамот Ч. I.] // ОР РНБ. Ф.573 (Собрание СПб ДА) А ¹/₁₆ Л. 313. Из Белозерских князей с именем Федора известны: Федор Михайлович (1293–1314) и Федор Романович (1375–1380).

²⁶⁸ *Шахматов А. А.* Указ. соч. С. 19.

²⁶⁹ АЮ. С. 159–160 (№139). Ср. выдержки из «отводной» в приложении к работе Мейчика Д.: *Мейчик Д. М.* Указ. соч. С. 110–112.

²⁷⁰ Там же. С. 119 (№VII, 1).

²⁷¹ Сборник грамот Коллегии Экономии. Т. I. Стб. 129–130 (№130).

²⁷² Следует отличать дополненный акт от дополнительного: нижегородская отступная-посильная 7048 года была писана без доклада; но вслед затем была составлена новая отступная-посильная с докладом; см.: Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. 1912. Т. XIV. Отд. 3. С. 14 (грамоты Коллегии Экономии по Нижнему Новгороду №9); *Лихачев Н. П.* Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895. С. 221.

²⁷³ Роспись к рядной: *Барсуков А. П.* Род Шереметевых. Кн. 7. С. 226. Роспись к раздельной: АЮБ. Т. III. Стб. 264–266 (№328, III). К духовной Г. Фетиева присоединено несколько росписей; см.: Отечественные записки. 1829. Ч. 37. №106–107. Позднейшую роспись к рядной названную «реэстром веновным» (соединение архаизма с неологизмом) 1774 года см.: Киевская Старина. 1903. Т. LXXXI. С. 159–163.

²⁷⁴ СГГД. Ч. 1. С. 299–305 (№121 и 122).

²⁷⁵ *Дьяконов М. А.* Акты, относящиеся к истории тяглого населения... Вып. 1. С. 2–3 (№3).

²⁷⁶ Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца. Вып. 6. С. 110, 120–121. Данную с отказом от права выкупа – см., например: *Шумаков С. А.* Сотницы, грамоты и записи. Вып. 1. С. 224–225. Купчую с клаузулой о родовом выкупе, которая формулировалась иногда с ограничениями – см.: АЮ. С. 127–128 (№86); *Шумаков С. А.* Обзор грамот... Вып. 4. №870 и др. Отпись об отказе от права выкупа – см.: СГГД. Ч. 1. С. 473 (№173) и др. Клаузулу об очищении земли – см.: АЮ. С. 122 (№79), 123–124 (№82) и др. Очищальную запись 1538 года – см.: Сборник грамот Коллегии Экономии... Т. I. Стб. 85 (№81). С. Шумаков указывает на севере на «закладные и доимочные памяти к ним», а также на «меновные записи с разными добавочными к ним другими записями»; см.: *Шумаков С. А.* Обзор грамот... Вып. 4. С. 36.

²⁷⁷ АЮ. С. 123–124 (№82); Сборник грамот Коллегии Экономии... Т. I. Стб. 22–23 (№24); АЮБ. Т. I. Стб. 201–203 (№52).

²⁷⁸ Сборник грамот Коллегии Экономии... Т. I. Стб. 513–514 (№463); Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 2 // РИБ. Т. XIV. Стб. 323–324, 964–965. Ср. вышеприведенную память Клоновского монастыря (С. 49). Важские

столбцы в Рукописном Отделении Российской Академии Наук; здесь хранится несколько таких вкладных [Ср.: *Верюжский В. М. Афанасий, архиепископ Холмогорский.* СПб., 1908. С. 259–260, прим. 6].

²⁷⁹ *Котляров Г. М.* Указ. соч. С. 182–223.

²⁸⁰ *Дьяконов М. А.* Акты, относящиеся к истории тяглого населения... Вып. 1. С. 41–42 (№40).

²⁸¹ Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 2 // РИБ. Т. XIV. Стб. 1038–1043.

²⁸² Сборник грамот Коллегии Экономии... Т. I. Стб. 355–356 (№363); Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 2 // РИБ. Т. XIV. Стб. 219–222. Термин «подеренок», как видно из контекста некоторых купчих, употреблялся и для обозначения «пополнка»; см.: Там же. Т. XIV. Стб. 53; Сборник грамот Коллегии Экономии... Т. I. Стб. 87–88 (№84).

²⁸³ Там же. Стб. 128 (№128); АЮ. С. 112–113, 115 (№71, X и XX). Ср.: *Ельяшевич В. Б.* Указ. соч. С. 228–230.

²⁸⁴ *Лаппо-Данилевский А. С.* Служилые кабалы позднейшего типа. Отд. отт. С. 12–13, 16, 45–46.

²⁸⁵ АЮ. С. 110–119 (№71), 120 (№75), 123–124 (№82), 125–127 (№85), 130–131 (№91) и др.; АЮБ. Т. II. Стб. 335–385 (№147).

²⁸⁶ СГГД. Ч. 1. С. 31–33 (№21); АЮ. С. 436–438 (№410) и др.

²⁸⁷ Записная книга крепостным актам XV–XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву. Стб. 125, 131–134, 183.

²⁸⁸ *Сидоров Н. И.* Указ. соч. С. 259–261; *Лаппо-Данилевский А. С.* Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия. СПб., 1899. С. 27, 29, 34–35 и др.

²⁸⁹ АЮ. С. 454–457 (№421).

²⁹⁰ АЮБ. Т. I. Стб. 453–455 (№63, XIX).

²⁹¹ СГГД. Ч. 1. С. 302–303 (№122, I).

²⁹² АЮ. С. 154–155 (№130).

²⁹³ АЮБ. Т. I. С. 558.

²⁹⁴ АЮ. С. 145 (№110, VI).

²⁹⁵ АЮБ. Т. I. Стб. 689 (№111).

²⁹⁶ Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 1 // РИБ. Т. XII. Стб. 1329.

²⁹⁷ *Дьяконов М. А.* Акты, относящиеся к истории тяглого населения... Вып. 1. С. 41–42 (№40).

А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ – ОСНОВАТЕЛЬ РУССКОЙ ШКОЛЫ ДИПЛОМАТИКИ ЧАСТНОГО АКТА

Обращаясь к истории создания «Очерка дипломатики русских частных актов» необходимо иметь в виду, что эта работа стала результатом многолетних археографических изысканий как самого А. С. Лаппо-Данилевского, так и его многочисленных учеников. Начало этих изысканий восходит к первой половине 1900-х гг., когда ученый начал подготовку к изданию грамот Коллегии экономии.¹ Она сопровождалась ученой полемикой, а по выходе в свет стала предметом последующей историографической рефлексии.² В первые месяцы своей работы в Академии наук, куда А. С. Лаппо-Данилевский был избран в 1899 г., он поставил вопрос о состоянии дел в издании архивных материалов в России. В мае 1900 г. он получил от нее официальное поручение подготовить план изданий архивных документов XVI–XVII вв.³ Первую часть плана под названием «Какое из изданий архивных документов стоит на очереди в современной русской историографии?»⁴ А. С. Лаппо-Данилевский доложил Историко-филологическому отделению (ИФО) Академии в октябре 1900 г.⁵ Для российской науки это выступление стало поворотным. А. С. Лаппо-Данилевский указал на недостаточное внимание русской археографии к частным актам, в то время как они являются важнейшим источником для нового направления в науке – исследования быта и хозяйственных отношений. С этой точки зрения, его не удовлетворяли существующие издания актов. По словам А. С. Лаппо-Данилевского, основные их сборники, то есть «Акты юридические» и «Акты, относящиеся до экономической истории, хозяйственной деятельности юридического быта древней России», являются лишь подбором разновидностей частных актов, учеными хрестоматиями, «полезными для... ознакомления с формальными особенностями каждого вида, но совсем не достаточные для исследования самих явлений, нуждающихся в систематическом собрании подобного рода материалов». На

этом основании А. С. Лаппо-Данилевский предлагал, во-первых, отложить и дальнейшее печатание издаваемых Академией «Актов Московского государства» (ссылаясь на произвольный характер отбора актов или выписок из актов издателем) и, во-вторых, приступить к изданию корпуса актов Коллегии экономии, которые древнее, разнообразнее и имеют большое значение для хозяйственной истории и истории быта. Выступление А. С. Лаппо-Данилевского произвело сильное впечатление на членов ИФО, которые согласились с его доводами.⁶

В середине 1900-х гг. свои академические занятия, связанные с подготовкой издания грамот Коллегии экономии, А. С. Лаппо-Данилевский переносит в Петербургский университет: в 1904–1905 учебном году на историко-филологическом факультете под его руководством начал работу семинар по дипломатике частного акта. В подготовке издания грамот Коллегии экономии этот семинар сыграл важнейшую роль. Его участники со временем включились в работу, проводимую с начала 1900-х гг. А. С. Лаппо-Данилевским и его московским коллегой С. А. Шумаковым. Но еще до непосредственного привлечения своих учеников к этому важному делу А. С. Лаппо-Данилевский постарался ввести деятельность семинара в круг интересов Академии. Уже с апреля 1905 г. по его просьбе ИФО включило в план своих занятий работы над составом сборника актов Кирилло-Белозерского монастыря, которые проводились под руководством А. С. Лаппо-Данилевского его учениками А. А. Шиловым и Н. И. Сидоровым.⁷

Семинар по дипломатике частного акта, выросший из работ А. С. Лаппо-Данилевского по изданию грамот Коллегии экономии, к 1911 г. постепенно превратился в научное сообщество, занимающееся дипломатикой частного акта. Организационно это выразилось в формальном отделении семинара от университета и все большем оформлении его деятельности при ИФО. В феврале 1911 г. А. С. Лаппо-Данилевский проинформировал Отделение о том, что он «уже давно занимается вместе с некоторыми из своих учеников подготовкой каталога всех частных актов, напечатанных в различных изданиях». Он попросил у ИФО технической поддержки этой работы в виде печатания в академической типографии бланков для каталога, что с этого момента регулярно осуществлялось по запросам

семинара. С ноября 1911 г. А. С. Лаппо-Данилевский обратился к ИФО с просьбой оплачивать проводимые работы по составлению каталога, аргументируя это тем, что эта работа «имеет значение и для составления библиографических примечаний к грамотам бывшей Коллегии экономики, печатаемых Академией». С этого момента работа участников семинара А. С. Лаппо-Данилевского оплачивалась,⁸ что, на наш взгляд, способствовало как ее более быстрому продвижению, так и консолидации семинара, перераставшего в кружок единомышленников. Финансирование работ Академией потребовало и регулярных отчетов А. С. Лаппо-Данилевского, которые он предоставлял ИФО с 1913 г. В одном из них, в феврале 1915 г., он отмечал, что «долголетние работы по составлению каталога частных актов, предпринятые мной вместе с моими учениками, в настоящее время приближаются к концу». Действительно, в эти годы членами кружка была проделана большая по объему работа. Для составления каталога было просмотрено огромное количество столичных и провинциальных изданий почти за столетие. Работы продолжались и в кризисные 1917–1919 гг. Финансовый кризис, сказавшийся на всех предприятиях Академии, по всей вероятности, сильно ударил и по финансированию составления Каталога частных актов. В марте 1918 г. А. С. Лаппо-Данилевский все же добился на заседании ИФО получения кредита для окончания работ, которые по его предложению ИФО поручило А. И. Андрееву.⁹ Это решение (наряду с последующим назначением его Ученым секретарем Археографической комиссии) предопределило положение А. И. Андреева как ответственного редактора ряда академических изданий, начатых А. С. Лаппо-Данилевским.

Впервые оценка деятельности А. С. Лаппо-Данилевского по созданию школы дипломатики частного акта была высказана в 1915 г. в статье по поводу 25-летия его педагогической деятельности его учеником В. Н. Куном.¹⁰ Празднование 25-летия научно-педагогической деятельности А. С. Лаппо-Данилевского завершилось изданием сборника статей его учеников, посвященного этому событию.¹¹ Среди авторов сборника были А. И. Андреев, А. А. Шилов, В. И. Веретенников, В. Н. Кун, Г. М. Котляров, М. Ф. Злотников, Н. И. Сидоров, М. Н. Смирнов. Все статьи были написаны участниками дип-

ломатического семинара (кружка) А. С. Лаппо-Данилевского и были связаны с его проблематикой. А. И. Андреев поместил в сборнике краткий очерк деятельности кружка. Автор подчеркнул методологическую направленность деятельности кружка, определил основные этапы его развития и направления работы.¹²

Таким образом, с одной стороны, академическая деятельность А. С. Лаппо-Данилевского в области археографии послужила толчком для складывания археографической школы его учеников и русской школы дипломатики частного акта. С другой же стороны, формирование научного сообщества его учеников служило базой для развития археографической деятельности академика и Историко-филологического отделения Академии.¹³ В 1900–1910 гг. А. С. Лаппо-Данилевским и его учениками был создан целый ряд работ по дипломатике.¹⁴ Базовым теоретическим трудом стал подготовленный А. С. Лаппо-Данилевским незадолго до смерти «Очерк русской дипломатики частных актов»,¹⁵ являющийся номинально лишь курсом лекций, прочитанным А. С. Лаппо-Данилевским в 1918 г. для студентов Археологического института. «Очерк...» вышел уже после кончины ученого под редакцией А. И. Андреева в 1920 г. По существу, в этом труде автор попытался обобщить теоретический и методический опыт работы с актами, накопленный возглавляемой им школой почти за два десятилетия.

После смерти А. С. Лаппо-Данилевского в 1919 г. созданный им кружок исследователей дипломатики частного акта получил название «кружка памяти А. С. Лаппо-Данилевского»;¹⁶ он продолжил работу по составлению каталога частных актов в 1920-е гг. Каталог частично был опубликован в 1936 г.¹⁷

Под редакцией А. И. Андреева в 1922 г. вышел в свет и «Терминологический словарь частных актов Московского государства»,¹⁸ также явившийся результатом многолетней работы кружка. В предисловии редактор показал основные этапы работы над словарем, проходившей под руководством А. С. Лаппо-Данилевского.¹⁹ В 1922 г. вышел из печати долгожданный первый том «Сборника грамот Коллегии экономии».²⁰ В редакторском предисловии А. И. Андреев изложил историю подготовки издания. Особое место автором было уделено освещению роли А. С. Лаппо-Данилевского, в течение почти двад-

цати лет руководившего подготовительными работами по изданию сборника.²¹ Одновременно с его выходом в свет Академией (под редакцией А. И. Андреева) были опубликованы и «Правила издания сборника грамот Коллегии экономии».²² Наконец, в 1929 г. в свет вышел второй и последний том «Сборника грамот Коллегии экономии».²³

Следует подчеркнуть, что формирование системы дипломатики А. С. Лаппо-Данилевского и его концепции методологии истории проходило параллельно на протяжении почти двадцати лет, с начала 1900-х гг. Свой подход к задачам исторической науки А. С. Лаппо-Данилевский сформулировал в своей основной теоретической работе – «Методологии истории».²⁴

Среди первых попыток осмысления значения для науки системы дипломатики, созданной А. С. Лаппо-Данилевским и его школой, прежде всего следует отметить серию аналитических статей одного из наиболее известных учеников А. С. Лаппо-Данилевского – С. Н. Валка.²⁵ Именно благодаря работам С. Н. Валка А. С. Лаппо-Данилевский признан в литературе как основатель русской школы дипломатики частного акта.²⁶ Это суждение С. Н. Валк высказал уже в первом кратком отклике на «Очерк русской дипломатики частного акта».²⁷ В той же рецензии он указал и на то, что в «Очерке русской дипломатики...» получили развитие общие принципы «Методологии истории».²⁸ В очерке «Воспоминание ученика» С. Н. Валк основное внимание уделил истории дипломатического семинария А. С. Лаппо-Данилевского. Наблюдения автора интересны и с точки зрения истории русской дипломатики, и с точки зрения генезиса научных взглядов в этой области как А. С. Лаппо-Данилевского, так и самого С. Н. Валка. По его словам, существовало две группы («правая» и «левая») в семинарии и кружке по изучению частных актов.²⁹ Из изложения С. Н. Валка, по всей видимости, следует, что в ходе эволюции семинара изменялся и характер «оппозиционности» двух групп по отношению друг к другу. Вначале «библиографы» («правая»), связывающие свои задачи с исторической практикой, противостояли теоретикам акта («левая»). Затем, по мере работы над актами и развития теории, положение менялось: «Путь пройден был не малый, от наивного библиографического сознания к принципиально-обоснованному. На место случайного состава

ва записи становился другой – целеобусловленный».³⁰ Автор давал понять, что вместе с А. С. Лаппо-Данилевским принадлежит к лагерю «теоретиков». Благодаря мысли «теоретиков», согласно С. Н. Валку, лучше почувствовали себя именно «практики», т. е. работники «того психологического склада, что более склонен к библиографическому типу работы... Вот научно-психологический момент, создавший в процессе непрерывного и систематического труда нашу правую и питавший ее».³¹ Но движение вперед «левой», вдохновляемое А. С. Лаппо-Данилевским, продолжалось. Автор так оценивал научные позиции членов кружка А. С. Лаппо-Данилевского на момент его распада: «если для части из нас дипломатика приобретала такое независимое значение области самостоятельных проблем, то из остальных одни продолжали тяготеть к исходным точкам – к собственно историческому исследованию со стремлением лишь служебно понять роль акта (они то и стали нашим центром), другие же поняли дипломатику своеобразно, независимо от истории собственно, желая прежде всего и едва ли не только всего клазуального анализа акта (наша же правая)».³² Замечания, приведенные в «Воспоминании ученика», соответствовали точке зрения о расхождениях в семинаре А. С. Лаппо-Данилевского, высказанной С. Н. Валком двумя годами позднее, – в другой рецензии на «Очерк дипломатики частных актов» А. С. Лаппо-Данилевского.³³ Однако в статье 1922 г. А. С. Лаппо-Данилевский выступает скорее как представитель «правой», т. е. чуждой рецензенту точки зрения.³⁴ На наш взгляд, в действительности А. С. Лаппо-Данилевский в «Очерке русской дипломатики частных актов» синтезировал позиции участников кружка. Сам С. Н. Валк отмечал, что несмотря на разногласия членам кружка «все яснее становилось, что научно мы несомненно представляем что-то единое»,³⁵ но одновременно сводил это общее к абстрактным категориям единства «в пределах абсолюта», понимания «этического императива», научного дела³⁶ и объединения самой личностью А. С. Лаппо-Данилевского.³⁷ Проводимая в «Воспоминании ученика» и рецензии 1922 г. сепарация взглядов участников семинара объективно подготавливала основания для вызревания формально-эволюционной концепции С. Н. Валка, преодолевающей установки методологии источниковедения А. С. Лаппо-

Данилевского.³⁸ С другой стороны, сам факт фундаментальных расхождений между участниками семинара А. С. Лаппо-Данилевского не вызывает сомнений. Именно поэтому интегрирующий подход самого А. С. Лаппо-Данилевского вызвал возражения у представителя другой («правой») точки зрения. Выражением этой точки зрения стала рецензия Г. М. Котлярова.³⁹ Если С. Н. Валк критиковал А. С. Лаппо-Данилевского за необоснованное преобладание «систематической» точки зрения над «эволюционной» в вопросе «об актах с осведомительным и актах с удостоверительным характером»,⁴⁰ то Г. М. Котляров недостаток всей системы А. С. Лаппо-Данилевского видел, по сути, как раз в неразвитости юридической точки зрения: как с позиций методологии (ошибочное выделение А. С. Лаппо-Данилевским исторического источниковедения акта, т. е. изучение его как явления /«документа с правозначающим содержанием»/ из исторического построения), так и с позиций собственно дипломатики – отсутствия у А. С. Лаппо-Данилевского «выяснения видов и разновидностей русских старинных актов».⁴¹

С. Н. Валк также откликнулся и на первый том «Сборника грамот Коллегии экономии» и «Правила издания грамот Коллегии экономии». В рецензии с подзаголовком «историографические заметки» он показал, что начало издания «Сборника грамот Коллегии экономии» было подготовлено всем ходом развития российского актоведения и археографии. С. Н. Валк обратил внимание и на то, что «работа над изданием «Сборника» имела результатом... создание в условиях русской науки новой для последней исторической дисциплины – дипломатики».⁴² А. Е. Пресняков, который в целом не разделял научные взгляды А. С. Лаппо-Данилевского, в ряде очерков, написанных в начале 1920-х гг. и посвященных памяти ученого,⁴³ также пытался показать исключительную ценность системы дипломатики А. С. Лаппо-Данилевского и значение созданной им школы.⁴⁴

Большинство авторов статей, посвященных А. С. Лаппо-Данилевскому в начале 1920-х гг. (И. М. Гревс, С. Ф. Ольденбург, Б. Д. Греков, Н. И. Кареев, А. Е. Пресняков, С. Н. Валк и другие), подчеркивали единство историко-теоретической системы А. С. Лаппо-Данилевского, в составе которой система

дипломатики выступала как один из важнейших элементов.⁴⁵ Как отмечал И. М. Гревс, А. С. Лаппо-Данилевского все больше привлекала «теория истории», работа над которой все более систематизировалась, перерастая во всеобъемлющую систему «теоретического обществоведения».⁴⁶ Согласно И. М. Гревсу, этим обусловлено и то, что «...постепенно, можно сказать, философ в А. С. Лаппо-Данилевском начал преодолевать историка, но от первоначально избранного призвания он не отказался до конца и его философствование всегда служило целям и интересам истории, как он понимал их, как это понимание развивалось в концепцию широкой полноты и стройности».⁴⁷ Примечательно, однако, что в целом критическое отношение позитивистской историографии к «теории истории» А. С. Лаппо-Данилевского не вылилось в какие-либо резкие суждения о его системе дипломатики, споры вокруг которой оставались уделом непосредственных учеников ученого.

В 1922–1923 гг. происходят кардинальные изменения историографической ситуации. Они были связаны с ликвидацией неблагонадежных, с точки зрения советского режима, исторических журналов, с оттеснением историков старой школы от преподавательской деятельности.⁴⁸ К середине 1920-х гг. марксистская школа М. Н. Покровского заняла командные позиции в науке. Представители старой школы группировались вокруг учреждений Академии наук, которая до конца 1920-х гг. оставалась оппозиционно настроенной по отношению к новой власти.⁴⁹

Установка на борьбу с буржуазной историографией и теоретические взгляды М. Н. Покровского и его школы исключали возможность объективного рассмотрения творчества до-революционных историков со стороны представителей этого направления в исторической науке. С другой стороны, точка зрения М. Н. Покровского, как признанного лидера официальной исторической науки, об отсутствии у А. С. Лаппо-Данилевского какой-либо теории вообще⁵⁰ повлияла на то, что до конца 1920-х гг. имя автора «Методологии истории» и «Очерка русской дипломатики...» фактически не упоминалось в марксистской исторической литературе.

С. Н. Валк, занимавший в 1920-е гг. независимое положение по отношению к школе М. Н. Покровского, по существу,

остался одним из немногих учеников А. С. Лаппо-Данилевского, открыто развивавшим его научно-теоретические взгляды и способствовавшим их распространению в науке. Так, в 1925 г. С. Н. Валк призвал историков обращаться по вопросам, связанным с «общей критикой текста исторических документов», к «Методологии источниковедения» (один из отделов «Методологии истории») А. С. Лаппо-Данилевского, которую он охарактеризовал «как «лучшее руководство не только в русской, но и европейской литературе этого предмета».⁵¹ Однако и этот положительный отзыв о методологическом труде А. С. Лаппо-Данилевского касался только одной из его частей и не был оценкой всей его историко-теоретической системы. Также можно охарактеризовать и статью А. И. Андреева «О правилах издания исторических текстов» (1926 г.), в которой автор подчеркивал значение работ А. С. Лаппо-Данилевского по составлению археографических правил, прежде всего, «Правил издания грамот Коллегии экономии».⁵² А. И. Андреев также преподавал археографию и дипломатику в Ленинградском университете (1927–1929 гг.) по «плану» А. С. Лаппо-Данилевского.⁵³ Характер оценок и использования наследия А. С. Лаппо-Данилевского, таким образом, отражал в целом парадоксальную ситуацию, сложившуюся в советской исторической науке конца 1920-х гг., отличительными чертами которой был, с одной стороны, высокий уровень археографической культуры и специальных исторических дисциплин и, с другой – крайний схематизм и идеологизация теоретических построений.⁵⁴

С критикой теории истории А. С. Лаппо-Данилевского с позиций, близких А. Айзенбергу, выступил в 1931 г. М. М. Цвибак⁵⁵ в ходе компании, развернутой против историков старой школы во время следствия по «Академическому делу». Тогда же С. Н. Валк предпринял попытку отделить «Методологию истории» от методических идей А. С. Лаппо-Данилевского в области дипломатики частного акта и археографии.⁵⁶ Тем самым С. Н. Валк отошел от точки зрения, высказанной им в 1920 г. На наш взгляд, таким образом ученый хотел оградить школу своего учителя от репрессий. Это стремление С. Н. Валка выразилось также в том, что во время «Академического дела», по которому в качестве одного из главных обвиняемых проходил С. Ф. Платонов, С. Н. Валк противопоставлял шко-

лу С. Ф. Платонова школе А. С. Лаппо-Данилевского. По его словам, научный метод А. С. Лаппо-Данилевского сильно отличался от «художественного» подхода С. Ф. Платонова и не получил «четкой классовой установки», а потому ученики А. С. Лаппо-Данилевского могут полноценно войти в марксистскую историографию.⁵⁷ С. Н. Валку резко возражали С. Г. Томсинский и М. М. Цвибак. С. Г. Томсинский утверждал, что «Правила издания грамот Коллегии экономии» «носили великодержавный дворянско-буржуазный характер»,⁵⁸ а М. М. Цвибак заявил, что «технические и методологические приемы Лаппо-Данилевского были всегда определенным образом увязаны с его философией», и указал на несомненную связь методологии истории с дипломатикой частного акта А. С. Лаппо-Данилевского.⁵⁹ М. М. Цвибак завершил свое выступление словами: «поскребите Лаппо-Данилевского – получите Пуришкевича».⁶⁰

Частичное изменение отношения к представителям дореволюционной исторической науки во второй половине 1930-х гг. коснулось и А. С. Лаппо-Данилевского. В сборнике «Проблемы источниковедения» (1936)⁶¹ был помещен ряд материалов, связанных с творчеством ученого. В предисловии к «Правилам издания документов XVI–XVII вв.»⁶² их авторы (Б. Д. Греков, В. Г. Гейман, К. Н. Сербина, Н. С. Чаев, Р. Б. Мюллер) отметили, что «Правила издания грамот Коллегии экономии» стали «до известной степени, основой и отправным пунктом в разработке» подготовленного ими руководства.⁶³ В приложении к сборнику «Проблемы источниковедения» был также опубликован «Каталог частных актов Московского государства». В предисловии к «Каталогу...» было отмечено, что его составление было предпринято А. С. Лаппо-Данилевским и проходило в его семинариях.⁶⁴ В статье Г. Е. Кочина «Писцовые книги в буржуазной историографии»⁶⁵ методика работы А. С. Лаппо-Данилевского с писцовыми книгами была представлена как пример наиболее тонкого анализа этого источника, сделанного «буржуазным историком». Г. Е. Кочин связал внимание А. С. Лаппо-Данилевского к этому типу источников с переориентацией буржуазной историографии 1880–1890-х гг. на изучение экономического быта русского государства. По Г. Е. Кочину, А. С. Лаппо-Данилевский обратился к этой проблематике как «патриот и националист», т. е. представитель

нового поколения государственной школы. Однако, по мнению Г. Е. Кочина, с «упадком» исторической науки в конце 1890-х–начале 1900-х гг. А. С. Лаппо-Данилевский отказался от изучения истории социально-экономического процесса и пришел к выводу о невозможности решения «общих вопросов» исторической науки. Отражением этой позиции, как считал Г. Е. Кочин, стала идиографическая методология исторического знания и внимание к таким «индивидуальным» источникам, как частные акты, разработка проблем дипломатики.⁶⁶ Таким образом, Г. Е. Кочин, хронологически разделяя творчество А. С. Лаппо-Данилевского, вслед за М. М. Цвибаком указывал на методологическое единство его последнего (с конца 1890-х гг.) этапа.

Своеобразным итогом частичной реабилитации государственной школы и дореволюционной исторической науки во второй половине 1930-х гг. стала книга Н. Л. Рубинштейна «Русская историография» (1941). Немало места в этой монографии уделено историкам рубежа веков, в том числе и А. С. Лаппо-Данилевскому. Отмечая, что он среди историков своего времени «выделялся своей эрудицией и тематическим охватом своих работ»,⁶⁷ Н. Л. Рубинштейн характеризовал его «Методологию истории» как философско-религиозную концепцию в духе шеллингизма. Не вдаваясь в детальную оценку теоретических воззрений А. С. Лаппо-Данилевского, Н. Л. Рубинштейн считал их ярким проявлением кризиса буржуазной историографии.⁶⁸ В то же время историограф дал высокую оценку конкретно-историческим трудам А. С. Лаппо-Данилевского и его работам по дипломатике частного акта, которые рассматривал в отрыве от теоретических взглядов ученого, следуя, таким образом, в оценке творчества А. С. Лаппо-Данилевского за С. Н. Валком. В своей работе этого периода «Советская археография» (1948) С. Н. Валк связывал развитие советской исторической науки в области дипломатики и археографии именно с наследием А. С. Лаппо-Данилевского. Автор пришел к выводу, что «Правила издания грамот Коллегии экономики» этого русского ученого «далеко превзошли все западноевропейские правила издания документов».⁶⁹ С. Н. Валк отметил, что этот труд А. С. Лаппо-Данилевского стал «несомненным образцом для всех последующих наших работ по со-

ставлению правил издания документов».⁷⁰ Примечательно, что, анализируя в своей книге работы А. С. Лаппо-Данилевского по археографии и дипломатике, С. Н. Валк ни словом не обмолвился о «Методологии истории».

В конце 1940-х–начале 1950-х гг. политический режим вернулся к политике «закручивания гаек», начался новый виток репрессий против интеллигенции. Одним из элементов гонений, обрушившихся на общество и науку, была кампания по борьбе с буржуазным объективизмом и космополитизмом. Большой размах она приобрела в Ленинграде: было сфабриковано «Ленинградское дело», началось преследование журналов «Звезда» и «Ленинград», развернулась настоящая травля ученых-гуманитариев. Особый удар был направлен против ленинградских историков старой школы (учеников С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова, А. С. Лаппо-Данилевского, А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова) через политическую дискредитацию их учителей.⁷¹ С разгромными статьями о творчестве А. А. Шахматова и А. Е. Преснякова выступили В. Т. Пашуто⁷² и Л. В. Черепнин.⁷³ В этом контексте следует рассматривать и другую статью Л. В. Черепнина «А. С. Лаппо-Данилевский – буржуазный историк и источниковед» (1949).⁷⁴ В ней один из будущих лидеров официальной историографии потребовал от советских историков комплексного анализа творчества А. С. Лаппо-Данилевского, вслед за М. М. Цвибаком призвав к объединенному рассмотрению «Методологии истории» и других произведений ученого.⁷⁵ Анализ творческой деятельности А. С. Лаппо-Данилевского был проведен автором по очевидному политическому заказу с позиций марксистско-ленинской идеологии.

Л. В. Черепнин утверждал, что религиозно-мистическое воспитание А. С. Лаппо-Данилевского в университете переросло в формирование «историка-идеалиста реакционного типа»,⁷⁶ а это привело его, в конце концов, на «крайне правое место в лагере официальной буржуазной историографии».⁷⁷ Согласно Л. В. Черепнину, заняв такие позиции, А. С. Лаппо-Данилевский разработал систему неокантианской методологии истории, которая отражала настроения буржуазии в годы «столыпинской реакции».⁷⁸ Л. В. Черепнин считал, что «Методология истории» напрямую связана с трудами А. С. Лаппо-Данилевско-

го по дипломатике частного акта, а также с его конкретно-историческими работами. По мнению Л. В. Черепнина, «ошибочные» установки «Методологии истории» (второго выпуска – «Методологии источниковедения») даже усиливаются в «Очерке русской дипломатики частных актов», где А. С. Лаппо-Данилевский «сделал попытку применить свои теоретические взгляды к разработке проблем актового источниковедения». ⁷⁹ Это выразилось в неокантианской гносеологии А. С. Лаппо-Данилевского, рассматривавшего источники (в том числе частные акты) как источники и как явления. ⁸⁰

Безусловно, при оценке статьи Л. В. Черепнина следует учитывать и то обстоятельство, что сам автор находился под сильным давлением со стороны партийных и карательных органов. В ходе кампании развернутой в МГИАИ, где Л. В. Черепнин был профессором, против «буржуазной историографии», он и сам оказался под «судом чести», будучи вынужденным оправдываться за свои идеологические «ошибки» и доказывать свою политическую лояльность перед усердствующими обвинителями (В. И. Самойловой, А. Д. Никоновым, Е. Н. Даниловой, Н. А. Елистратовым, Н. Н. Яковлевым и др.). ⁸¹ Другое дело, что линия поведения Л. В. Черепнина все же разительно отличалась от позиции А. И. Андреева, оказавшегося в схожей ситуации и заявившего, что ошибки свои постарается исправить, но от «частной приверженности» к А. С. Лаппо-Данилевскому ему отказать трудно – «все-таки он был моим учителем». ⁸²

Статья Л. В. Черепнина носила характер официального приговора творчеству А. С. Лаппо-Данилевского. Он предопределил оценки творчества ученого, которые давались в литературе общего характера (учебных пособиях, энциклопедиях). Показательно, что когда в конце 1940-х–начале 1950-х гг. Академией наук был осуществлен после длительного перерыва ряд научно-критических изданий актового материала по правилам близким к «Правилам издания сборника Коллегии экономии», ⁸³ в них ни словом не было упомянуто о следовании археографическим принципам А. С. Лаппо-Данилевского. Единственное упоминание его имени и «Грамот коллегии экономии» было сделано в редакционном предисловии к первому тому «Актов социально-экономической истории Северо-восточной Руси» и

являлось в большей степени критическим. Признавая ценность материала, введенного в научный оборот изданием «Грамот коллегии экономии» редактор считал ошибочным «сам принцип, положенный в [его] основу», поскольку не видел смысла в издании случайного фонда.⁸⁴

Резко негативное отношение к археографической деятельности А. С. Лаппо-Данилевского проявилось и в Хрестоматии по археографии, изданной МГИАИ в 1955 г.⁸⁵ Автор введения к «Хрестоматии...» Е.М. Тальман подвергла резкой критике «Правила издания сборника Коллегии экономии», отметив, что они «...страдают формализмом и обходят молчанием важнейшие вопросы научно-критического издания документов, ни в коей степени не отвечают задачам советской археографии», и потому «...не были включены в настоящую хрестоматию».⁸⁶ Аналогичная оценка «Правил...» прозвучала и в книге П. Г. Софинова «Из истории дореволюционной археографии» (1957).⁸⁷

Таким образом, в 1920–1940-е гг. в исторической литературе возникли две основные тенденции в подходе к творчеству историка. Первую можно назвать «тенденцией С. Н. Валка», которая была связана со стремлением отграничить «идеалистическую» теорию истории А. С. Лаппо-Данилевского от других его работ и, тем самым, отвести место наследию ученого (прежде всего его системе дипломатики и археографии) в советской исторической науке. Вторую тенденцию можно назвать «тенденцией М. М. Цвибака – Л. В. Черепнина». Она была связана со стремлением к комплексному историографическому анализу работ ученого и реконструкции системы его научно-методологических взглядов. В условиях господства в науке догматического марксизма такой подход неизбежно приводил к отрицательной оценке всего творчества А. С. Лаппо-Данилевского.

Период «оттепели» благоприятно повлиял на историческую науку, создал условия для возвращения исследователей к рассмотрению творчества А. С. Лаппо-Данилевского. В то же время следует учитывать, что жесткая регламентация исследовательской деятельности со стороны государства по-прежнему не давала возможности для комплексного анализа «буржуазного» историографического наследия. Лишь очень постепен-

но на протяжении 1950–1980-х гг. советские историки расширяли границы «санкционированной свободы». ⁸⁸ На примере творчества А. С. Лаппо-Данилевского этот процесс проявился довольно ярко.

В 1958 г. в очерке, посвященном археографической деятельности Б. Д. Грекова ⁸⁹, С. Н. Валк использовал имя одного из официально признанных лидеров советской науки для реабилитации своего учителя. По мнению С. Н. Валка, именно семинар А. С. Лаппо-Данилевского, посвященный вопросам дипломатики, «подвел Б. Д. Грекова непосредственно к занятиям в области вспомогательных исторических дисциплин». ⁹⁰ Взвешенную позицию по отношению к наследию А. С. Лаппо-Данилевского занял А. А. Зимин. В работе «Методика издания древнерусских актов» (1959) он охарактеризовал «Правила издания сборника грамот Коллегии экономии» как «лучший сборник правил издания актовых материалов прошлого». Вслед за С. Н. Валком А. А. Зимин подчеркнул, что «тщательная разработка правил передачи текста документа, составления заголовков и легенд, а также указателей, выгодно отличает эти «Правила...» от более ранних опытов» и, что «Правила...» были в дальнейшем «широко использованы советскими археографами». В то же время А. А. Зимин посчитал необходимым указать на неверные «методологические посылки» «Правил...», связанные с «формально-юридическим подходом к изданию актов их редактора А. С. Лаппо-Данилевского». Пофондовый принцип издания актов казался А. А. Зимину (вслед за Л. В. Черепниным) неверным, а принцип передачи текста грамот, предложенный А. С. Лаппо-Данилевским, «крайне сложным»; упрекал автор А. С. Лаппо-Данилевского и за отсутствие «классовой характеристики» лиц, участвовавших в той или иной сделке. ⁹¹

В 1962 г. вышла книга А. Л. Шапиро «Русская историография в период империализма». ⁹² Автор относил А. С. Лаппо-Данилевского к поборникам риккертланства, чьи принципы отбора исторического материала по отношению к данной ценности А. Л. Шапиро называл «глубоко антинаучными». ⁹³ Автор рассмотрел систему дипломатики частного акта, разработанную А. С. Лаппо-Данилевским, и пришел к выводу, «что формализм резко снижает значение источниковедческой ме-

тодологии А. С. Лаппо-Данилевского». Работам А. С. Лаппо-Данилевского в области дипломатики А. Л. Шапиро противопоставил труды его учеников, А. А. Шилова и С. Н. Валка, которые «дали хороший результат потому, что изменение формуляров грамот они уже начинали связывать с изменением общественных условий».⁹⁴ Таким образом, А. Л. Шапиро в основных своих положениях критики творчества А. С. Лаппо-Данилевского следовал за Л. В. Черепниным. В то же время появление в историографии новой значительной по объему характеристики А. С. Лаппо-Данилевского как «одного из наиболее разносторонних буржуазных историков»⁹⁵ способствовало возвращению историографов к анализу его творчества.

С начала 1960-х гг. к изучению творчества А. С. Лаппо-Данилевского в области источниковедения обратился С. М. Каштанов. Вначале он также в целом следовал «линии Л. В. Черепнина», будучи автором раздела «Источниковедение» во втором томе «Очерков истории исторической науки в СССР» (1960).⁹⁶ Однако уже в 1962 г. С. М. Каштанов существенно скорректировал позицию, выступив совместно с А. А. Курносовым с протестом против «односторонней оценки таких крупных буржуазных источниковедов, как А. А. Шахматов и А. С. Лаппо-Данилевский», данной в учебнике В. И. Стрельского.⁹⁷ На это сразу же последовала реакция Л. В. Черепнина, который повторил тезис о том, что вся «Методология истории» «проникнута единой теорией неокантианства, для нас неприемлемой».⁹⁸

В 1963 г. ученик А. С. Лаппо-Данилевского А. А. Введенский издал «Лекции по документальному источниковедению в СССР»,⁹⁹ в которых занял осторожную позицию по отношению к научному наследию учителя. Автор отметил, что «наивысшего развития русская буржуазная дипломатика получила в работах акад. А. С. Лаппо-Данилевского». Автор считал, что исследования А. С. Лаппо-Данилевского по дипломатике «выполнены с буржуазно-идеалистических, неокантианских позиций, но содержат много фактического актоведческого материала и при критическом подходе и полном отбрасывании неокантианских его тенденций в некоторой степени могут быть полезны для советской дипломатики».¹⁰⁰ Одновременно А. А. Введенский солидаризировался с критикой системы

дипломатики А. С. Лаппо-Данилевского, данной Л. В. Черепниным.¹⁰¹

В 1963 г. в «Очерках истории исторической науки в СССР» (III том)¹⁰² А. С. Лаппо-Данилевский, с одной стороны, оценивался как ярый противник марксизма и «воинствующий идеалист»,¹⁰³ с другой стороны, была отмечена заслуга А. С. Лаппо-Данилевского как организатора новой школы дипломатики частных актов.¹⁰⁴ «Очерк русской дипломатики частных актов» назван автором раздела «Дипломатика» С. М. Каштановым более существенным для развития источниковедения, чем соответствующий раздел «Методологии истории», так как в «Очерке русской дипломатики...» источник анализируется по существу.¹⁰⁵ Таким образом, «Очерки истории исторической науки» возродили традицию раздельной оценки разных аспектов творчества А. С. Лаппо-Данилевского, начатую С. Н. Валком. Примечательно, что в «Советской исторической энциклопедии» (СИЭ) тот же С. М. Каштанов в статье «Дипломатика» (1964) отметил в качестве заслуги А. С. Лаппо-Данилевского как раз то, что он «применял в дипломатике категории общего источниковедения».¹⁰⁶ По-видимому, жанр энциклопедической статьи позволил автору не касаться вопроса об «идеалистичности» «общего источниковедения» А. С. Лаппо-Данилевского.

«Новый взгляд» на творчество А. С. Лаппо-Данилевского, сочетающий резкую критику теоретических воззрений ученого с признанием ценности его работ в области специальных исторических дисциплин и конкретно-исторических исследований, нашел отражение и в статье о А. С. Лаппо-Данилевском, помещенной в СИЭ В. И. Бугановым (1965).¹⁰⁷

К середине 1960-х гг. либерализация исторической науки дошла и до проблем теории и методологии истории. Знаковым фактом стало совещание Секции общественных наук Президиума АН СССР, проходившего в январе 1964 г. В докладе П. Н. Федосеева и Ю. П. Францева ставилась задача преодоления догматического подхода к теории истории, который связывался с культом личности И. В. Сталина; М. Я. Гефтер обосновывал различие «между историческим материализмом и собственно методологией истории» с ее «специфическим» материалом; в выступлениях А. В. Гулыги и М. Б. Храпченко под-

черкивалось значение категории «ценности» в историческом исследовании.¹⁰⁸ Итогом заседания стало принятие постановления Президиума Академии наук Союза ССР (Секция общественных наук) «О разработке методологических вопросов истории», в котором предлагалось усилить разработку вопросов теории и методологии истории.¹⁰⁹ Таким образом, фактически появилась возможность для постепенного смягчения позиции советских историков по отношению к теоретическому наследию дореволюционной науки, в частности, к историко-методологическим работам А. С. Лаппо-Данилевского. В то же время процесс переосмысления теоретических идей «буржуазных историков» был долгим и трудным и встречал многочисленные препятствия.

Так, в 1966 г. к анализу теории источниковедения А. С. Лаппо-Данилевского впервые обратилась О. М. Медушевская. В это время, вслед за Л. В. Черепниным и А. Л. Шапиро, исследовательница придерживалась марксистско-ленинской традиции системного взгляда на творчество А. С. Лаппо-Данилевского и, как следствие, крайне негативного к нему отношения. Оценивая «методологию источниковедения» А. С. Лаппо-Данилевского, О. М. Медушевская считала, что в этой работе «источники берутся вне связи с общественными условиями, которыми они вызваны к жизни, без учета авторства и происхождения».¹¹⁰

В 1969 г. в сборнике «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы» было помещено несколько статей, затрагивавших методологические аспекты творчества А. С. Лаппо-Данилевского, прежде всего его методологию дипломатики частного акта. Статьи С. О. Шмидта¹¹¹ и Б. Г. Литвака¹¹² В. М. Панях отнес к традиции конструктивной критики системы дипломатики А. С. Лаппо-Данилевского, начатой С. Н. Валком.¹¹³ Авторы этих статей отделяли дипломатику частного акта от «идеалистической чепухи» (методологии источниковедения).¹¹⁴ К этому направлению следует отнести и статью С. М. Каштанова «Предмет задачи и методы дипломатики», помещенную в том же сборнике.¹¹⁵

В последующих трудах¹¹⁶ С. М. Каштанов развил идеи относительно системы дипломатики А. С. Лаппо-Данилевского, продолжая рассматривать ее обособленно от основных поло-

жений «Методологии истории». Наиболее обстоятельно свою позицию С. М. Каштанов изложил в написанном им учебнике по дипломатике.¹¹⁷ Автор высказал серьезные критические замечания в адрес А. С. Лаппо-Данилевского: упреки в «сделках с принципами юридической школы»,¹¹⁸ в недостаточной связи акта с общественными отношениями,¹¹⁹ в «формальных приемах исследования»¹²⁰ и т. п. В то же время С. М. Каштанов не объяснил, что именно он отвергает в методологии А. С. Лаппо-Данилевского. Автор показал, как А. С. Лаппо-Данилевский сочетал принципы типизации и развития формуляра,¹²¹ отметил вспомогательную роль юридического метода в системе анализа актов А. С. Лаппо-Данилевского,¹²² положительно оценил базовый принцип изучения актов как источника и как явления¹²³ и в целом схему источниковедческого исследования, предложенную А. С. Лаппо-Данилевским.¹²⁴ Видимо, поэтому, заключая очерк о дипломатике А. С. Лаппо-Данилевского, С. М. Каштанов сделал своеобразное пояснение своей позиции: «Работы А. С. Лаппо-Данилевского и его школы, разумеется, не решили всех вопросов дипломатики конкретных разновидностей актов, хотя и внесли в нее существенный вклад. Остались без удовлетворительного ответа и некоторые общие вопросы дипломатики частных актов: проблема достоверности их содержания, метод исследования социальных причин создания актов и др. Теория публично-правового акта совсем выпала из сферы интересов школы А. С. Лаппо-Данилевского».¹²⁵ Таким образом, это пояснение становится в некотором роде программным для трудов самого С. М. Каштанова, который развивал систему А. С. Лаппо-Данилевского в указанных областях.¹²⁶

Непримиримый оппонент А. С. Лаппо-Данилевского Л. В. Черепнин в 1973 г. признал, что его критика в статье 1949 г. носила «односторонне негативный характер», и объяснил это как задачами науки того времени, так и «общим направлением, в котором иногда происходили научные дискуссии». В то же время Л. В. Черепнин настаивал на том, что проведенный им «критический пересмотр взглядов А. С. Лаппо-Данилевского имел позитивные результаты».¹²⁷ Л. В. Черепнин обоснованно указал на основу разногласий в советском источниковедении: «...существуют два взгляда. Согласно одному из

них можно говорить о классовом характере исторической науки, но неправомерно это делать в отношении конкретно-исторических приемов... Согласно другому взгляду, исторические концепции и источниковедческие приемы нельзя рассматривать изолированно. Направление и характер источниковедческой работы, использования тех или иных методов зависит от идейных представлений, от мировоззрения историка». ¹²⁸ К сторонникам первого взгляда Л. В. Черепнин отнес своих оппонентов, С. О. Шмидта и Б. Г. Литвака, которые положительно отзывались о «методике» исторического исследования А. С. Лаппо-Данилевского в упомянутом сборнике «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы» (1969). ¹²⁹ Несомненно, эти замечания свидетельствуют о том, что к середине 1970-х гг. традиция системного отрицания творчества ученого утрачивала свои позиции. В этой связи интересен и отклик М. А. Варшавчика на полемику Л. В. Черепнина с С. О. Шмидтом и Б. Г. Литваком. В статье «О структуре исторической критики» М. А. Варшавчик подробно рассмотрел проблему соотношения «методологии» и «методики». В частности, автор отметил, что «проблема соотношения методологии и методики если не возникла в литературе, то во всяком случае приобрела остроту именно в связи с вопросом об отношении к источниковедческому наследию крупных буржуазных ученых – А. С. Лаппо-Данилевского, А. А. Шахматова и др. Возникла потребность объяснить, почему при явно ошибочных мировоззренческих – теоретических и методологических – позициях эти ученые могли разработать методики, во многом сохраняющие свою ценность и воспринятые советскими источниковедами». ¹³⁰ Автор попытался ответить на поставленный вопрос, учитывая зависимость «методики» от «методологии», т. е. формально с позиции Л. В. Черепнина. М. А. Варшавчик предложил весьма своеобразную, «казуистическую» трактовку творчества дореволюционных историков: «мы воспринимаем от прошлых исследователей, хотя они и стояли на позициях не материалистического, а идеалистического понимания истории, те наблюдения, которые объективно отражают диалектику реального исторического процесса, которые, если можно так выразиться, объективно диалектичны». ¹³¹ Показательно, что в 1975 г. Л. Н. Пушкарев предпринял любопытную попытку связать

источниковедческие достижения А. С. Лаппо-Данилевского с влиянием марксизма и тем самым создать теоретическое обоснование их признанию в советской науке.¹³²

Впрочем, продолжали высказываться и традиционные для советской историографии точки зрения на отношение А. С. Лаппо-Данилевского к марксизму. Так, А. Т. Николаева предположила, что «Методология истории» была «своеобразным ответом» «врагов материализма, в том числе буржуазных историков» на труд В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».¹³³ Исходя из того, что в основе методологии источниковедения А. С. Лаппо-Данилевского «лежит неокантианская философия в самой неприкрытой форме», А. Т. Николаева утверждала, что в теории А. С. Лаппо-Данилевского источник «оторван» от исторического контекста. Одновременно историограф отмечала, что «в своих конкретных исследованиях А. С. Лаппо-Данилевский отходил от своей теории». В качестве примера такого исследования А. Т. Николаева как раз привела «Очерк русской дипломатики частных актов» и одной из первых в историографии довольно подробно изложила основные положения этого труда.¹³⁴

В 1978 г. В. М. Панеях рассмотрел вопрос об отношении системы дипломатики А. С. Лаппо-Данилевского к концепции дипломатики и истории древнерусского акта С. Н. Валка. В статье «Проблемы дипломатики частного акта в трудах С. Н. Валка» автор показал отличие подхода к изучению актов со стороны А. С. Лаппо-Данилевского от подхода С. Н. Валка.¹³⁵ Работы А. С. Лаппо-Данилевского и его школы в области дипломатики стали предметом рассмотрения и в книге А. П. Пронштейна «Методика исторического исследования» (1971).¹³⁶ В этой работе автор следовал Л. В. Черепнину и утверждал, что «А. С. Лаппо-Данилевский и другие буржуазные ученые... считали правомерным проводить юридический анализ актов независимо от реальных условий, в которых они возникли».¹³⁷ Однако уже при переиздании своего труда в 1976 г. (под названием «Методика исторического источниковедения»)¹³⁸ А. П. Пронштейн в значительной степени пересмотрел свои взгляды относительно дипломатического метода А. С. Лаппо-Данилевского. Несмотря на прежнее критическое отношение к неокантианским методологическим взглядам А. С. Лаппо-Да-

нилевского, автор пришел к выводу, что «в отличие от своих предшественников А. С. Лаппо-Данилевский тщательно изучал содержание каждой клаузулы и изменение сочетаний клаузул в зависимости от места и времени». Заслугу А. С. Лаппо-Данилевского А. П. Пронштейн видел в том, что он «показал, что каждый акт был не только свидетельством о факте, но и явлением, т. е. частью исторического процесса».¹³⁹

В конце 1970-х гг. анализ творчества А. С. Лаппо-Данилевского продолжил и Б. Г. Литвак. Исследователь вновь постарался отделить «идеалистическую чепуху» от «прогрессивной дипломатики». В своей монографии «Очерки источниковедения массовой документации XIX–начала XX в.» (1979) Б. Г. Литвак попытался доказать, что «методика А. С. Лаппо-Данилевского, впервые цельно изложенная в «Очерке русской дипломатики частных актов»... вовсе не была плодом его художничанского неокантианства, аккуратно усвоенного из немецкой литературы, а объективно отражала достижения русской научной мысли в области массовой документации XIX в.».¹⁴⁰ В целях аргументации этого положения автор пытается показать «вторичность» А. С. Лаппо-Данилевского как в области дипломатики, так и статистического метода в источниковедении, указывая на ряд его предшественников, прежде всего, Н. В. Варадинова,¹⁴¹ Д. П. Журавского,¹⁴² А. А. Кауфмана¹⁴³ и Ю. Э. Янсона.¹⁴⁴ Что касается дипломатики, то от Н. В. Варадинова (чьи труды по истории и теории права появились еще в 50–80-е гг. XIX в.), который членил формуляр современных ему нотариальных актов на части, то, по словам Б. Г. Литвака от «него тянется невидимая нить к построениям А. С. Лаппо-Данилевского. Последний воспринял делопроизводственную практику XIX в. как опорную точку для своей «дипломатики частного акта». Он же и гипертрофировал юридический подход, который уже у Варадинова обнаруживал свои слабые стороны».¹⁴⁵ Рассматривая книгу Д. П. Журавского «Об источниках и употреблении статистических сведений» (1846), Б. Г. Литвак приходит к выводу, что именно он являлся «пионером в источниковедении массовой документации»,¹⁴⁶ с его «легкой руки» складывалась и методика ее изучения, и усматривает ее генетическую связь с «методикой дипломатики в современном ее (дипломатики) понимании».¹⁴⁷ В изложении Б. Г. Литвака но-

сителями этой «генетической связи», воздействовавшей на А. С. Лаппо-Данилевского были, прежде всего, А. А. Кауфман и Ю. Э. Янсон, чьи труды вышли раньше его «Очерка русской дипломатики...» (1920), первого соответственно в 1915 г., второго – в 1913 г. А. А. Кауфман применил статистические методы по отношению к анализу писцовых книг. Отмечая, что издание его исследования было поддержано как А. С. Лаппо-Данилевским, так и А. Е. Пресняковым, Б. Г. Литвак подчеркивает, что «в среде, в которой вращался Лаппо-Данилевский, обращение к статистическому методу в источниковедении было не только естественным, но и необходимым». Далее Б. Г. Литвак приводит «определение предмета статистики и схемы метода массового статистического наблюдения, которое было дано Ю. Э. Янсоном (задолго до выхода в свет книги А. С. Лаппо-Данилевского): «1. Сложный объект разлагается на неделимые его составляющие, и каждое неделимое на его простейшие признаки. 2. Самое наблюдение состоит исключительно в констатировании наличности того или другого признака в каждом из неделимых. 3. Полученные таким образом единичные показатели суммируются, и полученные количества (сумма случаев в коих данный признак был налицо) выражают искомые свойства или качества явления»». Сравнивая методику А. С. Лаппо-Данилевского, почему-то в формулировке С. М. Каштанова («клазуальный анализ», «составление графически-статистических таблиц»), с процитированным определением Ю. Э. Янсона, Б. Г. Литвак восклицает: «Не нужно обладать особой проницательностью, чтобы догадаться, откуда идет методика А. С. Лаппо-Данилевского». Постепенно противоречивость изложения Б. Г. Литвака нарастает: «я, конечно, далек от мысли о “плагиате” А. С. Лаппо-Данилевского или даже о прямом влиянии книги Янсона на него (такое вообще-то не исключается)». Таким образом, по мнению Б. Г. Литвака, можно показать генетическую связь дипломатики с методикой изучения массовой документации в традициях Д. П. Журавского.¹⁴⁸

В монографии «Борьба направлений в русской историографии в период империализма» (1986)¹⁴⁹ А. Н. Цамутали в то же время отметил, что «большой заслугой А. С. Лаппо-Данилевского была разработка принципов дипломатики русского

частного акта» и что «отдельные достижения имели место и в его методологических исканиях». ¹⁵⁰

Либерализация исторической науки, начавшаяся в годы «перестройки», способствовала дальнейшим позитивным изменениям в оценке роли А. С. Лаппо-Данилевского в историографии. Так, С. О. Шмидт в ряде статей второй половины 1980-х гг. отмечал «великие открытия» А. С. Лаппо-Данилевского в дипломатике ¹⁵¹ и обращал внимание на недопустимость односторонне негативной оценки «Методологии истории» («без характеристики ее источниковедческих начал») в учебниках по историографии. ¹⁵² В учебном пособии по истории источниковедения XIX–XX вв. (1988) ¹⁵³ О. М. Медушевская отделила отдельный раздел изложению системы методологии источниковедения А. С. Лаппо-Данилевского, ¹⁵⁴ указав на то, что она «выводила данную область знания об источниках на иной качественный уровень». ¹⁵⁵ Вслед за М. А. Варшавчиком и Л. Н. Пушкаревым О. М. Медушевская попыталась отвести А. С. Лаппо-Данилевскому место в марксистской мифологии исторической науки. «Как теоретик и логик – ученый, возможно неокантианец, – писала автор, – как исследователь – практик, материалист, ощущающий объективную реальность источника, созданного человеком, творцом, с определенной целью выразившим в этом источнике его назначение и свою цель и свою индивидуальность. Это двуединство – противоречие концепции прослеживается в последующих главах книги («Методологии истории» А. С. Лаппо-Данилевского – *Е. Р.*)». ¹⁵⁶

В учебном пособии «Документальные памятники: выявление, учет, использование» (1988) ¹⁵⁷ в разделе «Археографическая деятельность в дореволюционной России» его автор С. В. Чирков дал высокую оценку археографической деятельности А. С. Лаппо-Данилевского и, особо, «Правилам издания сборника грамот Коллегии экономии». ¹⁵⁸ В статье «Археография и школы в русской исторической науке XIX–начала XX века» (1989) С. В. Чирков детально рассмотрел вопрос о значении школы А. С. Лаппо-Данилевского и основанной им археографической традиции. ¹⁵⁹

Таким образом, в 1960–1980-е гг., с одной стороны, была продолжена традиция, основанная Л. В. Черепниным, которая заключалась в последовательном отрицании принципов как ме-

тодологии, так и методики источниковедения А. С. Лаппо-Данилевского, поскольку в их основании лежали антимарксистские установки его теории исторического знания. С другой стороны, получила развитие традиция, основанная С. Н. Валком. В 1960–1980-е гг. она претерпела изменения, которые выразились в том, что ее последователи разделились на сторонников двух точек зрения. Приверженцы первой признавали заслуги А. С. Лаппо-Данилевского в области дипломатики частного акта, но отрицали теоретические установки его методологии источниковедения. Ученые, придерживающиеся второй точки зрения, пусть и с оговорками, обусловленными идеологической ситуацией советского времени, соглашались с принципами как дипломатики, так и методологии источниковедения А. С. Лаппо-Данилевского. По сути, к концу 1980-х гг. эта точка зрения стала господствующей в советской исторической науке.

Переходное состояние, связанное с отказом от марксистско-ленинской идеологии, отразилось и в книге А. П. Пронштейна «Источниковедение в России. Эпоха капитализма» (1991).¹⁶⁰ Автор изложил содержание методологии источниковедения А. С. Лаппо-Данилевского и отметил многочисленные достоинства этого труда, согласившись фактически со всеми его положениями.¹⁶¹ В то же время А. П. Пронштейн ошибочно сводил понятие «общепризнанной ценности» в представлении А. С. Лаппо-Данилевского к «истине, добру и красоте» и утверждал, что ученый «все же не выходил за пределы неокантианского подхода к возможности познания исторического процесса».¹⁶²

Крах прежних идеологических установок, произошедший в начале 1990-х гг., породил у многих историков ощущение методологического кризиса исторической науки. Одним из направлений поиска выхода из него стало обращение к дореволюционному наследию русской исторической науки, в частности к личности и работам А. С. Лаппо-Данилевского.

В 1994 г. научная общественность отмечала 75-летие со дня кончины академика А. С. Лаппо-Данилевского. В связи с этой датой Археографическая комиссия провела заседание памяти ученого. Оно явилось поводом для подготовки ряда докладов о деятельности А. С. Лаппо-Данилевского. Впослед-

ствии эти доклады были опубликованы в виде статей в Археографическом ежегоднике за 1994 г. В числе их авторов – С. О. Шмидт, О. М. Медушевская, В. П. Корзун, С. В. Чирков, А. А. Александров, Ф. Г. Тараторкин, И. Л. Беленький, Л. Н. Простоволосова.¹⁶³

Если большинство этих статей посвящены отдельным сторонам творчества А. С. Лаппо-Данилевского и опираются на работы Н. И. Кареева, А. Е. Преснякова, И. М. Гревса, С. Н. Валка и других авторов 1910-х–начала 1920-х гг., то статьи С. О. Шмидта и О. М. Медушевской содержат попытку создания целостного представления о творчестве А. С. Лаппо-Данилевского.

В статье С. О. Шмидта была намечена «проблематика некоторых разделов в предстоящем изучении творчества и биографии А. С. Лаппо-Данилевского».¹⁶⁴ В числе определенных автором направлений будущих исследований – изучение феномена научной школы А. С. Лаппо-Данилевского, его личных и творческих отношений с В. И. Вернадским, философских и научно-теоретических работ, работ по историографии, источниковедению, исследование его общественно-политической деятельности.¹⁶⁵

Многоплановой и обобщающей явилась статья О. М. Медушевской, в которой мировоззрение А. С. Лаппо-Данилевского рассматривается в контексте всемирного гуманитарного знания.¹⁶⁶ Используя наблюдения Н. И. Кареева, Т. И. Райнова, А. Е. Преснякова и других о «строгой научности» системы А. С. Лаппо-Данилевского, об интегрирующем разные науки подходе «системного познания» в его методологии и о главенствующей роли «сознания» в теории А. С. Лаппо-Данилевского, О. М. Медушевская поставила цель показать, что «парадигма гуманитарного познания А. С. Лаппо-Данилевского», отвечает на «запросы современной гуманитаристики», которая «стремится быть строго научной» и «консолидироваться в единую науку о человеке».

В другой работе, появившейся в печати в том же году, О. М. Медушевская высказала внутренне противоречивое суждение о том, что источниковедческие представления Л. В. Черепнина, изложенные им в упомянутой разгромной статье (1949) против А. С. Лаппо-Данилевского, являются «дополня-

ющими» источниковедческую систему А. С. Лаппо-Данилевского. На взгляд О. М. Медушевской, они дополняли методологию А. С. Лаппо-Данилевского определением исторического источника как «продукта общественной борьбы и социальных противоречий эпохи».¹⁶⁷ С нашей точки зрения, очевидно, что определение источника, данное с позиций отрицания методологии источниковедения А. С. Лаппо-Данилевского, никак не могло дополнять его источниковедческую систему.

К рассмотренным выше общим обзорам деятельности А. С. Лаппо-Данилевского примыкают многочисленные работы, посвященные отдельным аспектам творчества историка. Объектом внимания были темы, связанные с становлением системы и школы дипломатики А. С. Лаппо-Данилевского, в частности, такие ее аспекты, как университетские курсы А. С. Лаппо-Данилевского по методологии и источниковедению (Р. А. Сидельников,¹⁶⁸ Е. Р. Ольховский,¹⁶⁹ Е. А. Ростовцев¹⁷⁰), А. С. Лаппо-Данилевский и его ученики (Н. И. Приймак),¹⁷¹ археографические предприятия ученого (Е. М. Добрушкин,¹⁷² С. В. Чирков,¹⁷³ А. А. Александров,¹⁷⁴ Ф. Г. Тараторкин,¹⁷⁵ Н. И. Приймак,¹⁷⁶ С. Н. Погодин,¹⁷⁷ Е. А. Ростовцев¹⁷⁸) и другие. Выдающееся значение «Очерка русской дипломатики частных актов» в 1990-е гг. стало общепризнанным не только в научной, но и учебной литературе.¹⁷⁹

В 2001 г. вышла книга А. В. Малинова и С. Н. Погодина «Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ». В книге содержится обзор деятельности ученого в области дипломатики и показывается значение «Очерка...» для русской науки.¹⁸⁰ По существу, авторы подводят итог многолетним дискуссиям о его роли в национальной историографии. «В труде Лаппо-Данилевского, – приходят к выводу А. В. Малинов и С. Н. Погодин, – русская дипломатика приобретала свое лицо, превратившись в новое направление».¹⁸¹

Таким образом, большинство исследователей, свободных от необходимости искусственного отделения дипломатики от «теории истории», обоснованно указывали на прямую связь системы дипломатики А. С. Лаппо-Данилевского и его теоретических воззрений. В этой связи уместно напомнить основные положения теории истории А. С. Лаппо-Данилевского. Выше уже указывалось, что формирование концепции мето-

дологии истории А. С. Лаппо-Данилевского и его системы дипломатики проходило одновременно. Хотя над своей «Методологией истории» А. С. Лаппо-Данилевский работал с 1905 по 1919 г., этот труд так и нельзя считать полностью завершённым, часть работы вышла свет только в виде литографического курса лекций.¹⁸² Тем не менее, изучение «Методологии истории» открывает читателю стройную систему теоретических взглядов ее автора. Этот труд А. С. Лаппо-Данилевского включает в себя «Введение» и две части. Первая часть – «Теория исторического знания» – состоит из трех отделов: «Построение теории исторического знания с номотетической точки зрения», «Построение теории исторического знания с идиографической точки зрения», «Объект исторического познания». Вторая часть «Методологии истории» – «Методы исторического изучения». Она распадается на отделы «Методология источниковедения» и «Методология исторического построения». Если теорию истории А. С. Лаппо-Данилевский называл общей методологией истории, то методы исторического изучения ученый относил к специальной методологии.¹⁸³

Ведущий принцип исторического исследования, предлагаемый учёным, – идиографический, понимаемый им как восхождение от единичного к общему. Эту иерархию исследовательских процедур А. С. Лаппо-Данилевский относил как к теории истории («общая методология истории»), так и к методам исторического изучения («специальная методология истории»).

Согласно А. С. Лаппо-Данилевскому, «под историческим фактом в наиболее характерном, специфическом его смысле, следует преимущественно разуметь воздействие сознания данной индивидуальности на среду, в особенности на общественную среду», при этом данное воздействие выступает как индивидуальное. С этих позиций строилась и выдвигаемая А. С. Лаппо-Данилевским последующая группировка исторических фактов, в том числе «состояния культуры», «исторических рядов», «систематического» и «эволюционного» целого, и, наконец, «историческое целого». В результате мировая история виделась А. С. Лаппо-Данилевскому как «великая индивидуальность человечества». В системе А. С. Лаппо-Данилевского основой исторического построения являются причин-

но-следственные элементы факта – комбинируя элементы и группируя исторические факты, историк осуществляет историческое построение. В ходе исторической группировки историк распределяет факты по качественным признакам в исторические ряды. Тот или иной исторический ряд определяет расположение фактов в систематическом целом (расположение в пространстве) или эволюционном целом (расположение во времени). Их наложение друг на друга создает картину исторического целого, искомой части мирового целого (мирового космоса, бытия – в понимании А. С. Лаппо-Данилевского). Для понимания значения фактов в историческом целом А. С. Лаппо-Данилевский соотносил их с абсолютными ценностями (этического характера) и таким образом, рассматривал мировую историю как реализацию собственных этических идеалов. В то же время, предлагая методологический инструментарий для практики исторического исследования, ученый освободился от своих философских догматических взглядов. Для изучения «относительного целого» (т. е. предмета конкретного исследования) А. С. Лаппо-Данилевский вводил принцип отнесения фактов к относительной ценности (общепризнанной или обоснованной). Этот методологический принцип универсален – элементы фактов рассматриваются с точки зрения их функционального значения и в зависимости от цели исследования. В результате группировки элементов возникает относительное целое, центральный исторический ряд фактов которого определяется по той или иной относительной ценности.

Система источниковедения А. С. Лаппо-Данилевского была целиком основана на теоретических посылах, данных в его общей методологии. Понятие источника следовало из двоякого понимания природы источника как факта и показания о факте и основывалось на определении исторического факта «как воздействия сознания данной индивидуальности на среду». Факты, обладавшие свойствами «исторической ценности» и «действенности», А. С. Лаппо-Данилевский называл фактами с историческим значением. Соответственно исторический источник – «есть реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением». От этого определения строилась система классификации исторических источников и методов их изучения, кото-

рые включали в себя интерпретацию (установление объективного психического значения источника) и критику (установления научно-исторической ценности источника). Последняя заключала в себе критику источника как факта и показания о факте. Получаемые в ходе источниковедческого анализа результаты позволяли определить позицию как источника, так и восстанавливаемого с его помощью факта в системе исторического (относительного) целого, руководствуясь изложенными выше принципами группировки исторических фактов.

В соответствии с принципами методологии источниковедения акты в дипломатике А. С. Лаппо-Данилевского анализируются не просто как одна из разновидностей документов, но как исторические факты. Поскольку понятие факта трактовалось А. С. Лаппо-Данилевским в психологическом плане, то и акты он был склонен рассматривать как памятники правосознания данной эпохи.¹⁸⁴ А. С. Лаппо-Данилевский отметил различие между частным и публичным правом, существовавшее в русском средневековом правосознании и соответственно выделил две основные группы актов – публичные и частные.¹⁸⁵ Следуя принципам методологии истории, он разделил дипломатику (науку об актах) на «документальное источниковедение» и «документальное построение» актов.¹⁸⁶ Целью документального источниковедения актов было изучение их как источников. Документальное источниковедение включало в себя интерпретацию и критику акта. В «Очерке русской дипломатики...» рассматривается применение этих исследовательских приемов (общие принципы которых изложены в «Методологии истории») по отношению к частным актам. Целью документального построения актов было «выяснение их развития как явления народного правосознания в зависимости от состояния и периода культуры». Документальное построение включало в себя анализ и синтез акта. В соответствии с принципами методологии исторического построения в «Очерке русской дипломатики...» А. С. Лаппо-Данилевский подробно остановился на группировке актов в пространстве и времени, т. е. в систематическом и эволюционном целом. Анализ актов подразделялся им на дипломатический и юридический. Дипломатический анализ заключался в расчленении актов на смысловые элементы – клаузулы. Расчленение источников на от-

дельные семантические элементы соответствовало базовым установкам интерпретации и критики источника как факта, данным в «Методологии истории». Путем выявления типического соотношения клаузул А. С. Лаппо-Данилевский устанавливал типический формуляр актов¹⁸⁷ и проводил их группировку по видам и регионам.¹⁸⁸ Юридический анализ был призван выявить значение данного конкретного акта как исторического факта. К анализу примыкал синтез, целью которого было «выяснения того, что придает ему (акту – *Е. Р.*) некоторое единство, цель».

Таким образом, А. С. Лаппо-Данилевский в развитие своих базовых научно-методологических идей создал законченную научно-теоретическую систему дипломатики частного акта. В этом заключалось принципиальное отличие системы дипломатики А. С. Лаппо-Данилевского от работ по дипломатике многих его современников – С. Ф. Платонова, Н. П. Павлова-Сильванского, Н. П. Лихачева и др.

С нашей точки зрения, для понимания археографических взглядов А. С. Лаппо-Данилевского следует обратиться к конкретным установкам «Методологии истории» и «Очерка русской дипломатики...». В его представлении исторический источник должен быть подготовлен издателем для последующей работы с ним в соответствии с принципами его методологии. Представляется, что именно эту задачу ставил перед собой ученый, работая над «Правилами издания грамот Коллегии экономики». Соблюдение издателем требований, предусмотренных в этом археографическом руководстве, по существу, само по себе уже решало ряд задач интерпретации и критики источников.

Прежде всего, для А. С. Лаппо-Данилевского было необходимым распределение документов в издании по тополого-хронологическому принципу, т. е. по месту и времени (Отдел II «Правил...»),¹⁸⁹ что соответствовало задаче предварительной группировки актов в «Очерке русской дипломатики...»¹⁹⁰ и типизирующему методу исторической интерпретации в «Методологии...».¹⁹¹ А. С. Лаппо-Данилевский отвел 56 статей (Отдел III)¹⁹² описанию порядка составления заголовков издаваемых актов: в заголовке должна быть указана юридическая разновидность акта, что соответствует задаче типологической интерпретации источников,¹⁹³ нужно отразить объект и субъект

правоотношения, источник власти, адресат акта, т. е. создать все необходимые условия для психологической и индивидуализирующей интерпретации источников и последующего установления их научно-исторической ценности как фактов. При печатании текста (Отдел IV)¹⁹⁴ исключительно важным требованием было членение грамот на смысловые элементы – клаузулы.¹⁹⁵ Здесь следует иметь в виду, что принцип членения любого источника на отдельные смысловые элементы лежит в основе всей методологии источниковедения А. С. Лаппо-Данилевского. Правила передачи текста при его печатании созвучны и конкретным указаниям, данным в «Методологии...», прежде всего, в области рецензии и эмендации текста.¹⁹⁶ Сличение текстов грамот (Отдел V)¹⁹⁷ является особой исследовательской задачей, которую А. С. Лаппо-Данилевский решает в соответствии с общими принципами установления взаимозависимости источников, сформулированными в соответствующем разделе его методологии источниковедения.¹⁹⁸

Таким образом, можно констатировать, что научно-теоретическим взглядам А. С. Лаппо-Данилевского в области методологии истории, методики и техники исторического исследования было присуще единство. Теоретизированный подход к историческому знанию А. С. Лаппо-Данилевского и его школы предопределил их разногласия с учеными эмпирического направления в области дипломатики, археографии, а отчасти и в сфере концептуального осмысления исторического процесса. Следует отметить, что элементы неокантианской философии имеют у А. С. Лаппо-Данилевского вспомогательное и чисто методологическое значение в конструируемой им системе исторического знания. Поэтому и критику его методологии истории за «догматизм» и «неокантианский идеализм» следует объяснять как отрицанием необходимости теоретического подхода к историческому знанию со стороны эмпирического направления петербургской школы (С. Ф. Платонов, А. Е. Пресняков), так и действительно догматическим подходом к теории истории (историки-марксисты).

Конкретное применение принципов дипломатического исследования А. С. Лаппо-Данилевский продемонстрировал в ряде работ. Уже в статье 1906 г. «Печати последних Галичско-Владимирских князей и их советников», помещенной А. С. Лап-

по-Данилевским в сборнике «Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси» (и вышедшей также отдельным изданием)¹⁹⁹ А. С. Лаппо-Данилевский наглядно продемонстрировал практическое применение своей методологии источниковедения и дипломатики. В рецензии на сборник «Печати последних Галицко-Владимирских князей...» М. С. Грушевский отмечал: «Настоящая ценность вышедшей книги заключается в ее новых частях: собрании снимков галицко-волынских грамот и приложенном к нему обширном исследовании ак. А. С. Лаппо-Данилевского о печатях галицко-волынских грамот».²⁰⁰ Далее М. С. Грушевский «с признательностью принимает» установленные А. С. Лаппо-Данилевским «факты непосредственной зависимости галицко-волынской дипломатики от западноевропейской (минуя польскую)».²⁰¹ Это исследование интересно тем, что в нем А. С. Лаппо-Данилевский через подробный разбор каждого элемента печати, способов их прикрепления выделил типы печатей и рассмотрел проблему их эволюции и взаимовлияния. Такой подход позволил ученому прийти к ряду выводов о характере западноевропейского культурного влияния на западнорусские земли.

Однако наиболее значительной конкретно-источниковедческой работой А. С. Лаппо-Данилевского, на наш взгляд, является его статья «Служилые кабалы позднейшего типа» (1909).²⁰² Основным методом рассмотрения служилых кабал XVI–XVII вв. в этой статье стал клаузальный анализ. На его основании ученый выявил несколько типов служилых кабал и проследил эволюцию их формуляра.²⁰³ Такой подход полностью соответствовал решению задачи типизирующего метода интерпретации источника, которую А. С. Лаппо-Данилевский ставил в «Методологии источниковедения». Не случайно в «Методологии истории» он в качестве иллюстрации применения типизирующего метода интерпретации привел именно хорошо знакомый ему пример эволюции формуляра служилых кабал XVI–XVII вв.²⁰⁴ В то же время для А. С. Лаппо-Данилевского недостаточно было провести типизирующую интерпретацию кабал и дать обзор эволюции их формуляра. С позиций его методологической системы ученому было необходимо объяснить и индивидуальные особенности рассматриваемых источников,

а также выявить их значение как фактов и показаний о фактах. Решению этих задач, по существу, посвящена вторая часть статьи.²⁰⁵ В качестве причин, обуславливавших индивидуальные особенности формуляра служилых кабал, А. С. Лаппо-Данилевский называл разнообразие «местных и временных условий» возникновения актов.²⁰⁶ В их число он включал принадлежность актов к определенной канцелярии,²⁰⁷ индивидуальные особенности личности подьячего,²⁰⁸ его прошлое место службы,²⁰⁹ индивидуальные особенности субъектов правоотношения (клиентов).²¹⁰ Таким образом, в терминологии своей методологии истории А. С. Лаппо-Данилевский указал основные направления «индивидуализирующей интерпретации» служилых кабал.

А. С. Лаппо-Данилевский выделил два типа служилых кабал – старший (до 1680 г.) и позднейший (после 1680 г.).²¹¹ Это подразделение историк основывал на законодательном введении с 1680 г. общего формуляра для всех служилых кабал и окончательного вывода из формуляра клаузулы о займе.²¹² Показательно, что А. С. Лаппо-Данилевский пытался представить процесс эволюции формуляра служилых кабал старшего типа и последующую его замену позднейшим типом в общем контексте социально-экономической и политической истории русского общества, установив, таким образом, историческое значение служилых кабал. Объясняя изменения в формуляре служилых кабал XVII в., А. С. Лаппо-Данилевский писал: «По мере развития личной крепостной зависимости кабального человека от его господина клаузула о займе теряет свое значение, а условие о службе “по его живот”, наоборот, получает определенную формулировку».²¹³ Эволюцию формуляра А. С. Лаппо-Данилевский связывает также и с изменениями в политической жизни, в частности, с усилением влияния государства и государственного законодательства на гражданское делопроизводство, которое, согласно ученому, особенно заметно с введением в действие Соборного уложения 1649 г.²¹⁴

Смену типов служилых кабал А. С. Лаппо-Данилевский также увязывал с изменением социально-экономической ситуации. Установив, что на протяжении XVII в. значение заемной клаузулы постепенно уменьшалось, ученый пришел

к выводу, что клаузула о займе к моменту ее упразднения по указу 1680 г. имела «скорее фиктивное, чем реальное значение».²¹⁵ Тем самым А. С. Лаппо-Данилевский показал зависимость между изменением формуляра служилых кабал и эволюцией института кабального холопства от заемного к пожизненному, которое он рассматривал как этап на пути полного закрепощения кабальных холопов.²¹⁶

Таким образом, хотя наиболее последовательное теоретическое развитие принципов «Методологии источниковедения» в отношении дипломатики А. С. Лаппо-Данилевский осуществил через десять лет в «Очерке русской дипломатики...»,²¹⁷ их применение на конкретном материале ученый продемонстрировал уже в «Служилых кабалах позднейшего типа». Примечательно, что и в «Очерке русской дипломатики...» А. С. Лаппо-Данилевский несколько раз на примере служилых кабал демонстрировал порядок применения той или иной методологической процедуры, в частности, порядок «определения типических клаузул данной группы актов»²¹⁸ и «выяснения типического формуляра данной группы актов».²¹⁹ В разделе, посвященном синтезу акта, А. С. Лаппо-Данилевский развивал идею о том, что «...частный акт... является продуктом данной культуры и, значит, получает в своих элементах или в своих отношениях к другим актам более или менее выдержанное единство в зависимости от большей или меньшей цельности той культуры, которая обусловила его строение и развитие».²²⁰ Свою мысль историк проиллюстрировал на примере эволюции формуляра служилых кабал XVI–XVII вв., унификацию которого, сначала относительную и постепенную, а с 1680 г. почти полную, он связывал с усилением московского самодержавия и становлением единого типа русской культуры.²²¹

Можно констатировать, что А. С. Лаппо-Данилевскому удалось создать исключительно цельную систему исторического знания, включавшую в себя как вопросы теории истории, так и вопросы техники исторического исследования. При этом не будет преувеличением отметить, что дипломатика частного акта оказалась тем важным «исследовательским полигоном», на котором апробировались методологические идеи ученого. Революция 1917 г., смерть А. С. Лаппо-Данилевского в 1919 г.,

утверждение в начале 1920-х гг. марксистско-ленинского подхода к методологии истории в значительной степени осложнили деятельность его научной школы. Тем не менее, ее несомненным результатом стали создание системы дипломатики частного акта и неразрывно связанной с ней системы научно обоснованных археографических правил, принципов научно-критического издания и критики исторических источников. Все это органично вошло в традиции отечественной исторической науки. В этом, на наш взгляд, заключается основная причина того, почему работы А. С. Лаппо-Данилевского по методологии истории, дипломатике и археографии на протяжении многих десятилетий находятся в центре внимания российской историографии. Вполне обоснованно говорить о том, что «Очерк русской дипломатики частных актов», будучи неразрывной частью системы источниковедения и методологии истории А. С. Лаппо-Данилевского, не только во многом предопределил становление русской школы дипломатики частного акта, но и в целом оказал значительное влияние на развитие отечественной источниковедческой и историко-методологической мысли.

Е. А. Ростовцев

Примечания

¹ Из запланированных 20 томов после смерти А. С. Лаппо-Данилевского было издано всего два: Сборник грамот Коллегии экономики / Ред. А. С. Лаппо-Данилевский, М. А. Дьяконов, А. А. Шахматов, С. Ф. Платонов, А. И. Андреев. [С]Пб., 1922. Т. I: Грамоты Двинского уезда; Сборник грамот Коллегии экономики / Ред. А. И. Андреев под наблюдением С. Ф. Платонова. Л., 1929. Т. II: Грамоты Двинского, Кольского, Кеврело-Мезенского и Важского уездов.

² Грамотам Коллегии экономики посвящена обширная литература. В числе работ, наиболее значимых для изучения вопроса см.: 1) *Валк С. Н.* Сборник грамот Коллегии экономики. Историографические заметки // БК. 1924. №1–2. С. 228–245 (последнее издание – Сборник грамот Коллегии экономики. Историографические заметки // *Валк С. Н.* Избранные труды по археографии. СПб., 1991); 2) *Он же.* [Рец.] Сборник Грамот Коллегии Экономики. Т. I: Грамоты Двин-

ского уезда; Правила издания Грамот Коллегии Экономии // Века. 1924. Кн. 1. С. 166–169; 3) *Он же*. Советская археография. М.–Л., 1948; 4) История археографии в дореволюционной России. Учебное пособие / Под ред. М. С. Селезнева. М., 1969. С. 199–202; 5) *Конаев А. И.* Археографическая деятельность А. С. Лаппо-Данилевского в освещении С. Н. Валка // ВИД. Л., 1978. Т. IX. С. 81–89; 6) *Панеях В. М.* Время возникновения древнерусского частного акта (Историографические заметки) // ВИД. СПб., 1994. Т. XXV. С. 19–40; 7) *Шохин Л. И.* Московский архив министерства юстиции и русская историческая наука: Архивисты и историки во второй половине XIX–начале XX века. М., 1999 и др.

³ Протоколы заседаний ИФО Академии наук за 1900 г. СПб., 1900. §147.

⁴ I приложение к протоколу заседания 24.05.1900 // Протоколы заседаний ИФО за 1900 г.

⁵ Протоколы заседаний ИФО за 1900 г. СПб., 1900. §234.

⁶ См.: *Дубровин Н. Ф., Никитин П. В., Латышев В. В., Залеман К. Г., Янжул И. И., Розен В. Р.* Записка об ученых трудах адъюнкта А. С. Лаппо-Данилевского // Протоколы заседаний ИФО за 1902 г. [СПб., 1903]; *Радлов В. В., Залеман К. Г., Янжул И. И., Никитин П. В., Розен В. Р., Ольденбург С. Ф.* Записка об ученых трудах экстраординарного академика А. С. Лаппо-Данилевского // Протоколы заседаний ИФО за 1904 г. [СПб., 1905].

⁷ Протоколы заседаний ИФО за 1905 г. СПб., 1905. §144, 195.

⁸ Протоколы заседаний ИФО за 1911 г. СПб., 1911. §362.

⁹ Протоколы заседаний ИФО за 1918 г. Пг., 1918. §116.

¹⁰ *Кун В. Н.* 25-летие учено-педагогической деятельности А. С. Лаппо-Данилевского // Речь. 1915. №126. О чествовании А. С. Лаппо-Данилевского его дипломатическим семинарием также см.: *Андреев А. И.* Краткий очерк деятельности кружка по составлению каталога частноправовых актов допетровской Руси // Сборник статей, посвященных Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916. С. 6 (ИО. 1916. Т. XXI).

¹¹ ИО. 1916. Т. XXI.

¹² *Андреев А. И.* Краткий очерк деятельности кружка... С. 1–7.

¹³ Ср.: *Чернуха В. Г.* Сигизмунд Натанович Валк (1887–1975) // Историки России XVIII–XX вв. / Сост. и отв. ред. А. А. Чернобаев. М., 1996. Вып. 3. С. 95.

¹⁴ *Лаппо-Данилевский А. С.* Служилые кабалы позднейшего типа // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете. М., 1909. С. 719–764; ИО. 1916. Т. XXI.

¹⁵ Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов. Лекции, читанные слушателем архивных курсов при Археологическом институте в 1918 г. / Под ред. А. И. Андреева. Пг., 1920.

¹⁶ См.: Хорхордина Т. И. История отечества и архивы. М., 1994. С. 115.

¹⁷ Каталог частных актов Московского государства // Проблемы источниковедения. М.—Л., 1936. Сб. 2. С. 145—186.

¹⁸ Терминологический словарь частных актов Московского государства. Пг., 1922.

¹⁹ Андреев А. И. [Предисловие] // Терминологический словарь частных актов Московского государства. Пг., 1922. С. I—VI, XI—XIII.

²⁰ Сборник грамот Коллегии экономии... Т. I.

²¹ Андреев А. И. [Предисловие] // Сборник грамот Коллегии экономии. Т. I. С. X—XII.

²² Правила издания грамот Коллегии экономии. Пг., 1922.

²³ Сборник грамот Коллегии экономии... Т. II.

²⁴ Лаппо-Данилевский А. С.: 1) Методология истории. СПб., 1910. Ч. 1: Теория исторического знания; 2) Методология истории. СПб., 1913. Вып. 2; 3) Методология истории // ЖМНП. 1917. №11—12; 4) Методология истории. I. Принципы и методы исторического знания. II. Главнейшие направления в теории исторического знания // ИАН. 1918. VI серия. Т. XII. №5. С. 239—260; 5) Методология истории. Основные принципы исторического знания в главнейших его направлениях: номотетическом и идиографическом // ИАН. 1919. VI серия. Т. XII. №6. С. 445—477; №7. С. 651—678; №9. С. 843—872; №11. С. 1059—1088; №13. С. 1291—1296; 6) Методология истории. Пг., 1923. Вып. 1; 7) Методология истории. Часть вторая. Методы исторического изучения. Отдел II. Методология исторического построения. Лекции, читанные студентам С.-Петербургского университета в 1908—1909 акад. году. Литография Богданова. [СПб., 1909].

²⁵ Валк С. Н.: 1) [Рец.:] Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920 // КР. 1920. №2. С. 39—40. 2) Воспоминание ученика // РИЖ. 1920. Кн. 6; 3) [Рец.:] Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920 // РИЖ. 1922. Кн. 8. С. 244—258.

²⁶ Таковы были уже первые оценки, вышедшего «Очерка дипломатики...»: Пресняков А. Е. [Рец.:] Лаппо-Данилевский А. С. Очерк дипломатики частных актов. Пг., 1920 // ДД. 1920. Кн. 1. С. 450—453; Чернышев Е. И. [Рец.:] Лаппо-Данилевский А. С. Очерк дипломатики частных актов. Пг., 1920 // Казанский библиофил. 1922. №3. С. 53. См.: Панях В. М. Проблемы дипломатики частного акта в трудах С. Н. Валка // ВИД. Л., 1978. Т. X. С. 56.

²⁷ Валк С. Н. [Рец.:] Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики... // КР. 1920. №2. С. 39–40.

²⁸ Там же. С. 39.

²⁹ О школе А. С. Лаппо-Данилевского в области дипломатики частного акта и теоретических позициях ее участников см.: *Кауштанов С. М.* Русская дипломатика. М., 1988. С. 94–98.

³⁰ Валк С. Н. Воспоминание ученика... С. 191.

³¹ Там же. С. 191.

³² Там же. С. 192.

³³ Валк С. Н. [Рец.:] Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики... // РИЖ. 1922. Кн. 8. С. 249–257.

³⁴ О расхождении во взглядах между А. С. Лаппо-Данилевским и С. Н. Валком см. также: *Панеях В. М.* Проблемы дипломатики... С. 57–61.

³⁵ Валк С. Н. Воспоминание ученика... С. 192.

³⁶ Там же. С. 193.

³⁷ Там же. С. 193–194.

³⁸ Свою концепцию дипломатики и истории древнерусского акта С. Н. Валк изложил в нескольких работах. См.: *Валк С. Н.*: 1) [Рец.:] Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики... // РИЖ. 1922. Кн. 8. С. 249–257; 2) Грамоты полные // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 113–132; 3) Начальная история древнерусского акта // ВИД. М.–Л., 1935. Ср.: *Панеях В. М.* Проблемы дипломатики... С. 55–70.

³⁹ С. Н. Валк специально характеризует статью Г. М. Котлярова (*Котляров Г. М.* [Рец.:] Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920 // РИЖ. 1922. Кн. 8. С. 259–265.), как «дающую изложение другого из семинарских течений» – см.: *Валк С. Н.* [Рец.:] Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики... // РИЖ. 1922. Кн. 8. С. 248.

⁴⁰ Там же. С. 249.

⁴¹ *Котляров Г. М.* Указ. соч. С. 263.

⁴² Валк С. Н. [Рец.:] Сборник грамот Коллегии экономии. Историографические заметки // БК. 1924. №1–2. С. 244 (последнее издание: *Валк С. Н.* Избранные труды... С. 47.). См. также: *Валк С. Н.* [Рец.:] Сборник грамот Коллегии экономии. Т. I. Грамоты Двинского уезда; Правила издания сборника грамот Коллегии экономии // Века. 1924. Кн. 1. С. 166–169. Ср.: *Панеях В. М.* Проблемы дипломатики... С. 57.

⁴³ *Пресняков А. Е.*: 1) Памяти А. С. Лаппо-Данилевского // ИА. 1919. Кн. 1; 2) А. С. Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель // РИЖ. 1920. Кн. 6. С. 82–96; 3) Труды А. С. Лаппо-Данилевского по русской истории // РИЖ. 1920. Кн. 6. С. 97–111; 4) [Рец.:] А. С. Лап-

по-Данилевский. Очерк русской дипломатики...; 5) Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. [С]Пб., 1922.

⁴⁴ Там же. С. 30–37.

⁴⁵ *Ростовцев Е. А.* А. С. Лаппо-Данилевский в исторической литературе // Проблемы социального и гуманитарного знания: Сб. научных работ. СПб., 2000. Вып. 2. С. 183–203.

⁴⁶ *Гревс И. М.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души) // РИЖ. 1920. Кн. 6. С. 67.

⁴⁷ Там же. С. 60–61.

⁴⁸ Ср.: *Медушевская О. М.* Источниковедение в России XX в.: научная мысль и социальная реальность // Советская историография / Под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1996. С. 58; *Мохначева М. П.* Дискуссии в советской историографии: убитая душа науки // Советская историография... С. 125–131.

⁴⁹ Ср.: *Ананьич Б. В.* «Петербургская историческая школа» (1929–1931) // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996. С. 675.

⁵⁰ *Покровский М. Н.* О книге А. С. Лаппо-Данилевского «Методология истории» // Под знаменем марксизма. 1923. №4–5. (послед. издание: Историческая наука и борьба классов. М.–Л., 1933. Вып. 1. С. 97–104).

⁵¹ *Валк С. Н.* О приемах издания дореволюционных документов // АД. 1925. №3–4. С. 74.⁵² См.: *Андреев А. И.* О правилах издания исторических текстов // АД. 1926. №5–6. С. 97–98. Ср.: *Маскаков В. В.* История и организация архивного дела в СССР (1917–1945). М., 1969. С. 277.

⁵³ См.: *Простоволосова Л. Н., Станиславский А. Л.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин: Учебное пособие. М., 1990. С. 15.

⁵⁴ Ср.: *Соколов В. Ю.* К вопросу о возникновении понятия «советская историография» // Россия в XX веке: судьбы исторической науки... С. 388–397.

⁵⁵ *Цвибак М. М.* Доклад «Платонов и его школа» [на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г.] // ПМ. 1931. №3. С. 107–108.

⁵⁶ *Валк С. Н.* Выступление [на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г.] // ПМ... С. 114–115.

⁵⁷ Другой ученик А. С. Лаппо-Данилевского, А. А. Введенский, занял иную позицию и признал «пассивное блокирование» «лаппо-данилевцев» со школой С. Ф. Платонова (*Введенский А. А.* Выступление [на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г.] // ПМ... С. 111–112).

⁵⁸ *Томсинский С. Г.* Выступление [на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г.] // ПМ... С. 120.

⁵⁹ *Цвибак М. М.* Заключительное слово [на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г.] // ПМ... С. 122.

⁶⁰ Там же. С. 125.

⁶¹ Проблемы источниковедения. М.–Л., 1936. Сб. 2.

⁶² Правила издания документов XVI–XVII вв. // Проблемы источниковедения... С. 315–331.

⁶³ [Предисловие] // Правила издания документов XVI–XVII вв. // Проблемы источниковедения... С. 315.

⁶⁴ Каталог частных актов Московского государства... С. 333. Один из составителей каталога, С. Н. Валк, впоследствии называл эту публикацию «малопоказательным отрывком» работы, заметив, что весь каталог погиб во время блокады (*Валк С. Н.* Регесты в их прошлом и настоящем // АЕ за 1968 г. М., 1970. С. 283, 295).

⁶⁵ *Кочин Г. Е.* Писцовые книги в буржуазной историографии // Проблемы источниковедения... С. 145–186.

⁶⁶ Там же. С. 163, 169, 177–180.

⁶⁷ *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. М., 1941. С. 502–503.

⁶⁸ Там же. С. 484–485.

⁶⁹ *Валк С. Н.* Советская археография... С. 44.

⁷⁰ Там же. С. 45.

⁷¹ Ср.: *Панеях В. М.* Ликвидация Ленинградского отделения Института истории АН СССР // Россия в XX веке: судьбы исторической науки... С. 689.

⁷² *Пашуто В. Т.* А. А. Шахматов – буржуазный источниковед // ВИ. 1952. №2. С. 43–73.

⁷³ *Черепнин Л. В.* Об исторических взглядах А. Е. Преснякова // ИЗ. М., 1950. Т. 33. С. 201–231.

⁷⁴ *Черепнин Л. В.* А. С. Лаппо-Данилевский – буржуазный историк и источниковед // ВИ. 1949. №8. С. 30–51.

⁷⁵ Там же. С. 32–33.

⁷⁶ Там же. С. 33.

⁷⁷ Там же. С. 33–34.

⁷⁸ Там же. С. 42. Ср.: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М.–Л., 1948. Ч. 1. С. 5, 449–453; М.–Л., 1951. Ч. 2. С. 61.

⁷⁹ *Черепнин Л. В.* А. С. Лаппо-Данилевский – буржуазный историк и источниковед... С. 47.

⁸⁰ Там же. С. 47–48.

⁸¹ *Простоволосова Л. Н., Станиславский А. Л.* История кафедр

ры... С. 28–30.

⁸² Цит. по: *Простоловцова Л. Н., Станиславский А. Л.* История кафедр... С. 31.

⁸³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.–Л., 1949; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. М., 1951. Ч. 1; М., 1956. Ч. 2; Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XV–начала XVI в. М., 1952. Т. I.

⁸⁴ [Предисловие] // Акты социально-экономической истории... С. 3.

⁸⁵ Хрестоматия по археографии. Пособие для студентов Московского государственного историко-архивного института / Под ред. Г. Д. Костомарова. М., 1955.

⁸⁶ Там же. С. 152–153.

⁸⁷ *Софинов П. Г.* Из истории дореволюционной археографии. М., 1957. С. 150.

⁸⁸ Ср.: *Сидорова Л. А.* «Санкционированная свобода» исторической науки: опыт середины 50–60-х гг. // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки... С. 705–710.

⁸⁹ *Валк С. Н. Б. Д.* Греков как деятель археографии // АЕ за 1958 г. М., 1960. С. 223–232.

⁹⁰ Там же. С. 223.

⁹¹ *Зимин А. А.* Методика издания древнерусских актов. М., 1959. С. 6–7.

⁹² *Шапиро А. Л.* Русская историография в период империализма. Л., 1962.

⁹³ Там же. С. 33–37, 43, 44, 108–110, 131.

⁹⁴ Там же. С. 110.

⁹⁵ Там же. С. 34.

⁹⁶ См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. II. С. 584–585.

⁹⁷ *Каштанов С. М., Курносков А. А.* Некоторые вопросы теории источниковедения // ИА. 1962. №4. С. 175. Ср.: *Беленький И. Л.* Разработка проблем теоретического источниковедения в советской исторической науке (1960–1984): Аналитический обзор. М., 1985. С. 18.

⁹⁸ *Каштанов С. М., Курносков А. А.* Некоторые вопросы теории... С. 188. Ср.: *Беленький И. Л.* Разработка проблем... С. 18.

⁹⁹ *Введенский А. А.* Лекции по документальному источниковедению истории СССР (Дипломатика). Киев, 1963.

¹⁰⁰ Там же. С. 9–10.

¹⁰¹ Там же. С. 11.

¹⁰² Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. III.

¹⁰³ Там же. С. 266.

¹⁰⁴ Там же. С. 620.

¹⁰⁵ Там же. С. 624.

¹⁰⁶ *Каштанов С. М.* Дипломатика // СИЭ. М., 1964. Т. 5. Стб. 231.

¹⁰⁷ *Буганов В. И.* Лаппо-Данилевский А. С. // СИЭ. М., 1965. Т. 8. Стб. 422–423.

¹⁰⁸ Тексты доклада основного доклада и выступлений участников совещания см.: История и социология. М., 1964.

¹⁰⁹ Там же. С. 336–339.

¹¹⁰ *Медушевская О. М.* Развитие теории советского источниковедения // Труды МГИАИ. М., 1966. Т. 24. С. 5.

¹¹¹ *Шмидт С. О.* Современные проблемы источниковедения // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 55–56.

¹¹² *Литвак Б. Г.* О путях развития источниковедения массовых источников // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы... С. 104–105.

¹¹³ *Панеях В. М.* Проблемы дипломатики... С. 60–61.

¹¹⁴ *Литвак Б. Г.* О путях развития источниковедения массовых источников... С. 104.

¹¹⁵ *Каштанов С. М.* Предмет, задачи и методы дипломатики // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы... С. 152, 165.

¹¹⁶ *Каштанов С. М.*: 1) Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 5–7; 2) Русская дипломатика... С. 99–103.

¹¹⁷ *Каштанов С. М.* Русская дипломатика... С. 99–103.

¹¹⁸ Там же. С. 101.

¹¹⁹ Там же. С. 99.

¹²⁰ Там же. С. 101.

¹²¹ Там же. С. 100.

¹²² Там же. С. 101.

¹²³ Там же. С. 99.

¹²⁴ Там же. С. 102.

¹²⁵ Там же. С. 103.

¹²⁶ *Каштанов С. М.*: 1) Дипломатика как вспомогательная историческая дисциплина // ВИ. 1965. №1. С. 39–44; 2) Очерки русской дипломатики...; 3) Русская дипломатика...

¹²⁷ *Черепнин Л. В.* К вопросу о методологии источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып. 1. С. 51. Ср.: *Беленький И. Л.* Разработка проблем... С. 19.

¹²⁸ *Черепнин Л. В.* К вопросу о методологии источниковедения... С. 36.

¹²⁹ См.: Там же. С. 32–36, 50–52.

¹³⁰ *Варшавчик М. А.* О структуре исторической критики // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей 1979. М., 1980. С. 34.

¹³¹ Там же. С. 37.

¹³² *Пушкарев Л. Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 41; Ср.: *Беленький И. Л.* Разработка проблем... С. 20.

¹³³ *Николаева А. Т.* Теория и методика советского источниковедения. М., 1975. С. 58. См.: *Она же.* Вопросы историографии русского источниковедения. М., 1970. С. 49–51.

¹³⁴ *Николаева А. Т.* Основные этапы развития отечественного источниковедения XVIII–XIX вв. М., 1975. С. 39–41.

¹³⁵ *Панеях В. М.* Проблемы дипломатики... С. 55–70. О концепции С. Н. Валка и ее роли в изучении истории древнерусского акта см. также: *Панеях В. М.* Время возникновения древнерусского частного акта... С. 19–40.

¹³⁶ *Пронштейн А. П.* Методика исторического исследования. Ростов-на-Дону, 1971.

¹³⁷ Там же. С. 327. Ср. другим работам этого автора: *Пронштейн А. П.*: 1) Использование вспомогательных дисциплин при работе над историческими источниками. М., 1972. С. 85; 2) Столкновение исторических источников // *ВИ.* 1969. №10. С. 80.

¹³⁸ *Пронштейн А. П.* Методика исторического источниковедения. Ростов-на-Дону, 1976.

¹³⁹ *Пронштейн А. П.* Методика исторического источниковедения... С. 307. Ср.: *Он же.* О предмете источниковедения как научной дисциплины // *История СССР.* 1977. №5. С. 161–173.

¹⁴⁰ *Литвак Б. Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX–начала XX в. М., 1979. С. 240.

¹⁴¹ См.: *Варадинов Н. В.* Делопроизводство или теоретическое и практическое руководство к гражданскому и уголовному, коллегиальному и одноличному письмоводству, к составлению всех правительственных и частных деловых бумаг и к ведению самых дел, с приложением к оным образцов и форм. СПб., 1857.

¹⁴² См.: *Журавский Д. П.* Об источниках и употреблении статистических сведений. Киев, 1846.

¹⁴³ См.: *Новгородские писцовые книги в статистической обработке. 1.* Погосты и деревни Шелонской пятины по письму 1498–1501 гг. Табличный материал с предисловием и «статистическими итогами» проф. А. А. Кауфмана. Пг., 1915.

¹⁴⁴ См.: *Янсон Ю. Э.* Теория статистики. СПб., 1913.

¹⁴⁵ *Литвак Б. Г.* Очерки источниковедения массовой документации... С. 214.

¹⁴⁶ Там же. С. 225.

¹⁴⁷ Там же. С. 241.

¹⁴⁸ Там же. С. 240–241.

¹⁴⁹ *Цамутали А. Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986.

¹⁵⁰ Там же. С. 149.

¹⁵¹ *Шмидт С. О.*: 1) К изучению истории советской археографической культуры (к юбилею Д. С. Лихачева) // Литература и искусство в системе культуры: Сб. статей, посвященный 80-летию академика Д. С. Лихачева / Отв. ред. Б. Б. Пиотровский. М., 1988. С. 488 (последнее издание – *Шмидт С. О.* Археография. Архивоведение. Памятниковедение: сб. статей. М., 1997. С. 171); 2) Традиции русской флигранологии в современной отечественной археографии // Флигранологические исследования. Теория. Методика. Практика. Л., 1990 (последнее издание – *Шмидт С. О.* Археография. Архивоведение... С. 229).

¹⁵² *Шмидт С. О.* Заметки об источниковой базе трудов по архивоведению // Классификация, комплектование и экспертиза ценности документов в советском архивоведении (1917–1987 гг.). М., 1989 (последнее издание – *Шмидт С. О.* Археография. Архивоведение... С. 216).

¹⁵³ *Медушевская О. М.* История источниковедения в XIX–XX вв. М., 1988.

¹⁵⁴ Там же. С. 28–42.

¹⁵⁵ Там же. С. 29.

¹⁵⁶ Там же. С. 35.

¹⁵⁷ Документальные памятники: выявление, учет, использование: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / И. А. Альтман, А. А. Курносков, В. Е. Туманов и др.; Под ред. С. О. Шмидта. М., 1988.

¹⁵⁸ Там же. С. 75, 76, 78, 79.

¹⁵⁹ *Чирков С. В.* Археография и школы в русской исторической науке XIX–начала XX века // АЕ за 1989 г. М., 1990.

¹⁶⁰ *Пронштейн А. П.* Источниковедение в России. Эпоха капитализма. Ростов-на-Дону, 1991. Книга была сдана в печать в 1988 г. – см.: Александр Павлович Пронштейн. К 70-летию со дня рождения. Библиографический указатель. / Составитель Т. П. Попова. Ростов-на-Дону, 1988. С. 32.

¹⁶¹ *Пронштейн А. П.* Источниковедение в России... С. 336. Ср.: *Мининков Н. А.* Проблемы источниковедения в трудах А. П. Пронштейна // Проблемы источниковедения отечественной истории: (памяти А. П. Пронштейна). Ростов-на-Дону, 1999. С. 24–25.

¹⁶² *Пронштейн А. П.* Источниковедение в России... С. 336.

¹⁶³ АЕ за 1994 г. М., 1996.

¹⁶⁴ *Шмидт С. О.* А. С. Лаппо-Данилевский на рубеже веков // АЕ за 1994 г... С. 232.

¹⁶⁵ Там же. С. 232–236.

¹⁶⁶ Медушевская О. М. Методология истории А. С. Лаппо-Данилевского и современное гуманитарное познание // АЕ за 1994 г... С. 238–255. Ср. др. работы этого автора: Медушевская О. М.: 1) Источниковедение и гуманитарная культура // ОА. 1992. №4. С. 11–19; 2) Источниковедение и сравнительный метод в гуманитарном знании: проблемы методологии // Вестник гуманитарной науки. 1996. №1. С. 31–38.

¹⁶⁷ Медушевская О. М. Источниковедение в России XX в... С. 68.

¹⁶⁸ Сидельников Р. А. Проблемы методологии истории в университетских курсах А. С. Лаппо-Данилевского // Российские университеты конца XIX–XX вв: Сб. науч. статей. Воронеж, 1993. Вып. 1. С. 140–149.

¹⁶⁹ Ольховский Е. Р. А. С. Лаппо-Данилевский и начало преподавания источниковедения // Историческое образование на рубеже веков. Тезисы докладов научной конференции. СПб., 1996. С. 66–69.

¹⁷⁰ Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 114–130.

¹⁷¹ Приймак Н. И.: 1) А. С. Лаппо-Данилевский и С. Н. Валк (учитель и ученик) // Вестник СПбГУ. Сер. 2 (История, языковедение, литературоведение). 1998. Вып. 1. С. 8–16; 2) А. С. Лаппо-Данилевский в воспоминаниях современников // Клио. 1997. №3; 3) А. С. Лаппо-Данилевский в воспоминаниях учеников // Петербургские чтения – 96. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург–2003». СПб., 1996. С. 452–455.

¹⁷² Добрушкин Е. М. Основы археографии. М., 1992. С. 22–23.

¹⁷³ Чирков С. В. А. С. Лаппо-Данилевский в Археографической комиссии // АЕ за 1994 г... С. 263–268.

¹⁷⁴ Александров А. А. Академик А. С. Лаппо-Данилевский – председатель комиссии по изданию сочинений, бумаг и писем графа М. М. Сперанского // АЕ за 1994 г... С. 268–270.

¹⁷⁵ Тараторкин Ф. Г. А. С. Лаппо-Данилевский и проект создания «Истории России» на английском языке (1915–1918) // АЕ за 1994 г... С. 270–273.

¹⁷⁶ Приймак Н. И. Материалы по истории Санкт-Петербурга в археографической деятельности А. С. Лаппо-Данилевского // Петербургские чтения – 97. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург–2003». СПб., 1997. С. 410–413.

¹⁷⁷ Погодин С. Н. История России в трудах академика А. С. Лаппо-Данилевского (1863–1919) // Клио. 1999. №2 (8). С. 28–40.

¹⁷⁸ Ростовцев Е. А. Деятельность А. С. Лаппо-Данилевского в Российской академии наук // Источник. Историк. История: Сб. научных работ. СПб., 2001. Вып. 1. С. 135–256.

¹⁷⁹ См., напр.: Источниковедение: Теория. История. Метод. Ис-

точники российской истории: учеб. пособие. М., 1998. С. 250.

¹⁸⁰ Малинов А. В., Погодин С. Н. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001. С. 142–150.

¹⁸¹ Там же. С. 145.

¹⁸² См.: Методология истории. Часть вторая. Методы исторического изучения...

¹⁸³ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. СПб., 1913. С. 338–342.

¹⁸⁴ Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов... С. 49.

¹⁸⁵ Там же. С. 42–46.

¹⁸⁶ Там же. С. 50–51.

¹⁸⁷ Там же. С. 145–150.

¹⁸⁸ Там же. С. 139–145.

¹⁸⁹ Правила издания грамот Коллегии экономии... С. 3–7.

¹⁹⁰ См.: Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов... С. 126–130.

¹⁹¹ См.: Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. СПб., 1913... С. 464.

¹⁹² Правила издания грамот Коллегии экономии... С. 7–20.

¹⁹³ См.: Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. СПб., 1913. С. 475–477. Ср.: Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов... С. 147.

¹⁹⁴ Правила издания грамот Коллегии экономии... С. 20–30.

¹⁹⁵ Там же. §122–125. С. 24–25. Однако в издании грамот Коллегии экономии, вышедшем в свет после смерти А. С. Лаппо-Данилевского, обязательное согласно «Правилам...» членение грамот на клаузулы проведено не было. См.: Сборник грамот Коллегии экономии... Т. I–II.

¹⁹⁶ См.: Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. СПб., 1913. С. 580.

¹⁹⁷ Правила издания грамот Коллегии экономии... С. 30–34.

¹⁹⁸ См.: Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. СПб., 1913. С. 564–571.

¹⁹⁹ См.: Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси: Сб. материалов и исследований, сообщенных О. Гонсиоровским, А. А. Куником, А. С. Лаппо-Данилевским. СПб., 1907. С. 211–311; Лаппо-Данилевский А. С. Печати последних Галичско-Владимирских князей и их советников. СПб., 1906.

²⁰⁰ Грушевский М. С. [Рец.:] Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси... // ЖМНП. 1908. №9. С. 197.

²⁰¹ Там же. С. 199.

²⁰² Лаппо-Данилевский А. С. Служилые кабалы позднейшего типа... С. 719–764.

²⁰³ Там же. С. 719–739.

²⁰⁴ Лаппо-Данилевский А. С. *Методология истории*. СПб., 1913. С. 488.

²⁰⁵ Лаппо-Данилевский А. С. *Служилые кабалы позднейшего типа...* С. 739–764.

²⁰⁶ Там же. С. 741.

²⁰⁷ Там же. С. 741.

²⁰⁸ Там же. С. 742.

²⁰⁹ Там же. С. 743.

²¹⁰ Там же. С. 744.

²¹¹ Там же. С. 720.

²¹² Там же. С. 758.

²¹³ Там же. С. 746.

²¹⁴ Там же. С. 748–749.

²¹⁵ Там же. С. 758.

²¹⁶ Там же. С. 764.

²¹⁷ Лаппо-Данилевский А. С. *Очерк русской дипломатики частных актов...*

²¹⁸ См.: Там же. С. 139–145.

²¹⁹ См.: Там же. С. 145–157.

²²⁰ См.: Там же. С. 174–175.

²²¹ Там же. С. 175–177.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГР – Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России

АД – Архивное дело

АЕ – Археографический ежегодник

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией

АЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук

АЮ – Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства, изданные Археографической комиссией

АЮБ – Акты, относящиеся до юридического быта древней России

БК – Борьба классов

ВЕ – Вестник Европы

ВИ – Вопросы истории

ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины

ВМОИДР – Временник Московского Общества истории и древностей российских

ДД – Дела и дни

Дополнения к АИ – Дополнения к Актам историческим

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения.

ЖМЮ – Журнал Министерства юстиции

Записки АН по ИФО – Записки имп. Академии наук по историко-филологическому отделению

ИА – Исторический архив

ИАН – Известия имп. Академии наук (Известия Академии наук)

ИАН по ОРЯС – Известия Академии наук по отделению русского языка и словесности

ИЗ – Исторические записки

ИО – Историческое обозрение

ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии

ИФО – Историко-филологическое отделение Российской Академии наук

КР – Книга и революция

- ЛЗАК** – Летопись занятий имп. Археографической комиссии
- МАМЮ** – Московский архив Министерства юстиции
- МГИАИ** – Московский государственный историко-архивный институт
- ОА** – Отечественные архивы
- ОР РНБ** – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
- ОР РГБ** – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
- ОРЯС** – Отделение русского языка и словесности Российской Академии наук
- ПМ** – Проблемы марксизма
- ПСЗ** – Полное собрание законов Российской империи
- ПСРЛ** – Полное собрание русских летописей
- ПФА РАН** – Петербургский филиал архива Российской Академии наук
- РАН** – Российская Академия наук
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов
- РГИА** – Российский государственный исторический архив
- РИБ** – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией
- РИЖ** – Русский исторический журнал
- СГГД** – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел
- СИЭ** – Советская историческая энциклопедия
- СПБДА** – Санкт-Петербургская Духовная академия
- ТОИДР** – Труды и записки Общества истории и древностей российских (при Московском университете)
- Уложение** – Соборное уложение 1649 года. Текст, комментарии. Л., 1987.
- ЧМОИДР (ЧОИДР)** – Чтения в (Московском) Обществе истории и древностей российских (при Московском университете).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Агафонов М. — 42.
Адриан, архим. — 125.
Адриан, игумен — 111.
Айзенберг А. — 233.
Акакий, игумен — 111.
Александр, архиеп. — 177.
Александров А.А. — 250, 251, 270.
Александров П. — 48.
Александров-Дольник К. — 91.
Алексей Михайлович, царь — 37–38, 55.
Алексей, чернец — 172, 176.
Алексий св., митр. — 85.
Альтман И.А. — 269.
Алябьев Д. — 16, 104, 127, 183.
Амвросий (Орнатский), иером. — 87, 215, 218.
Ананьин П. — 72.
Ананьич Б.В. — 264.
Андрей — 108.
Андреев А.И. — 3–6, 9, 23, 26, 29, 30, 31, 97, 195, 220, 222, 227–229, 233, 237, 260, 261, 262, 264.
Андреев Ф. — 181.
Андрей Федорович, кн. — 110.
Андрей Юрьевич (Боголюбский) — 129.
Антоний Римлянин — 51, 67, 124.
Антоний, старец — 38.
Апраксин Ф.М — 183.
Арсений, иером. — 216.
Арсений, старец — 115.
Артамонов И. — 66.
Артемиий, черноризец — 122.
Аттик Тит Помпоний — 37.
Аустин [Остин] Д. — 200.
Афанасий, старец — 38.
Афанасьев Ю.Н. — 264.
Бароний Ц., кардинал — 208.
Барсуков А.П. — 205, 218, 223.
Барсуков Н.П. — 208, 209.
Безобразов А.И. — 75, 205.
Белавенец М.И. — 210.
Беленький И.Л. — 250, 266, 267.
Белеутов А. — 116, 183.
Белокуров С.А. — 205,
Беляев И.Д. — 81, 92, 209.
Беляев П.И. — 222.
Бередников Я.П. — 83, 89.
Бецкой И.И. — 21.
Богословский М.М. — 222.
Боковиков М. — 183.
Болеслав-Юрий II — 22.
Болтинских В. — 187.
Борисов В.А. — 83.
Бороткиных Ф. — 74.
Буганов В.И. — 241, 266.
Бушуй Т.Л. — 71.
Валк С.Н. — 9, 10, 13, 229–231, 232–233, 234, 235–236, 238, 239, 240, 241, 242, 245, 249, 250, 260–261, 262, 263, 264, 265, 266, 268.
Варадинов Н.В. — 246, 268.
Варлаам Хутынский — 66, 107.
Варфоломей Васильевич — 112.

---

* Указатель составлен И.П. Потехиной при участии Е.А. Ростовцева. В указателе *курсивом* выделены номера страниц, отсылающие к примечаниям. В указатель не включались имена собственные, входящие в состав названий неодушевленных объектов (государственных учреждений, архивных коллекций, изданий и т.п.), а также имена в составе цитат.

- Варшавчик М.А. — 244, 248, 267.
 Василий, Андреев сын — 121.
 Василий, пасынок И. Карпова — 156.
 Василий Андреевич — 65.
 Василий Васильевич, вел. кн. — 65.
 Василий Дмитриевич, вел. кн. — 63.
 Василий Святого Спаса, игумен — 111–112.
 Василий Степанович, посадник — 186.
 Василий, игумен — 37.
 Васильев А. — 204.
 Васильев И.В. — 202.
 Васильев С. (Вешняк) — 72.
 Вахрамеев И.А. — 84.
 Введенский А.А. — 240, 264, 266.
 Вельяминов-Зернов В.Ф. — 59, 202, 221.
 Вельяшев Б. — 104.
 Верейский М.А., кн. — 76, 175, 184.
 Веретенников В.И. — 97, 227.
 Вернадский В.И. — 250.
 Вернадский Г.В. — 10, 24, 25, 26, 29.
 Верюжский В.М. — 224.
 Верюжский И.П. — 193.
 Викторов А.Е. — 208.
 Вислый М. — 184.
 Викула Извольский — 72.
 Владимир Василькович, кн. Владимиро-Волынский — 124.
 Владимир Всеволодович, кн. — 44.
 Владимир Всеволодович Мономах, вел. кн. — 37, 44.
 Владимирский-Буданов М.Ф. — 104.
 Власий Степанович — 109.
 Возницын П. — 130.
 Волконский Ф.Ф., кн., окольничий — 125.
 Воложская Ф.И. — 184.
 Воляш, игуменов сын — 103.
 Ворачев Т. — 197.
 Воронцов С.М. — 205.
 Воронцовы, семья — 74.
 Всеволод Мстиславович, вел. кн. — 51, 107.
 Второв Н.И. — 91.
 Вяземский А.А., кн. — 21.
 Гавренев И.А. — 38.
Гаврилов Р. — 181.
 Гамель И.Х. — 83.
 Гарелин Я.П. — 81.
 Гаттерер И. — 87.
 Гейман В.Г. — 234.
 Гессен С.И. — 9.
 Гефтер М.Я. — 241.
 Гиппинг А.И. — 26.
 Гирке О. — 199.
 Голенин В.И., кн. — 76, 77.
 Голицыны, семья — 74.
 Голубев С.Т. — 216.
 Гольдер Ф. — 10.
 Гонсиоровский О. — 28, 211, 271.
 Горбатый М.В., кн. — 197.
 Горбачевский Н.И. — 211.
 Горский А.В. — 204–205, 208, 215.
 Горюшкин З.А. — 58, 201.
 Градовский А.Д. — 8.
 Гревс И.М. — 7, 10, 12, 13, 25, 26, 231, 232, 250, 264.
 Греков Б.Д. — 9, 10, 26, 206, 231, 234, 239.
 Григорий, игуменов сын — 103.
 Григорий Бутора — 122.
 Григорий Назианзин — 45.

- Григорий XIII, папа римский — 140, 142.
 Григорьев Павел — 178.
 Григорьев Петр — 157.
 Григорьев Ф. — 212.
 Грудцын В. — 177.
 Грушевский М.С. — 257, 271.
 Губин С. — 183.
 Гулыга А.В. — 241.
 Даниил, митр. — 156, 197.
 Данило Блин — 75.
 Данилова Е.Н. — 237.
 Десницкий С.Е. — 59.
 Дехов М. — 173.
 Дехтеревы, семья — 183.
 Дильтей Ф.Г. — 202,
 Дионисий, архим. — 64.
 Дионисий Малый — 139, 219.
 Дмитрий — 49.
 Дмитрий Мирошкинич, посадник — 44.
 Дмитрий Иванович Донской, вел. кн. — 129.
 Дмитриев Ф.М. — 214.
 Добрушкин Е.М. — 251, 270.
 Долматов В. — 76.
 Достоваловых Ф. — 53.
 Дубровин Н.Ф. — 261.
 Дурново Я.И. — 217.
 Дьяконов М.А. — 10, 195, 197, 223, 224, 260.
 Дьяконова А. — 147.
 Дювернуа Н.Л. — 199, 201.
 Дюги Л. — 200.
 Еванова жена — 150.
 Евгений (Болховитинов), митр. — 87, 196, 209, 217.
 Евлентьев К.Г. — 216.
 Евсевиев И. — 47.
 Евстрат, старец — 75.
 Евфимий, монах — 85, 209.
 Евфимий, патр. — 135.
 Евфросиния, княгиня — 65.
 Екатерина II — 21, 22, 58, 85.
 Елизавета Петровна — 58.
 Елистратов Н.А. — 237.
 Ельяшевич В.Б. — 221, 222, 224.
 Ергина М. — 122.
 Еропкин Я. — 43.
 Есиф Онуфриевич — 74.
 Желябужский И.А. — 217.
 Жизневский А.К. — 205.
 Жири А. — 194, 202, 220.
 Журавский Д.П. — 246, 247, 268.
 Завитневич В.З. — 213, 219.
 Заворотков Г. — 157.
 Залеман К.Г. — 261.
 Зверинский В.В. — 218.
 Зиккель Т. фон — 194.
 Зимин А.А. — 239, 266.
 Зинченко И.К. — 83.
 Злобин И. — 75.
 Злотников М.Ф. — 97, 227.
 Зубарев И.И. — 193.
 Зыков В. — 43.
 Иван — 107.
 Иван, Александров сын — 71.
 Иван, духовник — 175.
 Иван (III) Васильевич, вел. кн. — 175.
 Иван IV Грозный — 37, 51, 63, 124.
 Иван Васильевич, вел. кн. Рязанский — 121.
 Иван Губа — 75.
 Иван Данилович, посадник — 72, 112.
 Иван Данилович Калита, вел. кн. — 65, 66, 67, 102, 183, 191.
 Иван Пышка — 177.
 Иванов, сын Лихарева (Меньшой) — 48, 49.
 Иванов Г. — 103.
 Иванов М. — 178.
 Иванов П.И. — 207,

- Игнатъев О. — 104.
 Игорь Святославович, вел. кн. — 35.
 Иеремия, патр. — 140, 219.
 Иеринг Р. фон — 199, 200.
 Иконников В.С. — 205, 208,
 Иннокентий Комельский,
 преп. — 193,
 Иоанн, архиеп. Вятский и Пер-
 мский — 111, 112.
 Иона, митр. — 39, 135, 164.
 Иосиф Волоколамский — 196.
 Каблуков Н.А. — 83.
 Кавелин К.Д. — 198, 200.
 Калайдович К.Ф. — 88, 207, 209,
 216.
 Калачов Н.В. — 91, 92, 193, 205,
 209.
 Калашников И. — 156.
 Каманин И.М. — 213.
 Караулов Г. (Черемисин Карау-
 лов) — 115, 204.
 Кареев Н.И. — 8, 12, 231, 250.
 Карпов Г.Ф. — 101.
 Карпов В. — 157.
 Карпов И. — 157.
 Кассиан, игумен — 115.
 Кауфман А.А. — 246, 247, 268.
 Кашкин Н.Н. — 83.
 Каштанов С.М. — 240, 241, 242–
 243, 247, 263, 266, 267.
 Кеппен П. — 217.
 Кильбургер И.Ф. — 214,
 Киприан, митр. — 39, 135, 164.
 Кирилл Туровский — 37, 45.
 Кистенев М. — 176.
 Китка Боров — 148–149.
 Клементьев М. — 156.
 Климент Новгородец — 67.
 Кобелев М. — 76.
 Ковалевский М.М. — 12.
 Кожин И. — 204.
 Кокошкин Ф.Ф. — 13.
 Колмаков Н. — 181.
 Колобынин С. — 177.
 Кологривов Г. — 64.
 Конанов М. — 177.
 Копанев А.И. — 261.
 Корзун В.П. — 250.
 Коркунов Н.М. — 198, 201.
 Костомаров Г.Д. — 266.
 Котляров Г.М. — 97, 220, 224,
 227, 231, 263.
 Котошихин Г.К. — 195.
 Кочин Г.Е. — 234–235, 265.
 Кривоборские — 77.
 Кромин И. — 181.
 Кузьмин М. — 64.
 Кукольник В.Г. — 59, 202.
 Кун В.Н. — 97, 227, 261.
 Куник А.А. — 11, 26, 28, 89–90,
 211, 271.
 Куницын А.П. — 59, 201.
 Куракин Ф.А. — 205.
 Куракины, семья — 74, 83.
 Курбский А.М., кн. — 37.
 Курганов Н.Г. — 221.
 Курдумов Г. — 159.
 Курдюмов М.Г. — 193, 194, 203,
 208.
 Курносоев А.А. — 240, 266, 269.
 Курц Б.Г. — 214.
 Лазарев С. — 116.
 Лакиер А.Б. — 91.
 Ламанский В.И. — 27.
 Ланганс Ф. — 201.
 Ланге Н.И. — 200.
 Лаппо-Данилевский А.С. — 3–6,
 7–25, 26–29, 30, 91, 96, 192, 195,
 200, 203, 207, 210, 211, 212, 218,
 220, 221, 224, 225–260, 260, 261,
 262, 263, 264, 271–272.
 Лаптев И.П. — 212.
 Лапшин И.И. — 9.
 Ларионов И. — 176.
 Латышев В.В. — 261.

- Лебедев Д.П. — 207, 219.
 Ленин В.И. — 245.
 Лентьев В. (Третьяк) — 73.
 Лентьева Марфа Вас. — 73.
 Лентьева Матрена Вас. — 73.
 Леонид (Кавелин), архим. — 205.
 Линовский В.А. — 200.
 Литвак Б.Г. — 242, 244, 246–247, 267, 268.
 Лихарев И.Е. — 48.
 Лихарева Е.А. — 48.
 Лихачев Н.П. — 90, 93, 203, 204, 206, 208, 210, 212, 214, 220, 223, 255.
 Лодыгин В. — 123.
 Лорд Р.Г. — 10.
 Лука, игумен — 111.
 Лыскова-Чертова Н. — 156.
 Мабильон Ж. — 69, 87.
 Макарий, митр. — 160.
 Макарий (Булгаков), митр. — 219.
 Максимович Л.М. — 218.
 Малинов А.В. — 25, 251, 270.
 Малков Д. — 53.
 Малышевский И.И. — 219.
 Маркевич А.И. — 208.
 Маркелл, архиеп. — 38.
 Марков И. — 171.
 Мартенс Ф.Ф. — 219.
 Марфа, вдова — 111–112.
 Марфа, теща Варфоломеева — 112.
 Марьица — 67.
 Маскаков В.В. — 264.
 Медушевская О.М. — 242, 248, 250–251, 264, 267, 269, 270.
 Мейчик Д.М. — 93, 196, 202, 203, 204, 211, 213, 215, 222.
 Мелетий (Хребтович-Литоворович-Богуринский), архим. — 129.
 Мельников П.И. — 91.
 Мефодий, Яковлев сын — 212.
 Мещериновы, семья — 127.
 Микулаев Ф. — 43.
 Миллер Г.Ф. — 82, 85, 218.
 Милюков П.Н. — 16, 24, 27, 29.
 Мининков Н.А. — 269.
 Михаил Кирулларий, патр. — 208.
 Михайлов Д. — 65.
 Михайлов И. — 204.
 Молечкин П. — 110.
 Москотиньев И. (Большой) — 75.
 Мотовилов М. — 110.
 Мотовилов П. — 110.
 Мохначева М.П. — 264.
 Мстислав Владимирович, вел. кн. — 51, 107.
 Мурашов И. — 73.
 Муркос Г. — 194.
 Муханов П.А. — 204.
 Мухов И.С. — 184.
 Мухов С.С. — 184.
 Мухов Ф.С. — 184.
 Мюллер Р.Б. — 234.
 Наковальнин Ф. — 130.
 Настасья, попадья — 172.
 Неволин К.А. — 104, 196, 212, 218.
 Невоструев К.И. — 208.
 Некрасов Н. — 177.
 Нелидов Н. — 157.
 Никанор, архим. — 157.
 Никитин П.В. — 261.
 Никитин Т. — 159.
 Никифор, митр. — 44.
 Николаева А.Т. — 245, 268.
 Никон, патр. — 43, 123.
 Никонов А.Д. — 237.
 Никулаев Н. — 157.
 Новиков Н.И. — 85.
 Новокщенов В.А. — 183.

- Новомбергский Н.Я. — 222.
 Ноздроватый А., кн. — 176.
 Обекан, Куров сын — 150.
 Оболенский И.В., кн. — 49.
 Оглоблин Н.Н. — 193, 200, 217.
 Оладьин Д. — 176.
 Олеарий А. — 139.
 Олег Святославович, кн. — 37.
 Ольденбург С.Ф. — 12, 231, 261.
 Ольховский Е.Р. — 251, 270.
 Онисифор Девочка, митр. — 141.
 Онтотман, Александров сын — 71.
 Островская М.А. — 208.
 Отуфьев П. — 49.
 Павел Алеппский — 194.
 Павел Труфанович (Трифонович, Туфанов сын) — 103–104.
 Павзаний [Павсаний] — 35.
 Павлов А. — 181.
 Павлов К. — 178.
 Павлов-Сильванский Н.П. — 221, 255.
 Палка Белозерец — 117.
 Панях В.М. — 242, 245, 261, 262, 263, 265, 267, 268.
 Панин, дворянин — 125.
 Панины, семья — 74, 205.
 Панкрат Ченей — 144.
 Патрикей — 116.
 Пахман С.В. — 198, 220.
 Пашуто В.Т. — 236, 265.
 Петр, протопоп — 156.
 Петр Игнатъевич — 159.
 Петр I Великий — 57.
 Петражицкий Л.И. — 198, 199–200.
 Пештич С.Л. — 22, 29.
 Пиотровский Б.Б. — 269.
 Пискарев А.Н. — 91.
 Платонов С.Ф. — 8, 195, 208, 233, 234, 236, 255, 256, 260, 264.
 Плещеева А.Ф. — 49.
 Плещеева Н.Ф. — 49.
 Поганкин С.И. — 127, 216.
 Погодин М.П. — 82.
 Погодин С.Н. — 25, 251, 270.
 Подвысоцкий А.И. — 211.
 Покровский И.А. — 200.
 Покровский И.М. — 218.
 Покровский М.Н. — 232, 264.
 Полуехтов П. — 100.
 Полунин Ф.А. — 218.
 Попов А.Н. — 216.
 Попов М., свящ. — 74.
 Попов Н.П. — 216.
 Попова Т.П. — 269.
 Посошков И.Т. — 113, 213, 214.
 Потехина И.П. — 5.
 Пресняков А.Е. — 7, 8, 9, 10, 23, 25–26, 29, 231, 236, 247, 250, 256, 262, 263.
 Приймак Н.И. — 251, 270.
 Приселков М.Д. — 236.
 Прозоровский Д.И. — 211.
 Пронштейн А.П. — 245–246, 249, 268, 269.
 Простоволосова Л.Н. — 250, 264, 265.
 Пташицкий С.Л. — 212.
 Пугачев Е.И. — 22.
 Пушкарев Л.Н. — 244, 248, 267.
 Пятунин И. — 73.
 Радлов В.В. — 261.
 Райнов Т.И. — 250.
 Расторгуев К. — 157.
 Ратшин А. — 218.
 Рейтенфельс Я. — 219.
 Риттих А.Ф. — 217.
 Рихтер Д.И. — 218.
 Розен В.Р. — 261.
 Роман I Лакапин, византийский император — 35.
 Роман Вилимович — 159.

- Роман Мстиславович, кн. — 124, 130.
 Романов Б.А. — 9, 26,
 Ростовцев Е.А. — 5, 251, 260, 264, 270.
 Рубинштейн Н.Л. — 235, 265.
 Румянцев Н.П. — 87, 88.
 Савваитов П.И. — 83, 196.
 Савватий, старец — 171.
 Савка, Васильев сын — 67.
 Саларев С.Г. — 88, 209.
 Салтыков Ф.С. — 163, 221.
 Самойлова В.И. — 237.
 Сахаров И.П. — 217.
 Своземцов О. — 112.
 Святослав, кн. — 98.
 Секирин М. — 67.
 Селезнев М.С. — 261.
 Семевский М.И. — 83, 205.
 Семен Баба — 172.
 Семен, Яковлев сын — 212.
 Семен Иванович, вел. кн. — 107.
 Семенов Я. — 218.
 Сербина К.Н. — 234.
 Сергей Радонежский, св. преп. — 129.
 Сибирцев И.М. — 220.
 Сидельников Р.А. — 251, 270.
 Сидоров Н. — 123.
 Сидоров Н.И. — 97, 221, 224, 226, 227.
 Сидоров С. — 123.
 Сидорова Л.А. — 266.
 Симон, архиеп. — 38.
 Скабаланович Н.А. — 219.
 Смирнов М.Н. — 97, 227.
 Собакин И.Г. — 49.
 Соболевский А.И. — 211, 212.
 Соколов Н.Н. — 217.
 Соколов В.Ю. — 264.
 Сокольский И. — 221.
 Соловцов П. — 144, 185.
 Соломеин Ф. — 130.
 Сорокин П.А. — 15, 26.
 Софинов П.Г. — 238, 266.
 Спасский Г.И. — 220.
 Сперанский М.М. — 11, 59, 60, 201–202.
 Срезневский И.И. — 92, 102, 104, 195, 196, 197, 211, 212, 213.
 Сталин И.В. — 241.
 Станиславский А.Л. — 264, 265.
 Степанов Н.В. — 218, 219.
 Стефан Баторий — 140, 141.
 Сторожев В.Н. — 197.
 Стрельский В. И. — 240.
 Строгановы, семья — 74, 83.
 Строев П.М. — 83, 88, 89, 207, 216.
 Стромиллов С.В. — 68, 77, 84, 117, 150, 222.
 Сукин А.А. — 100.
 Сумароков Н. — 64.
 Сысоев Ф. — 100.
 Тальман Е.М. — 238.
 Тарановский Ф.В. — 198.
 Тараторкин Ф.Г. — 250, 251, 270.
 Татев Ф., кн. — 64.
 Татищев В.Н. — 213.
 Терещенко А.В. — 89.
 Тешага — 104.
 Тилло А.А. — 217.
 Титов А.А. — 84.
 Тихонравов К.Н. — 197,
 Толстой П.А. — 183.
 Толстой И. — 72.
 Толстой М.М. — 84.
 Толстой Ф.А. — 82, 160.
 Томсинский С.Г. — 234, 264.
 Тон А. — 198, 199.
 Травников Б. — 43.
 Тромонин К.Я. — 212.
 Трутовский В.К. — 30, 104, 212.
 Туманов В.Е. — 269.
 Уваров А.С. — 84, 160.

- Углецкий А. — 156.
 Ульпиан Домиций — 199.
 Усов Т. — 123.
 Успенский Н.П. — 205.
 Устин, Семенов сын — 74.
 Ушаков Д.Я. — 217.
 Федор, архиеп. Ростовский — 135.
 Федор Васильевич — 121.
 Федор Михайлович, кн. Белозерский — 196, 222.
 Федор Романович, кн. Белозерский — 196, 222.
 Федор Студит — 44.
 Федоров А. — 159.
 Федоров К. — 65.
 Федосеев П.Н. — 241.
 Федот, игуменов сын — 103.
 Феодосий, митр. — 115.
 Феокистов И. — 184.
 Фетиев Г. — 175, 223.
 Филипп Григорьевич — 111–112.
 Филофей, игумен — 115.
 Францев Ю.П. — 241.
 Хавский П.В. — 218.
 Хованский И., кн. — 176.
 Хорхордина Т.И. — 262.
 Храпченко М.Б. — 241.
 Цамутали А.Н. — 247, 268.
 Царский И.Н. — 160.
 Цвибак М.М. — 233, 234, 235, 236, 238, 264, 265.
 Цицерон Марк Туллий — 37.
 Чаев Н.С. — 234.
 Чередов П. — 63.
 Черемисин Г. — см. Караулов Г.
 Черепнин Л.В. — 236–237, 238, 239, 240, 241, 242, 243–244, 245, 248, 250, 265, 267.
 Чернобаев А.А. — 261.
 Чернуха В.Г. — 261.
 Чернышев Е.И. — 262.
 Чертов И.М. — 68, 77, 84, 117, 150, 222.
 Чечулин Н.Д. — 194, 202.
 Чирков С.В. — 248, 250, 251, 269, 270.
 Чичерин Б.Н. — 8, 203.
 Шапиро А.Л. — 239–240, 242, 266.
 Шафиров П.П. — 183.
 Шахматов А.А. — 12, 90, 195, 212, 213, 214, 222, 236, 244, 260.
 Шваков Г. — 75.
 Шваков Тимофей — 75.
 Шваков Тит — 75.
 Шваков Ю. — 75.
 Шереметев И. — 176.
 Шереметевы, семья — 74, 183.
 Шешенин А. — 177.
 Шилов А.А. — 97, 220, 226, 227, 240.
 Ширрен К.К. — 83.
 Шлецер Х.А. — 88, 209.
 Шляпин В.П. — 91, 198.
 Шляпкин И.А. — 203,
 Шмидт С.О. — 242, 244, 248, 250, 267, 268–269.
 Шохин Л.И. — 261.
 Шуйский Д.И., кн. — 114, 214.
 Шулемин Н. — 123.
 Шумаков С.А. — 4, 30, 90, 91, 93–96, 194, 196, 197, 203, 210, 218, 223, 226.
 Шумалкин В.С. — 63.
 Щекатов А. — 218.
 Щербатов М.М. — 85.
 Энгельман И.Е. — 202.
 Южаков С.Н. — 210.
 Юрий Федорович, кн. — 110.
 Юшков А.И. — 90, 198, 206.
 Яворский Стефан — 201.
 Языкова О. — 156.
 Яковлев сын Новых Денег — 71.
 Яковлев М. — 111.

Яковлев Н.Н. — 237.
Яковлев С. — 111.
Янжул И.И. — 261.
Янсон Ю.Э. — 246, 247, 268.

Wichmann B. von — 218.
Zeumer K. — 220.

Austin J. — см. Аустин Д.
Brunner H. — 194.
Capelli A. — 211.
Dernburg H. — 199.
Duguit L. — см. Дюги Л.
Erben W. — 202, 203.
Ferrari G. — 217.
Ficker I. — 194.
Fremont R. — 194.
Gierke O. — см. Гирке О.
Giry A. — см. Жири А.
Heisenberg A. — 217.
Ihering R. von — см. Иеринг Р. -
фон.
Langlois C.V. — 192, 220.
Marcianus a Capella [Marcianus
Capella] — 36.
Miklosich F. — 217.
Müller J. — 217.
Muralt E. de — 218.
Petrazycki L. von — см. Петра-
жицкий Л.И.
Posse O. — 194, 202.
Redlich O. — 202, 203.
Rietsch F. — 193,
Rivière M. — 194.
Rosenmund R. — 203.
Rozières E. de — 220.
Rühl F. — 218.
Schmitz-Kallenberg L. — 202,
203.
Seeck O. — 218.
Seignobos C. — 192.
Sickel T. von — см. Зиккель Т. -
фон.
Thon A. — см. Тон А.
Wattenbach W. — 195.
Wenger L. — 217.

СОДЕРЖАНИЕ

От публикатора	3
<i>Погодин С. Н., Малинов А. В.</i> Академик Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский	7
От редактора (<i>А. И. Андреев</i>)	30
Предисловие	31
Отдел первый. Общее понятие о дипломатике и ее положение в русской исторической науке	33
<i>Глава первая. Предмет дипломатики: изучение документов и актов</i>	33
§1. Понятие о документе и об акте	33
§2. Акты с осведомительным и акты с удостоверительным характером	40
§3. Акты публичные и частные	53
§4. Основные задачи дипломатического изучения публичных и частных актов	69
<i>Глава вторая. Дипломатическое изучение в русской археографии и историографии</i>	71
§1. Важнейшие собрания и хранилища актов	71
§2. Развитие русской дипломатики и ее литература	84
Отдел второй. Документальное источниковедение частных актов	98
<i>Глава первая. Интерпретация частных актов</i>	98
<i>Глава вторая. Критика актов, преимущественно частных</i> ..	105
Отдел третий. Документальное построение частных актов 132	
<i>Глава первая. Анализ частного акта</i>	134
§1. Предварительный анализ частного акта: место и время его происхождения	134
§2. Дипломатический анализ актов	143
§3. Юридический анализ	164
<i>Глава вторая. Синтез частного акта</i>	170
Заключение	182
Примечания	192
<i>Ростовцев Е. А. А. С.</i> Лаппо-Данилевский – основатель русской школы дипломатики частного акта	225
Список сокращений	273
Указатель имен	275

Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич

**ОЧЕРК РУССКОЙ ДИПЛОМАТИКИ
ЧАСТНЫХ АКТОВ**

Издательство «Северная Звезда»
Лицензия ИД №04018 от 12.02.2001

Подписано в печать 13.09.2006. Формат 70x100/32.
Объем 17,8 п.л. Тираж 1000 экз. Заказ № 27.

Отпечатано в типографии ООО «ИПК «БИОНТ»»
199406, Санкт-Петербург, Средний пр. ВО., д. 86
тел. (812) 322-68-43

Малое
его до ка
наще
шдо на ир
дотъ . а
се етъ на
плотъ ег

ISBN 590195426-2

9 785901 954263